ISSN 2219-0279

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ: ХОЗЯЙСТВО И ЭКОНОМИКА; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО; ПРАВО И УПРАВЛЕНИЕ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ **№3 (166), 2024**

Периодичность 12 номеров в год Издается с 2010 г.

Учредитель:
Некоммерческая организация «Фонд поддержки образования и науки в Ростовской области»

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых **должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата юридических / экономических / политических наук**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
от 21 июля 2010 г.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-41365
Почтовый индекс в каталоге Почты России - П8224

Главный редактор:
Григорян Сергей Александрович,
доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ; учредитель, генеральный директор некоммерческой организации «Фонд поддержки образования и науки в Ростовской области»

Заместители главного редактора:
Бугаян Илья Рубенович, доктор экономических наук, профессор
Лебедева Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент

Редакционный совет:
Арсеньева Валерия Александровна, доктор экономических наук, доцент
Кобилев Алексей Геннадьевич, доктор экономических наук, профессор
Назаров Сергей Николаевич, доктор юридических наук, профессор
Радачинский Юрий Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Рукавишникова Ирина Валерьевна, доктор юридических наук, профессор
Старостин Александр Михайлович, доктор политических наук, профессор

Редакционная коллегия:
Агаркова Любовь Васильевна, доктор экономических наук, профессор
Андреева Лариса Юрьевна, доктор экономических наук, профессор
Анесянц Саркис Артаваздович, доктор экономических наук, профессор
Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор
Анопченко Татьяна Юрьевна, доктор экономических наук, профессор
Артеменко Наталья Викторовна, кандидат юридических наук, доцент
Артюхин Олег Александрович, кандидат политических наук, доцент
Аствацатурова Майя Арташесовна, доктор политических наук, профессор
Богдан Варвара Владимировна, доктор юридических наук, доцент
Власова Галина Борисовна, доктор юридических наук, доцент
Досаева Глера Сулеймановна, доктор юридических наук, доцент
Душакова Леся Анатольевна, доктор юридических наук, доцент
Дробышевская Лариса Николаевна, доктор экономических наук, профессор
Казаринов Ильдар Александрович, кандидат юридических наук
Кизим Анатолий Александрович, доктор экономических наук, профессор
Колесник Ирина Валентиновна, доктор юридических наук, доцент
Кузина Светлана Ивановна, доктор политических наук, профессор
Кузьминов Александр Николаевич, доктор экономических наук, доцент
Кюрджиев Сергей Пантелеевич, доктор экономических наук, профессор
Мархгейм Марина Васильевна, доктор юридических наук, профессор
Мисник Галина Анатольевна, доктор юридических наук, доцент
Мясников Анатолий Павлович, доктор юридических наук, профессор
Подройкина Инна Андреевна, доктор юридических наук, доцент
Позднышов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор
Полтавцева Лариса Ивановна, доктор юридических наук, профессор
Понеделков Александр Васильевич, доктор политических наук, профессор
Працко Геннадий Святославович, доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор
Семенцова Ирина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Скорев Михаил Михайлович, доктор экономических наук, профессор
Смоленский Михаил Борисович, кандидат юридических наук, доктор социологических наук, профессор
Улезько Сергей Иванович, доктор юридических наук, профессор
Храпунова Екатерина Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Чапурко Татьяна Михайловна, доктор политических наук, профессор
Шагинян Сергей Георгиевич, доктор экономических наук, профессор

Адрес издателя и редакции:
344030 г. Ростов-на-Дону, пер. Нальчикский, 34
www.journal-nio.com; e-mail: journal.nio@gmail.com
Тираж 1000 экз.

© Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 2024

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Печева Ю.Н. Проблемы методологии исчисления реальных доходов населения в условиях кризиса 7

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Бондаренко Н.П., Щерба М.Ю. Направления совершенствования межведомственного взаимодействия Федеральной таможенной службы Российской Федерации с федеральными органами исполнительной власти в пунктах пропуска 11

ФИНАНСЫ

Воловик Е.С. Цифровая трансформация экономики как перспективный вектор развития на современном этапе 16

МЕНЕДЖМЕНТ

Малинина О.Ю., Коваленкова О.Г. Управление персоналом предприятий водного транспорта на основе компетентностной модели 23

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Кулик Т.Ю. Формирование единой концепции правового регулирования упрощенного производства 30

Мельников П.А. Федеральное Собрание Российской Федерации как субъект конституционной защиты пассивных избирательных прав 34

Минакова И.Г. Право детей на отдых и оздоровление: конституционно-правовое регулирование и перспективы развития 42

Топилина А.В., Кузьменко О.В. Трудовая миграция в современной России: проблемы и перспективы 45

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Мосиенко Т.А., Тугуз М.А. Проблемы правового регулирования режима супружеского имущества в России и КНР: сравнительно-правовой анализ 51

Фалалеева В.А., Алимова О.В. Правовые особенности патентирования в зарубежных странах 59

Федоренко Н.В., Левина Ю.В. О некоторых проблемах, связанных с ограничением ответственности должника при осуществлении предпринимательской деятельности 62

Федоренко Н.В., Нелюбов А.М. Перспективы введения института квалифицированных примирителей 66

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Арзуманян А.А., Сазанова Е.А. О недостатках законодательной регламентации заведомо ложного доноса (ст. 306 УК РФ) и возможных путях их устранения 71

Бордюгов Л.Г., Бушманов Р.В. От сведущего лица до цифровизации 76

Василенко Н.А., Цымлянская О.А. К вопросу о совершенствовании уголовно-правовых норм защиты предпринимательской деятельности в РФ 81

Демидченко Ю.В. Проблемы реализации конституционных гарантий при производстве осмотра мобильных устройств в рамках уголовного судопроизводства 85

Исакова Д.С. О несовершенстве уголовно-исполнительного законодательства в части реализации права на юридическую помощь осужденных к лишению свободы 89

Лозинский О.И. Эволюция применения биометрических технологий в сфере криминалистического распознавания личности, на примере исследований кисти руки человека (от дактилоскопии до васкулярной идентификации) 93

Лозинский О.И., Клевец А.Р. Современная криминалистическая одорология и ее доказательственные возможности в раскрытии и расследовании преступлений (на примере ольфакторной экспертизы) 100

Лозинский О.И., Фалюш М.А. Эволюция «традиционных» и генерация новых способов сокрытия ранее совершенных и совершающихся преступлений как форма организации (реализации) противодействия их раскрытию и расследованию 107

Семенцова И.А., Жорницкая Е.А. Преступления, связанные с робототехникой, как новая угроза национальной безопасности России 114

Семенцова И.А., Фоменко А.И., Шабаева А.Е. Актуальные вопросы предупреждения и противодействия несанкционированному доступу к информации в сети Интернет 119

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Инжижоков С.М., Самгуров А.Ш. Современная аграрная политика России: проблемы развития инфраструктуры 124

Крицкая А.А, Меликян А.Г. Институционализация системы молодежных общественных организаций через проект «Навигаторы детства» и «Движение первых» 130

CONTENTS

THEORY OF ECONOMICS

Pecheva Yu.N. Problems of methodology for calculating real incomes of the population in a crisis 7

WORLD ECONOMICS

Bondarenko N.P., Shcherba M.Yu. Directions for improving interdepartmental interaction of the Federal Customs Service of the Russian Federation with federal executive bodies at check-points 11

FINANCE

Volovik E.S. Digital transformation of the economy as a promising vector of development at the present stage 16

MANAGEMENT

Malinina O.Yu., Kovalenkova O.G. Personnel management of water transport enterprises on the basis of competence model 23

PUBLIC-LAW (STATE-LAW) SCIENCES

Kulik T.Yu. Formation of a unified concept of legal regulation of simplified proceedings 30

Melnikov P.A. The Federal Assembly of the Russian Federation as a subject of constitutional protection of passive electoral rights 34

Minakova I.G. Children's right to rest and recovery: constitutional-law regulation and development prospects 42

Topilina A.V., Kuzmenko O.V. Labor migration in modern Russia: problems and prospects 45

PRIVATE-LAW (CIVIL) SCIENCES

Mosienko T.A., Tuguz M.A. Problems of legal regulation of the marital property regime in Russia and the People's Republic of China: comparative legal analysis 51

Falaleeva V.A., Alimova O.V. Legal features of patenting in foreign countries 59

Fedorenko N.V., Levina Yu.V. On some problems associated with limiting the debtor's liability when carrying out business activities 62

Fedorenko N.V., Nelyubov A.M. Prospects for introducing the institution of qualified conciliators 66

CRIMINAL-LAW SCIENCES

Arzumanyan A.A., Sazanova E.A. On the shortcomings of the legislative regulation of knowingly false denunciation (Chapter 306 of the Criminal Code of the Russian Federation) and possible ways to eliminate them 71

Bordyugov L.G., Bushmanov R.V. From a knowledgeable person to digitalization 76

Vasilenko N.A., Tsymlyanskaya O.A. On improving criminal law standards for the protection of business activities in the Russian Federation 81

Demidchenko Yu.V. Problems of implementing constitutional guarantees when inspecting mobile devices in criminal proceedings 85

Isakova D.S. On the imperfection of the penal enforcement legislation in terms of the exercising of the right to legal assistance of persons sentenced to imprisonment 89

Lozinsky O.I. The evolution of the use of biometric technologies in the field of forensic personality recognition, using the example of human hand research (from fingerprinting to vascular identification) 93

Lozinsky O.I., Klevets A.R. Modern forensic odorology and its evidentiary capabilities in the detection and investigation of crimes (using the example of olfactory examination) 100

Lozinsky O.I., Falyush M.A. The evolution of "traditional" and the generation of new ways to conceal previously committed and ongoing crimes as a form of organizing (implementing) counteraction to their disclosure and investigation 107

Sementsova I.A., Zhornitskaya E.A. Crimes related to robotics as a new threat to Russia's national security 114

Sementsova I.A., Fomenko A.I., Shabaeva A.E. Current issues of preventing and countering unauthorized access to information on the Internet 119

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNIQUES

Injizhokov S.M., Samgurov A.Sh. Modern agrarian policy of Russia: problems of infrastructure development 124

Kritskaya A.A., Melikyan A.G. Institutionalization of the system of youth public organizations through the project "Navigators of Childhood" and "Movement of the First" 130

Экономическая теория

Научная статья
УДК 330.564.2

Проблемы методологии исчисления реальных доходов населения в условиях кризиса

© Ю.Н. Печева, 2024

Юлия Николаевна Печева
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия. jul-lobas@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы методологии учета реальных доходов населения. Анализируются структура доходов и изменения в методике подсчета доходов российского населения, введенные в практику расчетов в 2018 году. Обновленная методика нивелирует ключевые недостатки старой, фиксируется меньше искажений внутригодовой динамики. Выявлены противоречия принятой методики задачам объективного и обобщенного отражения уровня жизни населения. В частности, отсутствует корреляция доходов населения и темпов роста розничной торговли, нет четкого алгоритма учета расходов россиян за рубежом, сложность учета объемов трансграничной онлайн-торговли, недостаточность данных о сбережениях населения и состоянии финансов домохозяйств.

Ключевые слова: реальные доходы, расходы, население, кризис, методика, статистика

Для цитирования: Печева Ю.Н. Проблемы методологии исчисления реальных доходов населения в условиях кризиса // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 3 (166). С. 7-10

Original article

Problems of methodology for calculating real incomes of the population in a crisis

Yuliya N. Pecheva
Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia. jul-lobas@yandex.ru

Abstract. The article discusses the problems of the methodology of accounting for real incomes of the population. The structure of income and changes in the method of calculating the income of the Russian population introduced into the practice of calculations in 2018 are analyzed. The updated methodology eliminates the key disadvantages of the old one, fewer distortions of intra-annual dynamics are recorded. The contradictions of the adopted methodology to the tasks of objective and generalized reflection of the standard of living of the population are revealed. In particular, there is no correlation between the income of the population and the growth rate of retail trade, there is no clear algorithm for accounting for the expenses of Russians abroad, the difficulty of accounting for the volume of cross-border online trade, insufficient data on the savings of the population and the state of household finances.

Keywords: real incomes, expenses, population, crisis, methodology, statistics

For citation: Pecheva Yu.N. Problems of methodology for calculating real incomes of the population in a crisis. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.3 (166):7-10 (In Russ.)

Проблемы изучения уровня жизни населения и методологии расчета соответствующих экономико-статистических показателей в условиях развития экономического кризиса и снижения благосостояния общества выходят на первый план. Особый интерес вызывают методы исчисления потребления населения и его реальных доходов [5]. Показатель реальных доходов используется при изучении важнейших социальных проблем, в том числе:

- для характеристики динамики доходов населения;
- для сопоставления уровней доходов разных социальных групп населения;
- для сопоставления доходов населения различных стран.

Показатель реальных доходов считается основным показателем уровня благосостояния общества, главным синтетическим показателем уровня жизни, дающий концентрированную характеристику степени благосостояния масс.

Однако, при единодушии в отношении значения показателя реальных доходов, по вопросу о методах его расчета взгляды ученых существенно расходятся.

В планировании и статистике реальные доходы определяются в настоящее время как часть национального дохода, поступающая в распоряжение населения.

Реальные доходы за разные временные периоды – это стоимость потребленных и накопленных населением материальных благ, исчисленная в сопоставимых ценах. При этом к потреблению населения относится и потребление материальных благ в сфере услуг, например, потребленные в больницах медикаменты, в школах – наглядные пособия и т.д. К накоплению населения относят прирост индивидуального жилого фонда, увеличение численности скота и запасов сельскохозяйственной продукции у фермеров и т.д.

В понятие «реальность доходов» в данном случае вкладывается двоякое содержание: с одной стороны, это доходы в рублях неизменной покупательной способности, то есть сумма благ, которую можно приобрести за полученные номинальные доходы. С другой стороны, это «конечные доходы», то есть доходы, которые используются лишь на приобретение материальных благ. Поскольку национальный доход представляет собой чистую продукцию материального производства, а реальные доходы некоторыми учеными рассматриваются как часть национального дохода, в их состав долгое время не включались ни так называемые чистые услуги (услуги за вычетом материальных затрат, потребленных в сфере обслуживания), ни денежные сбережения населения [1].

Современная статистика рассчитывает три основных вида показателей доходов населения (рисунок 1).

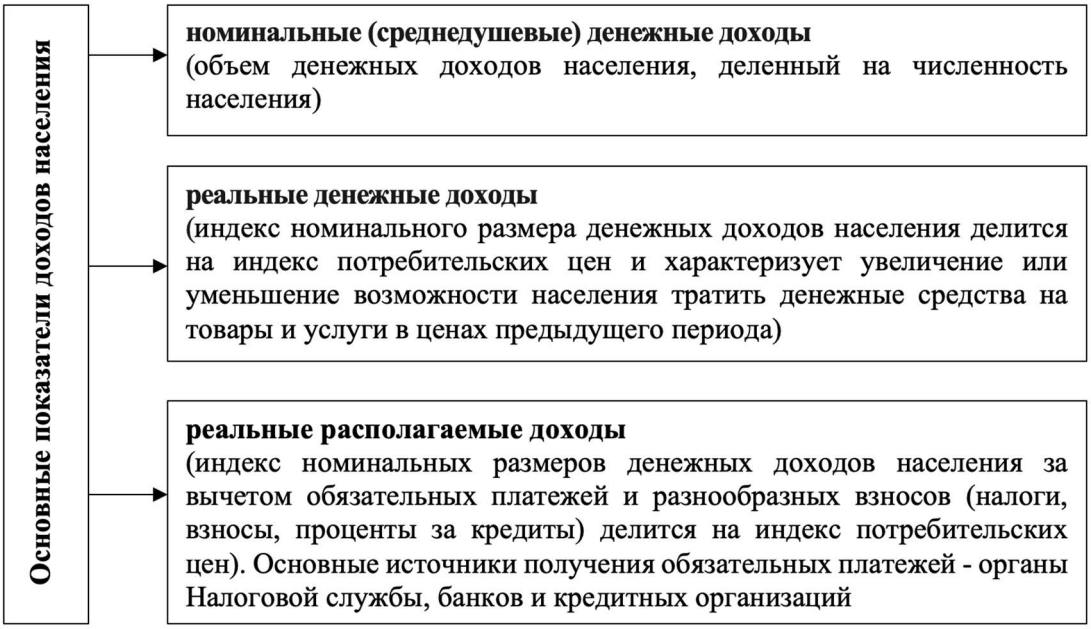


Рисунок 1. Основные виды показателей доходов населения,
рассчитываемые официальной статистикой (составлено автором)

Однако специалистами часто высказывается иная точка зрения по вопросу о сущности реальных доходов населения, предполагающая включать всех, а не только конечных доходов населения, однако не уделяется достаточного внимания обоснованию такой методологии. В некоторых работах взаимосвязь между национальным доходом и реальными доходами с включением услуг устанавливается путем внесения существенных поправок в концепцию материального производства и национального дохода, распространяя категорию «стоимость» на сферу услуг и домашнее хозяйство [2].

Общепризнано, что понятие «жизненный уровень населения» является исторической категорией. Уровень жизни зависит от удовлетворения потребностей, порожденных общественными условиями, в которых индивидуумы находятся.

В этом ключе показатель уровня жизни должен учитывать меняющиеся в разных исторических условиях потребности общества. В условиях развивающейся экономики таким показателем должен служить объем потребляемых продуктов питания. Будучи эластичным, оно в достаточной степени характеризует колебания материального благосостояния населения.

Другими словами, в условиях развивающейся экономики объективно отражение в реальных доходах лишь доходов, реализуемых на питание населения. Совершенно иной вещественный состав употребления характеризует в разные периоды уровень и динамику благосостояния населения в странах с высокоразвитой экономикой. Высокое качество питания, рост потребления высокотехнологичной продукции обуславливают рост объема и качества потребления материальных благ, чему со-

ответствует методика исчисления реальных доходов как доходов, реализуемых в материальных благах и в фондах потребления.

В современных условиях темпы роста расходов опережают темпы роста конечных доходов домохозяйств, даже с учетом растущего уровня закредитованности населения. Разница между произведенными совокупными расходами и номинальными доходами населения списывается на «серые доходы», доля которых в последние десятилетия неуклонно растет. Также не добавляет точности и лишь частичный учет трансграничной онлайн-торговли, точные данные верифицировать не представляется возможным по техническим причинам, в этой связи используется приблизительная оценка объемов трансграничной торговли по банковским картам, что может быть существенно ниже реальных объемов.

Сегодня динамика реальных доходов населения находится под воздействием определенных показателей (рисунок 2).

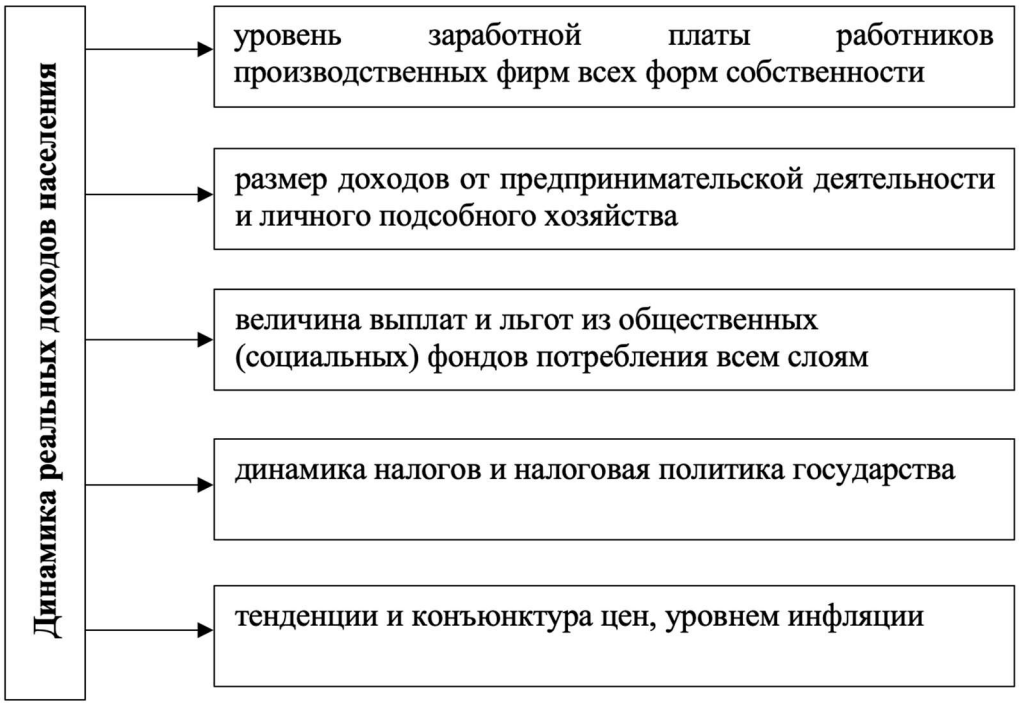


Рисунок 2. Детерминанты динамики реальных доходов населения
(составлено автором)

Принятые в современной статистической практике сопоставления реальных доходов – динамические, территориальные и по социальным стратам – оказываются неполными и недостаточными [3]. Методология исчисления реальных доходов, измененная в 2018 году, устарела, и в известной мере противоречит задачам объективного и обобщенного отражения уровня жизни населения.

Значимым является сопоставление реальных доходов с другими взаимосвязанными показателями уровня жизни. Однако часто такие сопоставления не являются объективными из-за различных методов исчисления на первый взгляд родственных показателей. Так как реальные доходы не включают сбережения населения, они в полном объеме отождествляются с реальными расходами.

Между тем, равенство доходов и расходов, то есть использованных доходов, системно не соблюдается, а указанную разницу Росстат относит к «серым» (неучтенным) доходам населения. Также искажает реальную картину уровня жизни исключение из объема реальных доходов (расходов) объемов иностранной валюты, купленной (проданной) населением [4]. Утверждение о недопустимости объединения материальных благ, услуг и сбережений в одном показателе дохода, по меньшей мере, неточно. Это утверждение верно лишь в отношении вновь создаваемой стоимости, то есть национального дохода. Одни лишь конечные доходы неполно характеризуют благосостояние население, следует учитывать также и совокупные доходы населения. Совокупные доходы отличаются от первичных на величину производных доходов, однако производные доходы реальны с точки зрения возмещения средств существования индивидуумов. При этом действующая методология исчисления реальных доходов таким же образом трактует понятие «реальность доходов» при расчете реальной заработной платы и не допускает такой трактовки в отношении общей суммы доходов.

Иными словами, различия между национальным доходом и совокупными доходами населения современной методикой исчисления игнорируются.

Расчет реальных доходов населения с включением сбережений усложняет подсчеты и делает их более трудоемкими. Требуется предварительное решение некоторых методологических проблем: метода определения «физического объема» услуг с учетом изменения их качества, оценки бесплатных и льготных услуг, исчисления объемов сбережений в национальной и зарубежных валютах. Заметим, что показатель реальных конечных доходов сохраняет право на существование, но в современных условиях не является синтетическим показателем уровня жизни и практически дублирует особо исчисляемый показатель потребления населением материальных благ.

Изменения методики подсчета доходов российского населения, введенные в практику расчетов в 2018 году, незначительно изменили картину, изменилась доля заработной платы в доходах – она стала более высокой. По-прежнему отсутствует корреляция доходов населения и темпов роста розничной торговли, нет четкого алгоритма учета расходов россиян за рубежом, сложно учитывать объемы трансграничной онлайн-торговли, некоторые компоненты сбережений населения вообще не могут быть учтены в доходах.

Обновленная методика нивелирует ключевые недостатки старой, фиксируется меньше искажений внутригодовой динамики, однако недостаточно данных о сбережениях населения и состоянии финансов домохозяйств. К примеру, регулярные данные об объемах наличной валюты на руках населения и учет собственности россиян за рубежом сделали бы картину реальных доходов населения более реалистичной.

Список источников

1. Анесянц С.А., Тимченко О.В. О некоторых аспектах (социально-экономических, финансовых и статистических) фундаментального анализа в современных условиях // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 3(142). С. 54-57.
2. Дынник Д.И. Новые подходы к оценке эффективности деятельности региональных структур управления социально-экономическим развитием // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023.№ 2. С. 39-44
3. Калашников И.А., Калашникова А.А. К вопросу решения задачи повышения точности экономической оценки инвестиционных проектов посредством использования статистических методов обработки данных // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 7(158). С. 7-13.
4. Методы статистики и возможности их применения в социально-экономических исследованиях / С.А. Беляев, Н.С. Бушина, А.Ю. Быстрицкая [и др.]. Курск: Деловая полиграфия, 2021. 168 с.
5. Шагинян С.Г., Радченко Е.В. Коронавирусный кризис требует корректировки инструментария экономических функций государства // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 3(130). С. 28-30.

References

1. Anesyants S.A., Timchenko O.V. On some aspects (socio-economic, financial and statistical) of fundamental analysis in modern conditions. *Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2022. No. 3(142): 54-57 (In Russ.)
2. Dynnik D.I. New approaches to assessing the effectiveness of regional structures for managing socio-economic development. *State and municipal management. Scientific notes*. 2023.No. 2: 39-44 (In Russ.)
3. Kalashnikov I.A., Kalashnikova A.A. On the issue of solving the problem of increasing the accuracy of economic assessment of investment projects through the use of statistical methods of data processing*. Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2023. No. 7(158):7-13.
4. Methods of statistics and the possibilities of their application in socio-economic research / S.A. Belyaev, N.S. Bushina, A.Yu. Bystritskaya [and others]. Kursk: Business printing, 2021. 168 p. (In Russ.)
5. Shaginyan S.G., Radchenko E.V. The coronavirus crisis requires adjustments to the tools of the state's economic functions. *Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2021. No. 3(130):28-30 (In Russ.)

Сведения об авторе

Печева Ю. Н. - кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика и менеджмент»

Information about the author

Pecheva Yu. N. - Candidate of Economic, Associate Professor of the Department "Economics and management"

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 31.01.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 26.02.2024. The article was submitted 31.01.2024; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 26.02.2024

Мировая экономика

Научная статья
УДК 339.138: 338.48

Направления совершенствования межведомственного взаимодействия Федеральной таможенной службы Российской Федерации с федеральными органами исполнительной власти в пунктах пропуска

© Н.П. Бондаренко, М.Ю. Щерба, 2024

Наталья Петровна Бондаренко[1], Михаил Юрьевич Щерба[2]
[1,2] Ростовский филиал Российской таможенной академии, Ростов-на-Дону, Россия
[1] nio@donrta.ru
[2] limit0712@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены алгоритмы проведения санитарно-карантинного, фитосанитарного карантинного и ветеринарного контроля, проанализированы существующие проблемы и возможные направления совершенствования межведомственного взаимодействия Федеральной таможенной службы с федеральными органами исполнительной власти в пунктах пропуска.

Ключевые слова: межведомственное взаимодействие, Федеральная таможенная служба, федеральный орган исполнительной власти, пункт пропуска, внешнеторговая деятельность

Для цитирования: Бондаренко Н.П., Щерба М.Ю. Направления совершенствования межведомственного взаимодействия Федеральной таможенной службы Российской Федерации с федеральными органами исполнительной власти в пунктах пропуска // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 3 (166). С.11-15

World economics

Original article

Directions for improving interdepartmental interaction of the Federal Customs Service of the Russian Federation with federal executive bodies at checkpoints

© N.P. Bondarenko, M.Yu. Shcherba, 2024

Natalya P Bondarenko[1], Mikhail Yu Shcherba[2]
[1,2] Rostov Branch of the Russian Customs Academy, Rostov-on-Don, Russia
[1] nio@donrta.ru
[2] limit0712@yandex.ru

Abstract. The article discusses algorithms for carrying out sanitary-quarantine, phytosanitary quarantine and veterinary control, analyzes existing problems and possible directions for improving interdepartmental interaction of the Federal Customs Service with federal executive authorities at checkpoints.

Keywords: interdepartmental interaction, Federal Customs Service, federal executive body, checkpoint, foreign trade activities

For citation: Bondarenko N.P., Shcherba M.Yu. Directions for improving interdepartmental interaction of the Federal Customs Service of the Russian Federation with federal executive bodies at checkpoints. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.3 (166): 11-15 (In Russ.)

В настоящее время Российская Федерация столкнулась с беспрецедентным давлением со стороны недружественных государств, выражающимся в действиях, существенно затрудняющих ведение внешнеэкономической деятельности (ВЭД). В этих условиях ключевой задачей государства становится всемирное содействие внешнеэкономической деятельности, налаживание и совершенствования новых логистических связей и цепей поставок, а также оптимизация контрольных действий государственных органов при перемещении товаров через государственные границу.

Одним из ключевых направлений решения данных задач является совершенствование межведомственного взаимодействия федеральных органов исполнительной власти (далее – ФОИВ) при реализации их контрольных функций.

Координирующая роль в налаживании указанного взаимодействия возложена в настоящее время на Федеральную таможенную службу Российской Федерации (далее – ФТС России). В этой связи в статье будут рассмотрены направления совершенствования межведомственного взаимодействия Фе-

деральной таможенной службы с федеральными органами исполнительной власти в пунктах пропуска при перемещении товаров и транспортных средств через государственную границу.

Актуальность темы заключается в том, что в условиях изменения логистических связей резко изменились товаропотоки, что повлекло за собой значительное увеличение нагрузки на должностных лиц ФОИВ в пунктах пропуска через государственную границу. В сложившихся условиях необходимо оптимизировать процессы контроля за счёт совершенствования межведомственного взаимодействия государственных контрольных органов в пунктах пропуска.

Цель статьи заключается в выявлении проблем межведомственного взаимодействия ФТС России с органами исполнительной власти в пунктах пропуска при перемещении товаров и транспортных средств и выработка предложений по их устранению.

Объект исследования – межведомственное взаимодействие ФТС России с ФОИВ в пунктах пропуска.

Предмет исследования – технологии взаимодействия ФТС России с государственными контролирующими органами в пунктах пропуска через государственную границу.

Государственный, в том числе таможенный, контроль заключается в проверке и (или) обеспечении соблюдения законодательства, предупреждении, пресечении правонарушений. Тесное взаимодействие между ФТС России и другими ФОИВ осуществляется на всех этапах проведения таможенных операций и таможенного контроля, в отношении как ввозимых, так и вывозимых товаров [1].

В рамках настоящей статьи остановимся подробно на вопросах функционирования межведомственного взаимодействия непосредственно в местах пересечения государственной границы, а именно в пунктах пропуска. Здесь реализуют свою деятельность ряд контролирующих органов, представленные на рис. 1.

Контролирующие органы осуществляют в части своей компетенции следующие виды государственного контроля:

1. Пограничный контроль осуществляет пограничная служба ФСБ России.
2. Таможенный контроль проводится ФТС России.
3. Транспортный контроль проводится ФТС России в автомобильных пунктах пропуска.
4. Санитарно-карантинный контроль производится ФТС России в части документального контроля и Роспотребнадзором.
5. Фитосанитарный карантинный контроль осуществляется ФТС России в части документального контроля и Россельхознадзором.
6. Ветеринарный контроль проводится ФТС России в части документального контроля и Россельхознадзором [2,3,4].

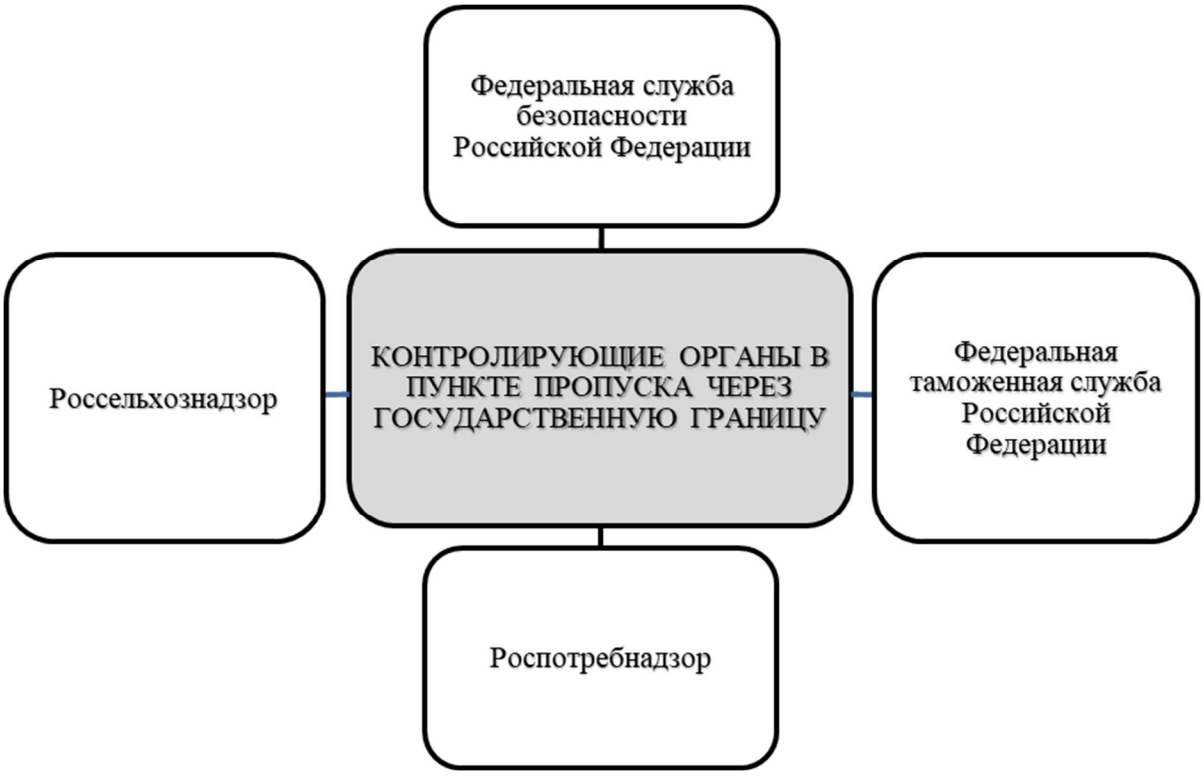


Рисунок 1. Контролирующие органы в пункте пропуска

Из вышеизложенного следует, что ФТС России участвует в проведении пяти видов государственного контроля. В полном объеме она осуществляет таможенный и транспортный контроль (в автомобильных пунктах пропуска в отношении грузового автотранспорта), в части документального контроля проводит санитарно-карантинный, фитосанитарный карантинный и ветеринарный контроль. При этом Роспотребнадзор, Россельхознадзор в отношении перемещаемых через таможенную границу Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) товаров проводят соответствующие виды контроля на основании результатов документального контроля, проводимого таможенными органами в пункте пропуска. В этой связи необходимо отметить, что на таможенные органы возложена не только большая доля контрольных функций, но и основная координирующая функция [5].

Алгоритмы проведения санитарно-карантинного, фитосанитарного карантинного и ветеринарного контроля в пунктах пропуска довольно схожи, поэтому далее будет рассмотрен алгоритм осуществления взаимодействия таможенной службы и иных государственных контрольных органов в пункте пропуска на примере осуществления санитарно-карантинного контроля (рис.2).

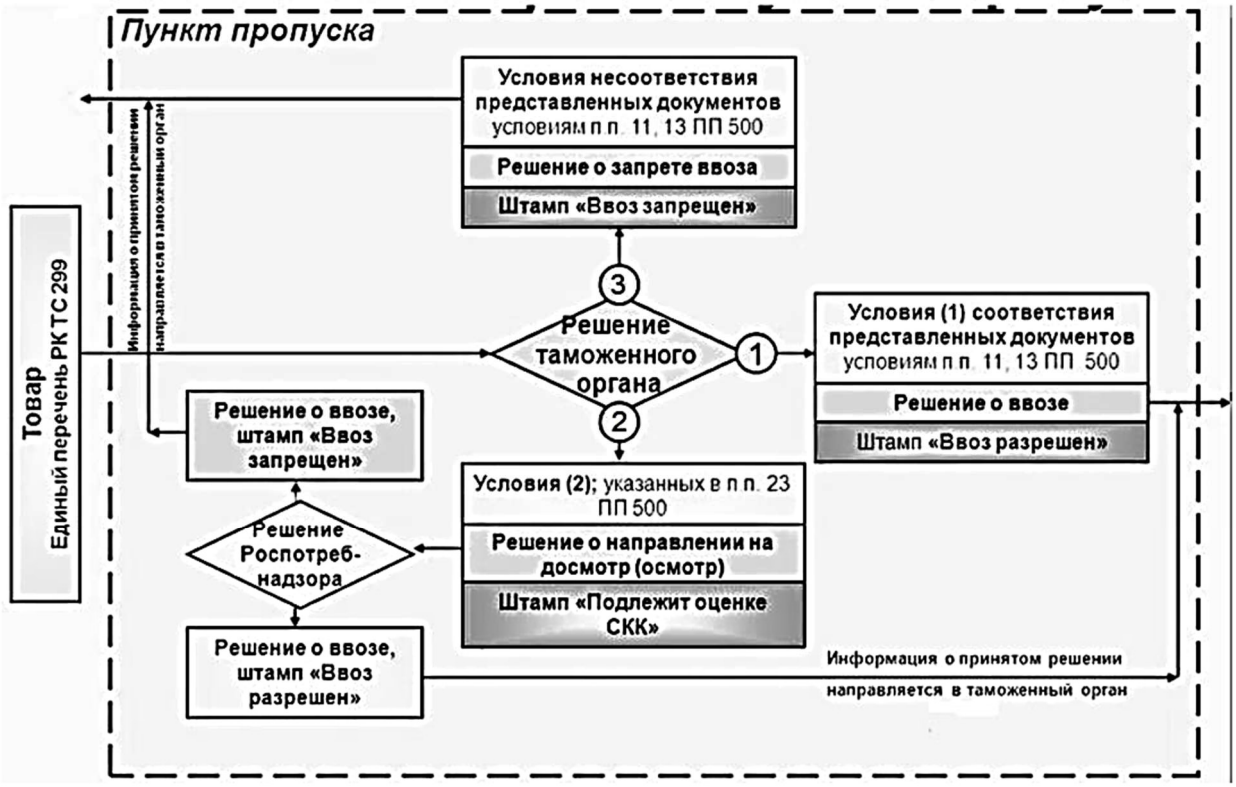


Рисунок 2. Алгоритм взаимодействия ФТС России и Роспотребнадзора при проведении санитарно-карантинного контроля

Первичную документальную проверку в рамках санитарно-карантинного контроля производит таможенный орган. При ввозе подкарантинной продукции перевозчик должен представить:

- коммерческие и транспортные документы на товары;
- документы, подтверждающие безопасность товаров.

В отношении товаров, включенных в раздел III единого перечня товаров, подлежащих санитарно-эпидемиологическому контролю на таможенной границе ЕАЭС, допускается наличие только транспортных и коммерческих документов, подтверждающих включение товаров в данный раздел.

Таможенный орган в случае несоблюдения вышеуказанных условий отказывает во ввозе товаров и проставляет в транспортных документах штамп «Ввоз запрещен». В этом случае товары должны быть вывезены с таможенной территории ЕАЭС [2]. В случае если все необходимые документы перевозчик представил в таможенный орган, а также их соответствия установленным требованиям по результатам санитарно-карантинного контроля, таможенный орган принимает решение о ввозе товаров с проставлением штампа в транспортных документах «Ввоз разрешен».

В случае выявления нарушений условий транспортировки, целостности контейнеров, повреждения упаковки подконтрольных товаров, наличия информации о несоответствии подконтрольных товаров сведениям, заявленным в транспортных и коммерческих документах, прибытия товаров из неблагополучных в эпидемиологическом отношении стран, поступления информации о нарушении санитарных правил, выявления рисков, товарная партия направляется на досмотр (осмотр). Таможенный орган проставляет штамп «Подлежит оценке. Санитарно-карантинный контроль» в транспортных доку-

ментах. Принятие дальнейшего решения остается за Роспотребнадзором.

После проведения досмотра (осмотра) Роспотребнадзор принимает решение о разрешении ввоза либо о запрете ввоза подкарантинных товаров путем проставления штампов «Ввоз разрешен» либо «Ввоз запрещен» в транспортных документах. Документы, оформленные на подкарантинную продукцию, передаются должностному лицу таможенного органа [6].

Осуществление государственного контроля в обязательном порядке осуществляется с учетом следующих основополагающих принципов:

- минимизация времени проведения государственного контроля;
- исключение дублирующих функций и действий;
- сокращение количества взаимодействий должностных лиц государственных контролирующих органов с контролируемыми лицами, транспортными средствами, товарами, в том числе посредством реализации принципа «единого окна».

Проведённое исследование позволило сделать выводы о существующих проблемах и возможных направлениях совершенствования межведомственного взаимодействия ФТС России с ФОИВ в пунктах пропуска:

1. В части документальной проверки таможенные органы проводят санитарно-карантинный, карантинный фитосанитарный и ветеринарный контроль во взаимодействии с соответствующими службами (Роспотребнадзором и Россельхознадзором). На снижение скорости их проведения контролирующими органами определенным образом влияют отсутствие эффективного информационного взаимодействия таможенного ведомства с органами Роспотребнадзора и Россельхознадзора, а также факт дублирования функций и отсутствия интеграции информационных систем контролирующих органов.

2. При проведении санитарно-карантинного контроля основная проблема заключается в несовершенстве межведомственного информационного взаимодействия таможенного ведомства с органами Роспотребнадзора. В этой связи необходима разработка такой системы взаимодействия вышеуказанных ведомств, которая бы позволила производить загрузку в нее информации о товарах и транспортных средствах в целях проведения одновременного документального контроля двумя ведомствами. Помимо прочего в случае необходимости проведения санитарно-карантинного контроля органами Роспотребнадзора в форме обязательного фактического контроля такая информационная система должна обеспечивать исключение необходимости реализации документального контроля таможенным ведомством.

3. Повышение качества и эффективности проведения контроля в пункте пропуска может быть реализовано за счет введения обязанности участника ВЭД указывать в предварительной информации сведения о разрешительных документах. Реализовывать данное направление необходимо с учетом принципа открытости и доступности для таможенных органов данных. В этой связи обязательство заключается в необходимости указания перевозчиком в предварительной информации только лишь реквизитов разрешительных документов. В свою очередь, информационная система таможенных органов с использованием механизмов межведомственного электронного взаимодействия позволит им уже самостоятельно осуществить проверку.

4. Необходимо совершенствовать межведомственное взаимодействие за счет создания единой автоматизированной системы, позволяющей эффективно применять систему управления рисками при проведении санитарно-карантинного, фитосанитарного карантинного и ветеринарного контроля. Это должно обеспечить производство документальной проверки в электронном виде и исключить дублирование функций, снизить издержки участников ВЭД и трудозатраты должностных лиц государственных контрольных органов в пункте пропуска.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, стоит отметить, что в современных условиях напряженности геополитической обстановки значительно затруднены все процессы, связанные с осуществлением ВЭД. Произошло значительное изменение структуры товарных потоков и их географическое перераспределение. В таких условиях особенно важной является поддержка бизнеса со стороны государства, в том числе путем совершенствования межведомственного взаимодействия Федеральной таможенной службы Российской Федерации с федеральными органами исполнительной в пунктах пропуска.

Список источников

1. Постановление Правительства РФ от 20.11.2008 № 872 «Об утверждении Правил осуществления контроля в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации» // URL: http://www.pravo.gov.iu
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 29.06.2011 № 500 «Об утверждении Правил осуществления санитарно-карантинного контроля в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации» // URL: http://www.pravo.gov.ru

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 29.06.2011 № 501 «Об утверждении Правил осуществления государственного ветеринарного надзора в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации» // URL: http://www.pravo.gov.ru
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 13.08.2016 г. № 792 «О порядке осуществления государственного карантинного фитосанитарного контроля (надзора) в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации» // URL: http://www.pravo.gov.ru
5. Краславская Г.И., Бондаренко Н.П. Правовое регулирование межведомственного взаимодействия таможенных органов Российской Федерации при реализации фискальной функции // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии 2023. № 3 (52). С. 57-64.
6. Щерба М.Ю., Щерба Л.М. Совершенствование таможенного администрирования в морском (речном) пункте пропуска посредством межведомственного взаимодействия государственных контрольных органов / Особенности государственного регулирования внешнеэкономической деятельности в современных условиях. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. 2018. С. 131-138.

References

1. Decree of the Government of the Russian Federation of November 20, 2008 No. 872 "On approval of the Rules for the implementation of control at checkpoints across the state border of the Russian Federation". http://www.pravo.gov.iu
2. Decree of the Government of the Russian Federation dated June 29, 2011 No. 500 "On approval of the Rules for the implementation of sanitary and quarantine control at checkpoints across the state border of the Russian Federation". http://www.pravo.gov.ru
3. Decree of the Government of the Russian Federation of June 29, 2011 No. 501 "On approval of the Rules for the implementation of state veterinary supervision at checkpoints across the state border of the Russian Federation". http://www.pravo.gov.ru
4. Decree of the Government of the Russian Federation of August 13, 2016 No. 792 "On the procedure for implementing state quarantine phytosanitary control (supervision) at checkpoints across the state border of the Russian Federation". http://www.pravo.gov.ru
5. Kraslavskaya G.I., Bondarenko N.P. Legal regulation of interdepartmental interaction of customs authorities of the Russian Federation in the implementation of fiscal functions. *Academic Bulletin of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy*. 2023. No. 3 (52): 57-64. (In Russ.)
6. Shcherba M.Yu., Shcherba L.M. Improving customs administration at a sea (river) checkpoint through interdepartmental interaction of state control bodies. *Features of state regulation of foreign economic activity in modern conditions.* Materials of the V All-Russian Scientific and Practical Conference. 2018. Pp. 131-138 (In Russ.)

Информация об авторах

Н.П. Бондаренко – кандидат экономических наук, доцент
М.Ю. Щерба – кандидат технических наук, доцент

Information about the authors

N.P. Bondarenko – Candidate of Economics, Associate Professor
M.Yu. Shcherba – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.01.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 26.02.2024. The article was submitted 25.01.2024; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 26.02.2024

Финансы

Научная статья
УДК 336:332.1

Цифровая трансформация экономики
как перспективный вектор развития на современном этапе

© Воловик Е. С., 2024

Воловик Елена Сергеевна
Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия. economics-uriu@ranepa.ru

Аннотация. В работе освещены ключевые особенности цифровизации в сфере промышленности и сельского хозяйства. Рассмотрены тенденции рынка труда. На базе SWOT-анализа перечислены основные преимущества и недостатки построения цифровой экономики. Охарактеризован процесс цифровой трансформации российской экономики. Представлен рейтинг лидирующих и отстающих российских регионов в области цифровой трансформации за 2023 год.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровизация, цифровая трансформация, ИКТ, Россия, регионы

Для цитирования: Воловик Е.С. Цифровая трансформация экономики как перспективный вектор развития на современном этапе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. №3 (166). С. 16-22

Original article

Digital transformation of the economy
as a promising vector of development at the present stage

Volovik Elena S.
South Russia Institute of Administration – the Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service, Rostov-on-Don, Russia

Abstract: The paper highlights the key features of digitalization in the field of industry and agriculture. The trends of the labor market are considered. Based on the SWOT analysis, the main advantages and disadvantages of building a digital economy are listed. The process of digital transformation of the Russian economy is characterized. The rating of the leading and lagging Russian regions in the field of digital transformation for 2023 is presented.

Keywords: digital economy, digitalization, digital transformation, ICT, Russia, regions

For citation: Volovik E.S. Digital transformation of the economy as a promising vector of development at the present stage. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.3 (166):16-22 (In Russ.)

Развитие цифровых технологий за последнее время существенным образом изменило экономические отношения, в которых данные стали ключевым фактором экономического развития. Правительства разных стран уделяют значительное внимание вопросам развития цифровой экономики. Существенное отставание в процессах цифровизации делает экономику менее конкурентоспособной, неэффективной и зависимой от других стран, снижая тем самым ее экономическую безопасность. Поэтому развитие цифровой экономики является стратегической задачей каждого государства.

Цифровая трансформация экономики представляет собой деятельность, направленную на интенсивное внедрение и распространение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), во всех сферах экономики, с целью повышения конкурентоспособности и эффективности на микро- и макроуровнях [4].

Цифровая экономика – это вид экономической деятельности, в которой данные играют первоочередную роль в процессе производства товаров и услуг.

На рисунке 1 представлены отличительные особенности цифровой экономики.

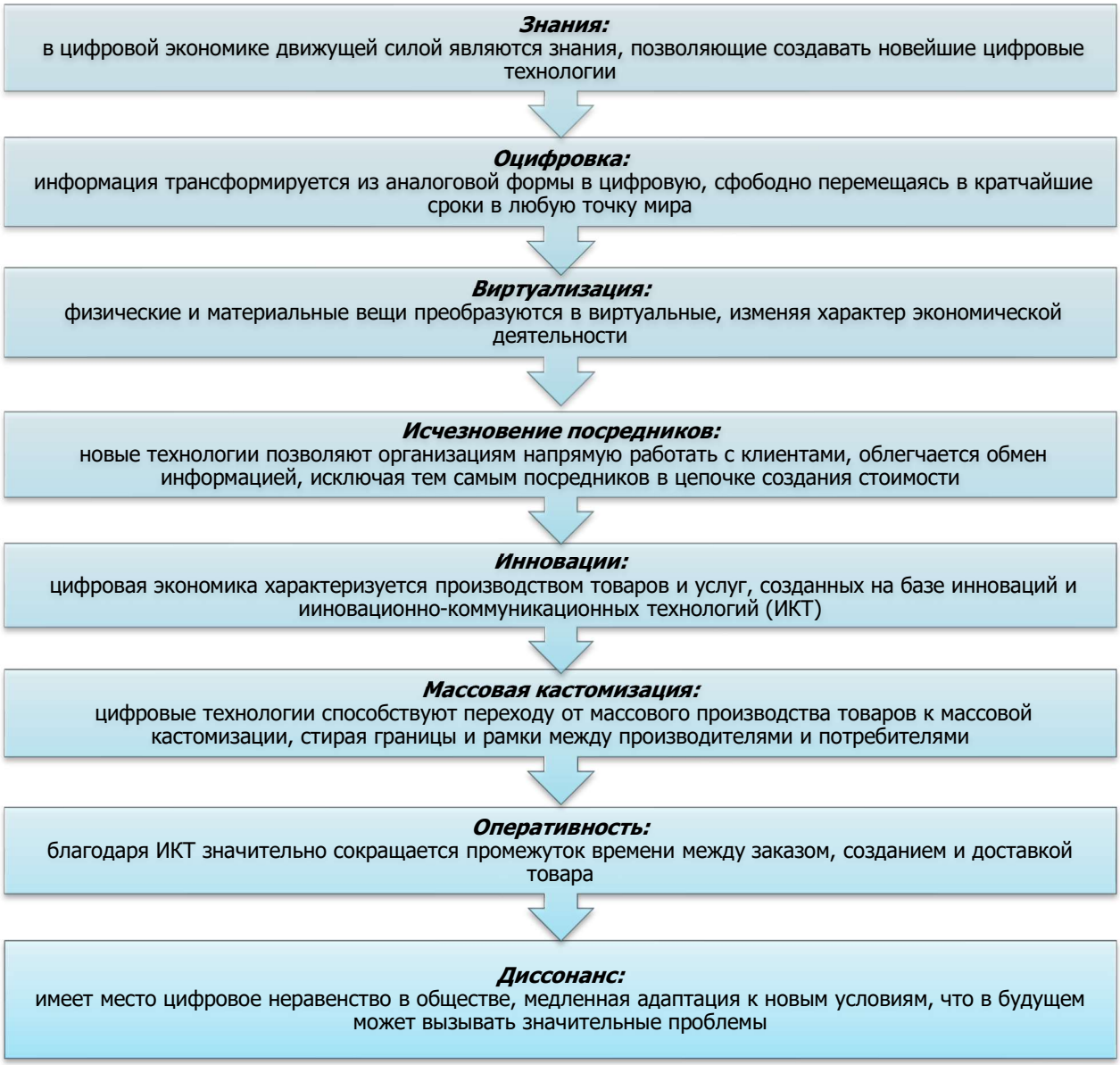


Рисунок 1. Отличительные особенности цифровой экономики

Сквозные цифровые технологии – это основа цифровой экономики. В число ключевых технологий входят: интернет вещей, искусственный интеллект, блокчейн, мобильные технологии, робототехника и др. Сквозные цифровые технологии представлены на рисунке 2.

Цифровые технологии способны оказать наибольшее влияние на трансформацию цифрового промышленного производства.

Цифровая трансформация промышленности представляет собой процесс реструктуризации звеньев цепочек добавленной стоимости промышленного продукта в цифровые промышленные предприятия, управляющие жизненным циклом промышленного изделия посредством цифровых технологий.

Цифровое промышленное производство позволяет:

- минимизировать производственные и складские запасы;
- сократить сроки выполнения производственного заказа;
- осуществлять, по требованию потребителей, производственный выпуск мелких партий промышленных товаров.

Внедрение цифровых технологий Индустрии 4.0 в производство способствует:

- повышению качества товаров;
- прогнозированию спроса;
- оптимизации загрузки оборудования;
- оптимизации режимов загрузки оборудования;
- сокращению сроков выведения продукции на рынок;
- оптимизации логистики;
- повышению безопасности труда и производительности.

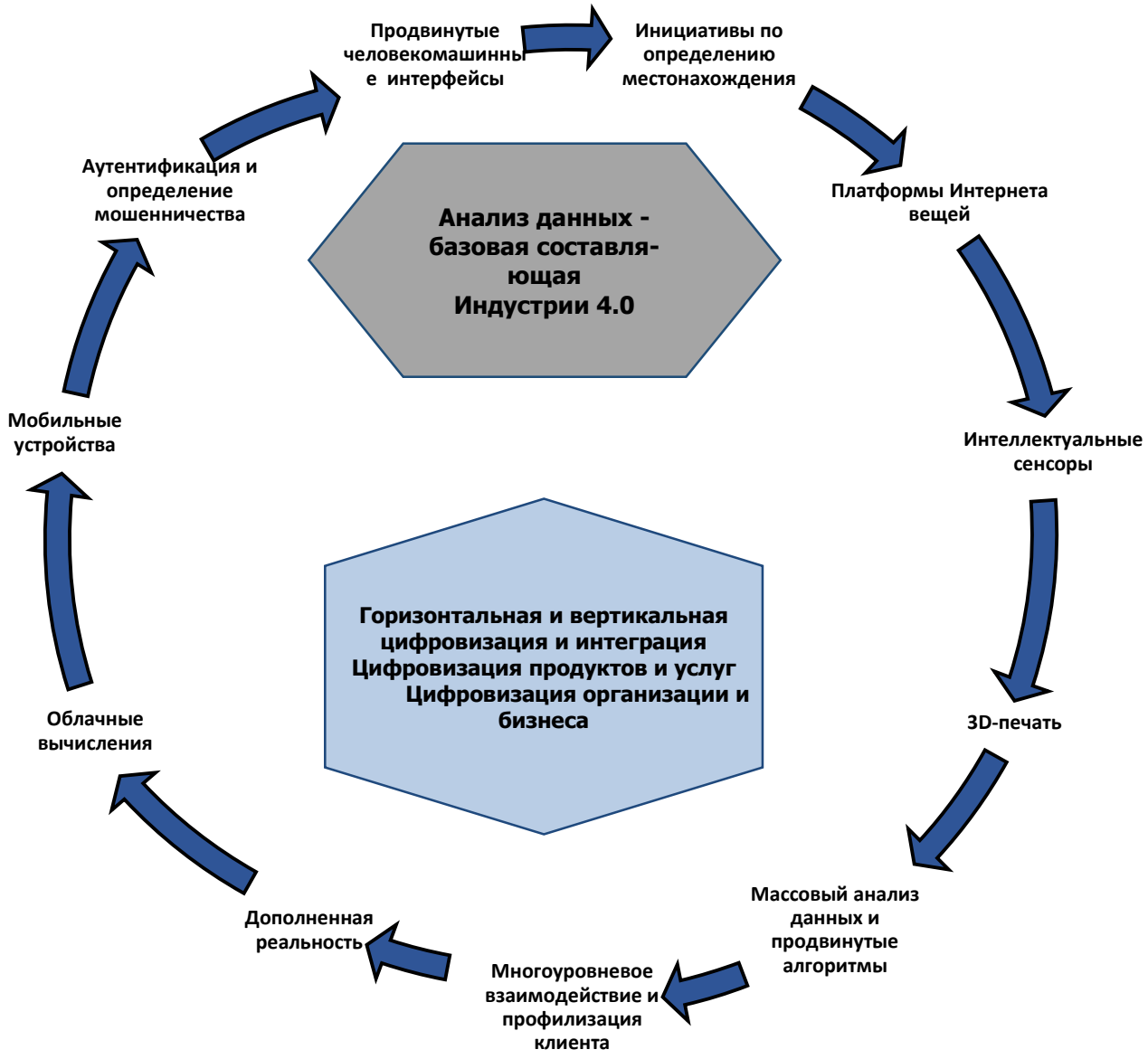


Рисунок 2. Сквозные цифровые технологии

Ключевыми технологическими тенденциями в цифровой промышленности, базирующейся на концепции, Индустрия 4.0, на сегодняшний день принято считать:

- облачные технологии – перемещение данных с собственных мощностей на распределенные ресурсы с целью хранения и вычислений;
- технологии больших данных – использование всего массива накапливаемых данных с целью формирования аналитики;
- массовое внедрение роботизированных технологий и переход на безлюдное производство;
- обязательная оцифровка технической документации и электронный документооборот;
- применение технологий наращивания материалов взамен среза (3D-печать, аддитивные технологии);
- промышленный интернет вещей – массовое внедрение интеллектуальных датчиков в оборудование и производственные линии;
- цифровое моделирование и проектирование объектов, технологических процессов, изделий на всем жизненном цикле (инженерное программное обеспечение);
- применение беспилотных технологий в транспортных системах, включая доставку промышленных товаров.

Благодаря цифровой трансформации промышленности осуществляется оптимизация процесса распределения ресурсов и повышается эффективность производственного процесса, совершенствуются бизнес-модели и методы производства. Цифровизация улучшает как новые, так и традиционные отрасли экономики, совершенствуется государственное управление, и создаются новые модели развития.

Развитие сельского хозяйства в эпоху цифровой трансформации характеризуется следующими особенностями: концентрация и специализация агропроизводства, широкое применение информационных и навигационных технологий с целью снижения себестоимости продукции и удельных энергозатрат. Благодаря внедрению информационных технологий и электронной техники происходит освоение умного сельского хозяйства.

Умное сельское хозяйство представляет собой новую концепцию ведения сельскохозяйственного производства на основе современных цифровых технологий, включая спутниковую навигацию, геоинформационные системы, цифровизацию процессов создания сельскохозяйственной продукции, позволяющих повышать качество и продуктивность продукции при одновременном сокращении затрат.

Умное сельское хозяйство подразделяется на точное земледелие, точное молочное скотоводство, точное птицеводство и точное свиноводство.

Точное земледелие – это дифференцированное управление операциями в сфере сельского хозяйства, обеспечивающее воспроизводимость результатов, контроль и надежность в сельскохозяйственном производстве и приводящее к повышению предсказуемости результатов, снижению затрат и вариабельности.

Этапы технологии точного земледелия:

- формирование электронной карты полей;
- создание базы данных по полям (по размерам площади, по урожайности, уровню развития растений, агрохимическим и агрофизическим свойствам и др.);
- проведение анализа с помощью прикладных программ с последующей выдачей рекомендаций для принятия решений;
- загрузка перечня команд на основе принятых решений в устройства сельскохозяйственных агрегатов с целью дифференцированного проведения сельскохозяйственных операций [1].

Калькулятор азота – пример одного из наиболее популярных среди фермеров цифровых помощников, позволяющих осуществлять мониторинг азота в почве. Управление азотным циклом – достаточно сложный процесс, который возможно упростить и улучшить за счет применения фермерами калькулятора азота.

В цифровой экономике глобальные тренды на рынке труда связаны в первую очередь с автоматизацией во многих секторах экономики, цифровизацией и активным внедрением информационно-коммуникационных технологий во многих секторах экономики.

В результате процесса цифровизации и расширения масштабов распространения информационно-коммуникационных технологий на современном рынке труда повышаются риски потери рабочего места в результате изменения требований к работнику и его компетенциям. Чтобы сохранить свои конкурентные преимущества, работникам потребуется переподготовка или повышение квалификации.

По результатам опроса 55 процентов опрошенных компаний нацелены изменить состав своей цепи создания добавленной стоимости, 43 процента компаний – сократить текущую рабочую силу путем автоматизации, 34 процента – расширить имеющуюся рабочую силу посредством глубокой технологической интеграции, 41 процент – привлекать подрядчиков с целью выполнения узкоспециализированных работ.

Перечень перспективных профессий в цифровой сфере представлены на рисунке 3.

Рисунок 3. Перспективные профессии в цифровой сфере

Будущие специалисты должны также обладать ключевыми необходимыми навыками, включая стрессоустойчивость, гибкость, анализ и критическое мышление, самостоятельное оперативное решение проблем, активное обучение, навыки самоуправления.

Однако, несмотря на существующие цифровые тенденции на рынке труда, останутся сферы, в которых люди, как ожидается, сохранят свои сравнительные преимущества [5]:

- управление;
- принятие решений;
- консультирование;
- общение и взаимодействие;
- размышление.

Цифровая трансформация экономики имеет как преимущества, так и недостатки. Метод SWOT-анализа позволяет наглядно продемонстрировать преимущества и недостатки, а также возможности и угрозы процесса цифровой трансформации (табл. 1).

Таблица 1. SWOT-анализ процесса цифровой трансформации экономики

Преимущества	**Недостатки**
1.Сокращение издержек 2. Диверсификация каналов сбыта 3.Совершенствование обратной связи 4.Повышение качества принимаемых решений 5.Увеличение эффективности и производительности	1.Высокая стоимость проектов 2.Отсутствия понимания экономического эффекта 3.Неподготовленность персонала 4.Затруднения в интеграции
Возможности	**Угрозы**
1.Новая цифровая идентичность потребителей 2.Тенденции кастомизации продукции и клиентоцентричности 3.Совершенствование инфраструктуры цифровой экономики 4.Господдержка, разработка и внедрение новых форм регулирования	1. Кибербезопасность 2.Возможность технологического сбоя 3.Зависимость от поставщиков комплектующих, программного обеспечения 4.Цифровой «ажиотаж»

В Российской Федерации развитие цифровой экономики является приоритетным направлением развития. Цифровая трансформация экономики является как драйвером в переходе к новому технологическому укладу, так и возможностью переориентации экономики.

Цели, задачи, а также направления развития цифровой трансформации российской экономики утверждены и успешно реализуются посредством национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной правительством Российской Федерации 28 июля 2017 года [2].

Государственная программа способствует переводу на инновационный путь экономики, промышленности, бизнеса, государственного управления и социальной сферы.

Развитие цифровой экономики в российских регионах способствует дополнительному притоку инвестиций и развитию регионов, включая создание новых рабочих мест и повышение уровня жизни населения. Оценка уровня цифровой трансформации региона является неотъемлемым этапом, влияющим на разработку долгосрочных стратегий развития и потребностей каждого региона. На рисунке 4 представлены лидирующие регионы цифрового развития.

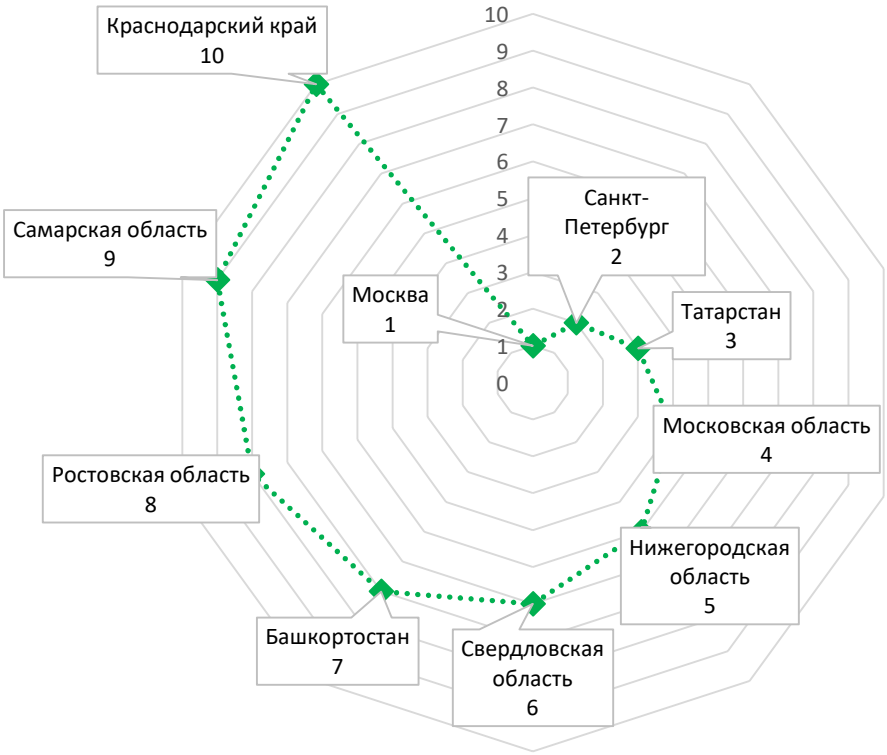


Рисунок 4. Регионы-лидеры цифрового развития 2023 года [3]

В лидирующих регионах высоко развита цифровая экономика, информационно-коммуникационные технологии, государственное управление осуществляется с применением цифровых технологий, жителям регионов представлен широкий спектр услуг посредством цифровых сервисов [6].

Отстающие регионы цифровой трансформации требуют принятия мер по устранению барьеров, препятствующих цифровому развитию (рис. 5).

Рисунок 5. Отстающие регионы по уровню цифрового развития 2023 года [3]

Таким образом, цифровая трансформация экономики – это перспективный вектор развития во всем мире. Цифровизация – это драйвер роста и развития, сопряженный со значительными вызовами и угрозами. Развитие цифровой экономики является стратегически важной задачей для России, формирующим ее конкурентоспособность на мировой арене. В российских регионах сохраняется проблема цифрового неравенства, свидетельствующая о необходимости принятия мер для сглаживания диспропорций в развитии регионов. России следует развивать цифровую экономику на базе построения платформ в таких направлениях как обработка данных, энергетика, телекоммуникации, транспорт, промышленность и сельское хозяйство. Благодаря развитию следующих отраслей сформируется технологический и инфраструктурный базис, позволяющий построить зрелую цифровую экономику за короткий период.

Список источников

1. Амирова Э.Ф., Клычова Г.С. Цифровая трансформация аграрной экономики // Региональная экономика: теория и практика. 2022. Т. 20. № 1. С. 156 – 167.
2. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 N 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»
3. Рейтинг цифровизации регионов России 2023 // URL: https://kolosovkacbs.ru/reiting-cifrovizacii-regionov-rossii-2023/ (дата обращения 18.12.2023).
4. Сморгунова Л.В. Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость: Монография / Под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022. С.109-115.
5. Цифровая экономика, умные инновации и технологии : сборник трудов Национальной (Всероссийской) науч.-практ. конф. с зарубежным участием, 18–20 апреля 2021 г., Санкт-Петербург / под ред. д-ра экон. наук, проф. Д. Г. Родионова, д-ра экон. наук, проф. А. В. Бабкина. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2021, с. 67-69.
6. Чумаченко З.М. Особенности и основные тенденции цифровой трансформации российских регионов // Russian Economic Bulletin / Российский экономический вестник 2022. Том 5. №1. С. 37-40.

References

1. Amirova E.F., Klychova G.S. Digital transformation of the agrarian economy. *Regional economics: theory and practice*. 2022. Vol. 20, No. 1: 156 – 167 (In Russ.)
2. Decree of the Government of the Russian Federation dated 07/28/2017 No. 1632-r "On approval of the program "Digital Economy of the Russian Federation" (In Russ.)
3. Rating of digitalization of Russian regions 2023. https://kolosovkacbs.ru/reiting-cifrovizacii-regionov-rossii-2023 / (accessed 12/18/2023).
4. Smorgunova L.V. Political ontology of digitalization and state manageability: Monograph / Edited by L.V. Smorgunov. M.: Publishing house "Aspect Press", 2022. Pp.109-115. (In Russ.)
5. Digital economy, smart innovations and technologies: proceedings of the National (All-Russian) Scientific and Practical Conference. with foreign participation, April 18-20, 2021, St. Petersburg / edited by Dr. D. G. Rodionov, Doctor of Economics, Prof. A.V. Babkin. St. Petersburg: POLYTECH PRESS, 2021. Pp. 67-69. (In Russ.)
6. Chumachenko Z.M. Features and main trends of digital transformation of russian regions. *Russian Economic Bulletin*. 2022. Vol. 5. No. 1: 37-40 (In Russ.)

Информация об авторе

Воловик Е.С. – аспирант

Information about the author

Volovik E.S. – Post-Graduate Student

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.01.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 26.02.2024. The article was submitted 10.02.2024; approved after reviewing 20.01.2024; accepted for publication 26.02.2024

Менеджмент

Научная статья
УДК 331

Управление персоналом предприятий водного транспорта на основе компетентностной модели

© О.Ю. Малинина, О.Г. Коваленкова, 2024

Ольга Юрьевна Малинина [1], Ольга Георгиевна Коваленкова [2]
[1,2] Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия
[1] olya.rudakowa2011@yandex.ru
[2] olga.kovalenkowa@yandex.ru

Аннотация. В статье авторы обосновывают необходимость моделирования процессов управления персоналом. Для успешной реализации стратегических ориентиров предлагается применять компетентностный подход в деятельности предприятия, основанный на методе математического обоснования. Представлено авторское видение шкалы оценки сформированности компетенций.

Ключевые слова: персонал, стратегия, модель, управление, компетенции

Для цитирования: Малинина О.Ю., Коваленкова О.Г. Управление персоналом предприятий водного транспорта на основе компетентностной модели // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 3 (166). С. 23-29

Original article

Personnel management of water transport enterprises on the basis of competence model

© O.Yu. Malinina, O.G. Kovalenkova, 2024

Olga Yu. Malinina [1], Olga G. Kovalenkova [2]
[1] Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia. olya.rudakowa2011@yandex.ru
[2] Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia. olga.kovalenkowa@yandex.ru

Abstract. In the article the authors substantiate the necessity of modeling of personnel management processes. For successful implementation of strategic guidelines, it is suggested to apply the competence approach in the enterprise activity based on the method of mathematical substantiation. The authors' vision of the scale of competence formation assessment is presented.

Keywords: personnel, strategy, model, management, competences

For citation: Malinina O.Yu., Kovalenkova O.G. Personnel management of water transport enterprises on the basis of competence model. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.3 (166): 23-29 (In Russ.)

Для организаций, пребывающих в состоянии постоянного развития, важным фактором является осуществление процесса планирования и моделирования процессов управления персоналом. Моделирование процессов управления персоналом позволяет предугадать возникновение возможных кадровых рисков.

На сегодняшний день большинство организаций, в том числе и организаций, функционирующих в сфере водного транспорта, должны мобильно подстраиваться под происходящие изменения во внешней окружающей среде и быть конкурентоспособными на рынке транспортных услуг. Целесообразным является внедрение различных инновационных технологий кадровой деятельности, применение современных методов оценки кадров, управления и обучения. В таком случае моделирование процессов управления персоналом должно применяться при процессном подходе, который ориентируется на достижение и интеграцию запланированных результатов.

Моделирование процессов управления персоналом представляет собой деятельность, в процессе которой могут быть сформулированы в графическом, математическом виде модели, описывающие ход процессов, а также представляющий возможный результат в будущем.

Процесс управления персоналом должен быть построен таким образом, чтобы он имел ценность для организации и заинтересованных лиц. При этом следует отметить, что в процессах управления персоналом должно быть задействовано минимальное количество сотрудников.

Моделирование процессов управления персоналом дает возможности настраивать и контролировать внутреннюю деятельность организации, отдельных ее структурных подразделений, а

также реагировать на изменения, происходящие во внешней среде. Наличие полной информации о внутренней и внешней среде предприятия позволяет руководству анализировать текущую ситуацию и проблемы, принимать управленческие решения по их предотвращению либо минимизации их влияния.

Для получения достоверной информации необходимо точно и объективно выделить показатели, по которым будет осуществляться оценка деятельности персонала. Важно разработать критерии для оценки деятельности персонала.

Под критерием оценки персонала следует понимать пороговое значение, относительно которого показатель соответствует или не соответствует установленным требованиям.

Подобными критериями могут быть охарактеризованы как все сотрудники организации, так и отдельные категории персонала или должности. Критерии могут общими для всех либо иметь специфический характер, соответствующий только определенной группе.

В практике проведения оценки выделяют четыре группы критериев:

- профессиональные критерии отвечают за профессиональные качества сотрудника, его знания, опыт, умения, навыки, квалификацию, результативность;
- деловым критериям соответствуют: организованность, инициативность, целеполагание, ответственность, коммуникабельность;
- морально-психологические критерии могут быть представлены следующими: честность, добросовестность, самооценка, справедливость, стрессоустойчивость;
- специфические критерии могут быть основаны индивидуальных качествах человека: авторитет, уважение, состояние здоровья, тип характера.

В перечень разработанных показателей могут быть внесены изменения. Обычно система показателей оценки персонала применяется в организациях, в которых отсутствует жесткая иерархичная система управления персоналом.

Процесс оценки персонала сопровождается изучением наиболее значимых достижений сотрудника, в числе которых можно назвать «профессиональный вклад сотрудника» и его «экономическую эффективность».

Профессиональный вклад сотрудника представляет собой уровень качества выполнения закрепленных за ним профессиональных функций. Выполнение функций в команде (в профессиональном коллективе) представляет собой личный вклад каждого участника в эффективном взаимодействии для достижения цели [5].

Под экономической эффективностью понимается личный вклад сотрудников, который позволит организации снизить затраты, себестоимость, оптимизировать основную деятельность организации, увеличить доходность предприятия.

Показатели оценки под влиянием временных факторов различной направленности могут меняться. В качестве факторов могут быть рассмотрены факторы внешней среды: конъюнктура рынка труда, появление новых технологий, изменение региональных экономических показателей. Под внутренними факторами следует понимать любое влияние, происходящее внутри организации.

Комплексная система оценки подразумевает разностороннее исследование деятельности и результатов деятельности персонала организации с целью регулирования и контроля достижения запланированных целей.

Применение комплексной системы оценки предполагает применение различных методов оценки, таких как:

- качественные методы – методы, описывающие поведение объекта оценки, влияние факторов и другое;
- количественные методы – методы, предполагающие осуществление расчетных действий, которые дают точный численный результат, на основании которого можно сделать соответствующие выводы;
- комбинированные методы – сочетание методов описательного характера и расчетных.

Главенствующая роль при формировании стратегии управления персоналом принадлежит кадровому потенциалу. Кадры представляют собой ключевой фактор успеха предприятия, они участвуют в производственном процессе и влияют на деятельность организации в целом.

Стратегия управления персоналом может включать следующие элементы: подбор кадрового состава, обучение персонала, приглашение работников на неполный рабочий день, стимулирование персонала предприятия, улучшение условий труда, совершенствование условий труда для работников организации.

Для успешной реализации стратегии управления персоналом необходимо применять компетентностный подход в деятельности предприятия.

Эффективное управление предприятием основывается на следующих составляющих: управление оборудованием и техникой, экономическими факторами и кадрами.

Рассматривая вышеуказанные составляющие, следует отметить, что особую сложность представляет управление кадрами. Сложность управления кадрами заключается в том, что все сотрудники отличаются характером, темпераментом, профессиональными способностями.

В модели стратегического управления персоналом отмечено влияние внешней окружающей среды и внутренних факторов (рисунок 1).

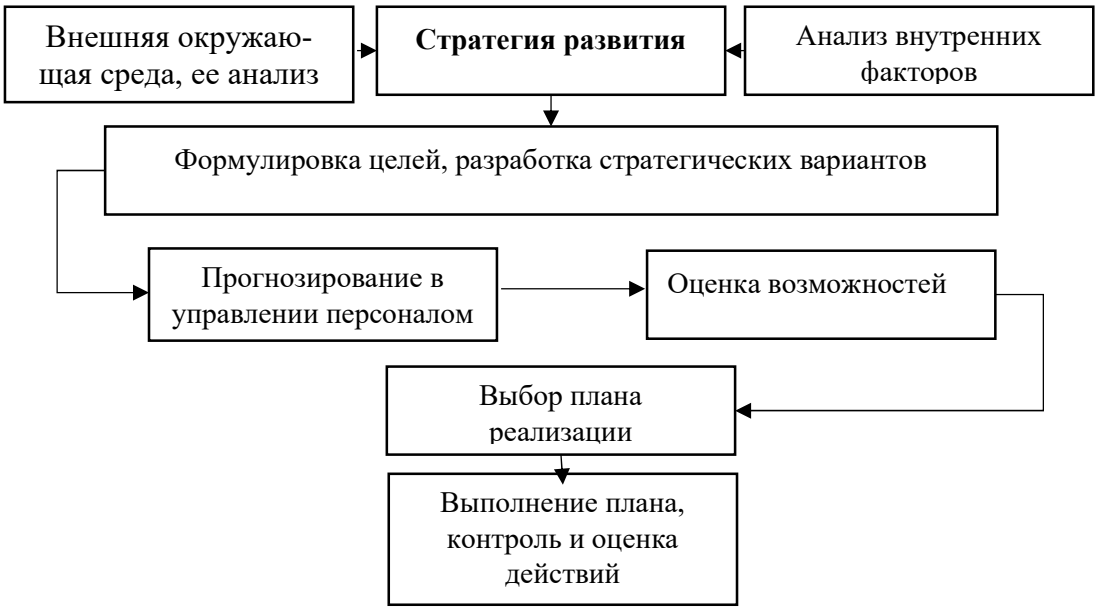


Рисунок 1. Составляющие модели стратегического управления персоналом

В соответствии с представленной моделью руководитель должен учитывать личностные качества своих сотрудников с целью выбора инструментов воздействия на них.

Каждый член трудового коллектива должен стремиться к максимальным результатам и реализации эффективной деятельности. Ввиду этого стратегия управления персонала должна решать поставленные задачи:

- осуществление подбора новых сотрудников, учитывая изменения внутри фирмы;
- организация непрерывного обучения на предприятии, в том числе повышение квалификации, переподготовка;
- организация более комфортных условий работы для персонала: комфортное, оснащённое рабочее место, дружественная обстановка в коллективе, предоставление питания, а также всестороннее рассмотрение возникающих проблем и их решение;
- решение социальных вопросов, таких как: предоставление возможности отдыха, покупки собственного жилья, реализация программ поощрения и стимулирования;
- реализация юридической и дисциплинарной ответственности: организация контрактных договорных отношений, рассмотрение рекламаций, предоставление ответа на них;
- поддержание взаимосвязей с различными контактными аудиториями: СМИ, органы законодательной и исполнительной власти.

При формировании модели управления персоналом следует затронуть дефиницию «турбулентность внешней среды», под которой понимается явная неопределенность и непредсказуемость информационных потоков во внешней среде. В данной ситуации с целью выбора наиболее подходящей модели применима матрица распределения моделей.

В таблице 1 приведена матрица распределения моделей управления в зависимости от степени турбулентности бизнес-среды.

Таблица 1. Матрица распределения моделей управления
в зависимости от степени турбулентности бизнес-среды

Предсказуемость изменения среды	Скорость изменения среды	
	Высокая	Низкая
Высокая	Поддерживающая, Патерналистская	Авторитарная (конвейерное производство)
Низкая	Развивающая	Коллегиальная модель

Сила власти зависит от коммуникаций, наличия органов самоуправления и слабых людей в управлении или слабой системы управления персоналом. Для определения подходящей модели при влиянии фактора силы власти также применяют матрицу.

Современная система предпринимательства претерпевает значимые изменения в своей организации. Данные изменения соответствуют изменениям, происходящим на рынке труда. Рынок труда требует от подготовленных специалистов определенных навыков и умений получать новые знания на протяжении всей профессиональной деятельности. В связи с чем меняются технология и качество предоставление профессиональных услуг.

При этом пристальное внимание уделяется источнику получения профессиональных услуг – кадровому составу предприятия, так как именно кадры напрямую влияют на вовлеченность в трудовой процесс. Именно поэтому персонал предприятия должен обладать соответствующим набором компетенций, который позволит им непрерывно профессионально развиваться, что позволит осуществлять более качественную работу для современного рынка труда.

Требуется проработка необходимых функций, которыми должен обладать персонал предприятия в соответствии с занимаемой должностью. В рамках разработанных и утвержденных функций в будущем должно осуществляться регулирование деятельности работника на предмет его соответствия требованиям.

Одним из актуальных и наиболее часто применяемых в современных условиях является компетентностный подход.

Компетентностный подход в деятельности направлен совершенствование кадровой составляющей предприятия, он объединяет в себе необходимые компетенции, которые позволят качественно выполнять должностные функции.

К достоинствам компетентностного подхода можно отнести рассмотрение человека как личности, обладающей ценностями, потребностями, мотивами, знаниями, ориентацией на учет индивидуальной эффективности, обеспечение мобильности трудовых ресурсов, управления персоналом и, как следствие, научное объяснение различий результатов деятельности предприятий, регионов, отраслей и национальных экономик в целом [3].

Однако слабая сторона такого способа построения компетенции заключается в том, что мы не можем оценить степень проявления индикатора.

По мнению Опариной Н.Н., сбалансированная модель компетенций управленческих кадров корпораций состоит из следующих перспектив (составляющих): финансы, клиенты, процессы, обучение и развитие [6].

С точки зрения математического обоснования компетентностная модель персонала выглядит следующим образом (формула 1).

$$K = \begin{Bmatrix} L_1 & \dots & L_n \\ \text{У}_1 & \dots & \text{У}_n \\ O_1 & \dots & O_n \\ \text{П}_1 & \dots & \text{П}_n \end{Bmatrix}, \quad (1)$$

где, Ln – множество личностных качеств;

Уn – множество универсальных компетенций;

Оn – множество общепрофессиональных компетенций;

Пn – множество профессиональных компетенций.

Множество личностных компетенций включает в себя следующие: доброжелательность, этичность, терпеливость, толерантность, вежливость, ответственность, коммуникабельность.

Требования к результатам освоения основных образовательных программ прописываются на языке компетенций, которыми должны обладать выпускники [7].

Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту высшего образования универсальные компетенции представлены такими как:

- способность осуществлять поиски информации, проводить ее критический анализ;
- способность решать задачи, исходя из правовых норм;
- способность осуществлять деловую коммуникацию и воспринимать межкультурное разнообразие общества;
- способность поддерживать безопасные условия для жизнедеятельности и охраны окружающей среды;
- способность управлять своим временем, а также поддерживать должный уровень физической подготовленности;
- способность использовать базовые дефектологические знания;
- способность формировать нетерпимое отношение к коррупционному поведению.

Среди общепрофессиональных компетенций можно выделить следующие:

- способность соблюдать нормы законодательства в профессиональной сфере;

- способность принимать управленческие решения в области профессиональной деятельности;
- способность использовать в профессиональной деятельности информационно-коммуникационные технологии.

Профессиональные компетенции для сотрудников предприятий водного транспорта могут быть представлены в виде:

- компетентность в области иностранных языков;
- интеркультурная компетентность;
- интернациональная компетентность [2];
- способность к планированию испытаний;
- способность к применению современных технологий в производственном процессе;
- способность к разработке и применению аналитических отчетов;
- способность к разработке различных методических моделей, применяемых в производственном процессе;
- способность к применению современных информационно-коммуникационных технологий в деятельности.

На совершенно новый уровень вышли отношения работника с компанией [4]. Активное внедрение цифровых инструментов в кадровую политику компаний перестраивает не только бизнес-процессы, методы и приемы работы, но и изменяет тактику и стратегию работы с персоналом, предопределяя появление новой цифровой концепции управления персоналом [1].

Далее организация должна установить шкалу сформированности компетенций. Можно предложить следующую градацию (таблица 2).

Таблица 2. Модель оценки компетенций для сотрудников предприятия водного транспорта

Компетенция	0 уровень (неприемлемый)	1 уровень развития (базовый)	2 уровень опыта (стандартный)	3 уровень мастерства (экспертный)
	(0-1)	(2-3)	(4-5)	(6-7)

Характеристика уровней компетенций представлена в таблице 3.

Таблица 3. Шкала оценки сформированности компетенций

Уровень компетенции	Характеристика уровня
Неприемлемый уровень	Сформированность компетенции на низком уровне. Индикаторы компетенции практически не прослеживаются либо демонстрируются ошибочно. Наблюдаются негативные примеры в профессиональном поведении (более 20%). Минимальные требования, заявленные в профиле, к сотруднику отсутствуют. Стремление развивать компетенции отсутствует.
Базовый	Развитие компетенций ниже заявленного требования. Требуется контроль за выполнением профессиональных задач. Наблюдается заинтересованность в дальнейшем развитии.
Стандартный	Развитие компетенций в большей мере соответствует заявленному профилю сотрудника. Сотрудник принимает решения в производственных ситуациях. Не нуждается в контроле. Проявляет заинтересованность в дальнейшем развитии компетентностного уровня.
Экспертный	Развитие компетенций значительно превышает требуемый уровень согласно профилю. Работник владеет сложными навыками, знаниями и умениями. Негативное поведение отсутствует. Является примером для коллектива. Требуется развитие новых современных знаний согласно научно-техническому развитию.

Руководствуясь данной моделью, можно устанавливать критерии отбора сотрудников на работу, определять направление их дальнейшего развития, приоритет при построении карьерной лестницы, подбирать актуальный для данного сотрудника набор задач и функций.

Внедрение данной модели позволяет провести всестороннюю оценку результатов сотрудника, объективно рассмотреть его вклад в достижение общей цели, а также своевременно принимать решения по поводу перестановки кадров, обучения и стимулирования.

Компетентностный подход нацелен на оптимизацию управленческой деятельности в сфере управления персоналом. Данный подход содержит в себе как мотивационную, так и социальную составляющую и позволяет компилировать информацию в единую картину о работнике, его результатах и достижения.

Развитие компетенций у сотрудников оказывает влияние на вовлеченность их в деятельностный процесс предприятия.

При использовании в моделировании профессиональной деятельности персонала компетентностного подхода предлагается применение 7-балльной шкалы. Данное решение обосновано возможностью гибко подходить к процессу оценки и при этом достаточно четко представить уровень владения компетенцией.

Применяемый перечень компетенций должен быть актуальным на момент проведения оценки, а также периодически пересматриваться с учетом меняющихся тенденций. Структурные подразделения предприятия могут для сотрудников данного подразделения разрабатывать компетенции с учетом решаемых профессиональных задач.

Список источников

1. Илюхина Л.А., Богатырева И.В. Концепция управления персоналом в условиях цифровой трансформации // Креативная экономика. 2022. Т. 16. № 6. С. 2445-2462
2. Костров В.Н., Мордовченков Н.В., Сироткин А.А. Концептуальный подход к формированию и развитию транспортно-экспедиционных компетенций // Научные проблемы водного транспорта. 2019. №61.
3. Лаас Н. И. Разработка и внедрение модели компетенций современного менеджера по управлению персоналом // УПИРР. 2023. №3.
4. Луговской В. В., Коваленкова О.Г. Переход управления персоналом в цифровую эру // Современные тенденции развития науки и мирового сообщества в эпоху цифровизации: Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции, Москва, 10 ноября 2022 года. М., 2022. С. 323-325.
5. Луговской В.В., Коваленкова О.Г. Формирование команды как фактор эффективного управления персоналом на производственном предприятии // Актуальные проблемы науки и техники: Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 15–17 марта 2023 года / Отв. ред. Н.А. Шевченко. Ростов-на-Дону: Донской государственный технический университет, 2023. С. 610-611.
6. Опарина Н.Н. Модель компетенций управленческих кадров современных российских организаций // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 75. С. 209-226
7. Пыжова Ж.Ю., Чернева Р. И. Совершенствование компетентностного подхода в сфере подготовки кадров транспортной отрасли // Великие реки - 2020 : Труды 22-го международного научно-промышленного форума, Нижний Новгород, 27–29 мая 2020 года. Нижний Новгород: Волжский государственный университет водного транспорта, 2020. С. 151

References

1. Ilyukhina L.A., Bogatyreva I.V. The concept of personnel management in the conditions of digital transformation. *Creative Economy*. 2022. Vol. 16. No 6: 2445-2462 (In Russ.)
2. Kostrov V.N., Mordovchenkov N.V., Sirotkin A.A. Conceptual approach to the formation and development of forwarding competencies. *Scientific problems of water transport*. 2019. No61 (In Russ.)
3. Laas, N. I. Development and implementation of the competence model of a modern HR manager. *UPIRR.* 2023. No3. (In Russ.)
4. Lugovskoy, V. V. Transition of personnel management in the digital era / V. V. Lugovskoy, O. G. Kovalenkova. *Modern trends in the development of science and the world community in the era of digitalization*: Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference, Moscow, November 10, 2022. Moscow, 2022 (In Russ.)
5. Lugovskoy V.V., Kovalenkova O. G. Team formation as a factor of effective personnel management at the production enterprise. *Actual problems of science and technology*: Proceedings of the All-Russian (national) scientific-practical conference, Rostov-on-Don, March 15-17, 2023 / Editor-in-Chief N.A. Shevchenko. Rostov-on-Don: Don State Technical University, 2023. Pp. 610-611. (In Russ.)

6. Oparina N.N. Model of competencies of managerial personnel of modern Russian organizations. *Public Administration. Electronic bulletin*. 2019. No 75: 209-226 (In Russ.)
7. Pyzhova J.Yu., Cherneva R.I. Improvement of the competence approach in the sphere of personnel training of the transport industry. *Great Rivers - 2020*: Proceedings of the 22nd international scientific and industrial forum, Nizhny Novgorod, May 27-29, 2020. Nizhny Novgorod: Volga State University of Water Transport, 2020. Pp. 151 (In Russ.)

Информация об авторах

Малинина О.Ю. - кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Логистика и управление предприятиями водного транспорта»
Коваленкова О.Г. - кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика»

Information about the authors

Malinina O.Yu. - Candidate of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department "Logistics and Management of Water Transport Enterprises
Kovalenkova O.G. - Candidate of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department «Economics»

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.02.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 26.02.2024. The article was submitted 22.02.2024; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 26.02.2024

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Научная статья
УДК 34.347

Формирование единой концепции правового регулирования упрощенного производства

© Т. Ю. Кулик, 2024

Татьяна Юрьевна Кулик
Московский Университет им. С.Ю. Витте, филиал в г. Ростове-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия. rostnev@bk.ru

Аннотация. В последние годы в процессуальных кодексах законодатель закрепил целый ряд норм, направленных на унификацию правового регулирования отдельных институтов процессуального права. Не стали исключением и упрощенные формы рассмотрения дел. Для гражданского, арбитражного процесса и административного судопроизводства такими едиными упрощенными формами стали упрощенное и приказное производство. Несмотря на то, что ГПК РФ и АПК РФ содержат практически идентичные нормы, посвященные этим видам судопроизводства, КАС РФ отличается от этих кодексов даже в части определения тех дел, которые могут рассматриваться в упрощенной форме. Тем не менее, для формирования устойчивой и единообразной судебной практики в рамках одной процессуальной семьи необходимо сформировать общие критерии правового регулирования указанных институтов.

Ключевые слова: арбитражный процесс; арбитражный суд; гражданский процесс; суд общей юрисдикции; упрощенное производство; приказное производство

Для цитирования: Кулик Т.Ю. Формирование единой концепции правового регулирования упрощенного производства // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 3(166). С.30-33

Original article

Formation of a unified concept of legal regulation of simplified proceedings

Tatyana Yu. Kulik
Moscow University named S.Yu. Witte, branch in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia. rostnev@bk.ru

Abstract. In recent years, in procedural codes, the legislator has enshrined a number of norms aimed at unifying the legal regulation of individual institutions of procedural law. Simplified forms of consideration of cases are of no exception. For civil, commercial dispute court and administrative proceedings, simplified and writ proceedings became such unified simplified forms. Despite the fact that the Code of Civil Procedure of the Russian Federation and the Commercial Dispute Court Procedure Code of the Russian Federation contain almost identical rules devoted to these types of legal proceedings, the CAS of the Russian Federation differs from these codes even in terms of defining those cases that can be considered in a simplified form. However, in order to form stable and uniform judicial practice within one procedural family, it is necessary to formulate general criteria for the legal regulation of these institutions.

Keywords: commercial dispute court process; commercial dispute court; civil process; court of general jurisdiction; simplified proceedings; writ proceedings

For citation: Kulik T.Yu. Formation of a unified concept of legal regulation of simplified proceedings. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.3 (166):30-33 (In Russ.)

Анализируя процессуальное законодательство, можно сделать вывод, что Гражданский процессуальный кодекс РФ (далее – ГПК РФ), Арбитражный процессуальный кодекс РФ (далее – АПК РФ) и Кодекс административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ) содержат две общие упрощенные формы рассмотрения дел – упрощенное и приказное производство. Заочное производство, которое некоторыми учеными также относится к упрощенное форме рассмотрения дел, в КАС РФ и АПК РФ отражения не нашли.

Упрощенное и приказное производство объединяет отсутствие необходимости проводить судебное заседание, рассматривая дело. И в том, и в другом случае судья исследует исключительно письменные доказательства, поскольку использование других средств доказывания процессуальные кодексы для упрощенных форм рассмотрения дела не предусматривают. Обе формы упрощенного рассмотрения дел объединяет также то, что не все дела могут рассматриваться в порядке упрощенного или приказного производства, хотя перечень этот для упрощенного производства открытый, тогда как для приказного производства сформулирован исчерпывающим образом. Сокращенный срок упрощен-

ных форм рассмотрения дел также можно отнести к признакам, которые объединяют эти две процедуры.

В то же время нельзя забывать о принципиальных отличиях двух упрощенных форм. В первую очередь, следует упомянуть, что приказное производство возможно лишь по бесспорным (или условно бесспорным) делам, перечень которых ограниченно закреплен в процессуальных кодексах. Расширительного толкование этого перечня не допускается. Во-вторых, законодатель предусматривает особый порядок отмены судебного приказа, что не закреплено для решений, принятых в порядке упрощенного производства. В-третьих, и эта особенность вытекает из сущности приказного производства, в его рамках фактически не применяется принцип состязательности. Его реализация начинается только после того, как должник узнает о том, что в отношении него выдан судебный приказ.

Таким образом, упрощенное производство представляет собой одну из упрощенных форм рассмотрения дел. По своей правовой природе упрощенное производство является подвидом искового производства. Однако законодатель предусмотрел целый ряд изъятий из общего порядка рассмотрения в целях сокращения времени рассмотрения дел и порядка обжалования.

Анализ истории легализации упрощенных форм рассмотрения дел в российском гражданском и арбитражном процессе показывает, что такие виды всегда рассматривались как специальные виды искового [2, с. 12]. Причем сокращенные формы рассмотрения дел были присущие еще дореволюционному праву. В советский период процессуальные кодексы закрепляли только общий исковой порядок рассмотрения дел, и только в 1995 году в ГПК РФ было закреплено приказное производство, которое и по сей день пользуется большой популярностью [5, с. 4].

Упрощенное производство впервые было закреплено в арбитражном процессе. Несмотря на достаточно долгое правовое регулирование упрощенного производства (соответствующая глава была введена в АПК РФ в 2012 году, а в КАС РФ и ГПК РФ была закреплена позднее), до сих пор дискуссионными остаются многие вопросы относительно правовой природы данного процессуального института. В научной литературе можно встретить различные точки зрения на то, что собой представляет упрощенного производство.

Однако практически все авторы сходятся во мнении, что упрощенное производство в любом случае оценивается как самостоятельная судебная процедура, которая осуществляется в рамках правил искового производства. Подтверждает этот вывод и общность целей и задач, которые решаются судьей при рассмотрении дела в упрощенном порядке, а также особенностями реализации процессуальной формы, что в целом отвечает концепции современного процессуального права [1, с. 212].

В связи с этим, следует указать, чем упрощенное производство все же отличается от общего порядка искового производства, хотя и нацелено на разрешение спора о праве, как исковое производство. Во-первых, отсутствие необходимости проводить судебное заседание приводит к тому, что решение принимается судьей на основании исключительно письменных доказательств. Во-вторых, процессуальные кодексы предусматривают сокращенные сроки рассмотрения дел в порядке упрощенного производства и лишь один случай, когда допускается их продление. Что, кстати, больше отражает цель упрощения процедуры – экономия времени рассмотрения дел. В отличие от АПК РФ, ГПК РФ ничего не говорит о сроках рассмотрения дел, а пояснение дает лишь Постановление Пленума ВС РФ. В-третьих, законодатель упростил не только процедуру рассмотрения дел, но и составление решения, которое, по общему правилу, не содержит мотивировочную часть.

Традиционно для определения возможности рассмотрения дела в упрощенном порядке за основу брался ценовой критерий. И в АПК РФ, и в ГПК РФ этот критерий закреплен как основной (ст. 227 АПК РФ, ст. 232.2 ГПК РФ). Собственно, формулировка указанных статей – «…подлежат рассмотрению дела…» – свидетельствует о том, что именно соответствие ценовому критерию не просто делает возможным, но и обязывает судью рассмотреть дело в порядке упрощенного производства (конечно, при отсутствии исключающих условий (ч. 4 и 5 ст. 227 АПК РФ, ч. 3 и 4 ст. 232.2 ГПК РФ).

Вторым критерием, по которым дело может быть отнесено к упрощенной форме рассмотрения, является наличие доказательств, которые, по крайней мере на первый взгляд, делают заявленное требование бесспорным. В этом случае судье необходимо разграничить такие дела с теми, которые рассматриваются в порядке приказного производства (ч. 2 ст. 227 АПК РФ).

И, наконец, на третье место законодатель ставит мнение сторон, которое также может учитываться при переходе к рассмотрению дела в упрощенном порядке. Так, ч. 2 ст. 232.2 ГПК РФ гласит, что дело может быть рассмотрено в упрощенном порядке «по ходатайству стороны при согласии другой стороны или по инициативе суда при согласии сторон…». Примерно аналогичное правило содержит и ч. 3 ст. 227 АПК РФ: «По ходатайству истца при согласии ответчика или по инициативе суда при согласии сторон…». Конечно, это возможно при отсутствии исключающих обстоятельств, установление которых является обязанностью судьи независимо от того, какой критерий берется за основу при решении вопроса о рассмотрении дела в упрощенном порядке. Нетрудно заметить, что АПК РФ предо-

ставляет инициативу рассмотрения дела в упрощенном порядке истцу или суду, тогда как ГПК РФ допускает выражение соответствующей инициативы любой из сторон.

Представляется, что инициатива может исходить от обеих сторон, иначе это противоречило бы принципу равенства сторон. Процессуальные кодексы, вслед за Конституцией РФ, провозгласили равенство всех перед законом и судом, фактически дублируя конституционное положение (ст. 19 Конституции РФ). ГПК РФ и АПК РФ не раз подчеркивают, что стороны, которые являются основными участниками, заинтересованными в исходе судопроизводства, обладают равными процессуальными правами и несут равные обязанности. Следовательно, логично предположить, что инициировать упрощенную процедуру рассмотрения дела может и ответчик. Верховный Суд РФ эту точку зрения тоже подтверждает. В пункте 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 № 10 "О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве" речь идет о согласовании *сторонами* возможности рассмотрения дела в упрощенном порядке [3].

Тем не менее, соответствующие нормы ГПК РФ и АПК РФ необходимо унифицировать, закрепив прямо право инициировать рассмотрение дела в упрощенном порядке за обеими сторонами.

Также интересным представляется анализ норм, посвященных упрощенному производству в КАС РФ. В первую очередь, обращает на себя внимание тот факт, что КАС РФ прямо называет упрощенное производство письменным, что нашло отражение уже в названии главы 33 КАС РФ. Тем самым законодатель подчеркивает одну из отличительных особенностей упрощенного производства – рассмотрение дела только на основании письменных доказательств. Что касается перечня дел, то законодатель отошел от традиционного ценового критерия, упомянув его лишь в качестве одного из условий рассмотрения дела в упрощенном порядке (подп. 3 ч. 1 ст. 291 КАС РФ). Но если АПК РФ и ГПК РФ акцент делают либо на небольшие суммы (по мнению законодателя) и бесспорность требования (если дело не подлежит рассмотрению в порядке приказного производства), то КАС РФ больше прав при решении вопроса о рассмотрении дела в упрощенном порядке предоставляет сторонам административного судопроизводства.

Подп. 2 ч. 1 ст. 291 КАС РФ также предусматривает инициирование упрощенного производства административным истцом, что аналогично нормам ГПК РФ и АПК РФ. Также, как и применительно к разобранной выше ситуации, соответствующее право следует прямо предоставить и ответчику. Иначе это противоречило бы принципу равенства сторон в процессе. В отличие от ГПК РФ и АПК РФ, КАС РФ не предусматривает право судьи инициировать рассмотрение дела в упрощенном порядке. Это достаточно дискуссионный вопрос, особенно принимая во внимание, что именно в административном судопроизводстве суду принадлежит более активная роль. Представляется, что такое право необходимо закрепить и в КАС РФ.

Также большой вопрос вызывает и закрепленная КАС РФ в подп. 1 ч. 1 ст. 291 КАС РФ возможность рассмотрения дела в упрощенном порядке в случае, если «всеми лицами, участвующими в деле, заявлены ходатайства о рассмотрении административного дела в их отсутствие и их участие при рассмотрении данной категории административных дел не является обязательным». В этом случае судье целесообразно выяснить, действительно ли стороны согласны на упрощенный порядок рассмотрения дел. Учитывая правовые последствия упрощенного порядка рассмотрения дел (сокращенные сроки обжалований, особенности рассмотрения жалобы на решения, принятые в порядке упрощенного производства, ограничение возможности обратиться за обжалованием во вторую кассацию и надзор), стороны должны осознавать правовые последствия такого решения. Возможно, они просто не имеют возможности присутствовать в судебном заседании. И если АПК РФ и ГПК РФ предусматривают согласование сторонами именно упрощенной формы рассмотрения дела, КАС РФ в подп. 1 ч. 1 ст. 291 КАС РФ, в отличие от подп. 2 ч. 1 ст. 291 КАС РФ, говорит лишь о намерении сторон не присутствовать в судебном заседании при рассмотрении дела.

Кроме того, дискуссионным вопросом является также необходимость подачи соответствующего ходатайства всеми лицами, участвующими в деле. Ведь фактически в процессе распорядительными правами наделены лишь стороны.

Интересным также является возможность перехода к упрощенному производству в случае, если «в судебное заседание не явились все лица, участвующие в деле, надлежащим образом извещенные о времени и месте его рассмотрения, явка которых не является обязательной или не признана судом обязательной, или представители этих лиц» (часть 7 статьи 150 КАС РФ) [4]. Можно обратить внимание на то, что в гражданском и арбитражном процессе для рассмотрения дела в упрощенном порядке не имеет значение явка или неявка стороны на судебное заседание, что является условием, например, заочного производства – еще одной упрощенной формы рассмотрения дела, хотя и в гражданском процессе. Ни АПК РФ, ни ГПК РФ такой возможности не предусматривают. Опять же возникает

вопрос, понимают ли лица, участвующие в деле, последствия такой неявки, в т.ч. возможность рассмотрения дела в упрощенном порядке.

В связи с этим видится возможным скорректировать ст. 291 КАС РФ и унифицировать нормы, относящиеся к определению перечня дел, которые могут рассматриваться в упрощенном порядке.

Таким образом, несмотря на достаточно длительное правовое регулирование процедуры упрощенного производства в арбитражном, гражданском процессе, а также в административном судопроизводстве, наличие дискуссионных вопросов остается важным ориентиром для его дальнейшего совершенствования.

Список источников

1. Долотин Р.Р. Исследование процессуальной формы упрощенного судопроизводства в контексте проблемы реализации принципа процессуальной экономии // Вестник гражданского процесса. 2021. № 3.
2. Ласкина Н.В. Упрощенное и приказное производства: "за" и "против" // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 7
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 № 10 "О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве" // Консультант Плюс. Раздел «Судебная практика». (Дата обращения 23.01.2024).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 N 42 "О применении норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации при рассмотрении административных дел в порядке упрощенного (письменного) производства" // Консультант Плюс. Раздел «Судебная практика». (Дата обращения 23.01.2024).
5. Черемин М.А. Приказное производство в российском гражданском процессе: Дис. ... канд. юрид. наук. Иваново, 1999.

References

1. Dolotin R.R. Study of the procedural form of simplified legal proceedings in the context of the problem of implementing the principle of procedural economy. *Bulletin of Civil Procedure*. 2021. No. 3: 212 – 223. (In Russ.)
2. Laskina N.V. Simplified and writ proceedings: pros and cons. *Arbitration and civil process.* 2017. No. 7: 12. (In Russ.)
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 18, 2017 No. 10 "On some issues of application by courts of the provisions of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation on simplified proceedings". Access from the Legal Reference System "Consultant Plus". Section "Judicial Practice". (Date of access: 01/23/2024).
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 17, 2020 N 42 "On the application of the norms of the Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation when considering administrative cases in simplified (written) proceedings". Access from the Legal Reference System "Consultant Plus". Section "Judicial Practice". (Date of access: 01/23/2024).
5. Cheremin M.A. Order proceedings in Russian civil proceedings: Dis. ...cand. legal Sci. Ivanovo, 1999. P. 4 – 5 (In Russ.)

Информация об авторе

Кулик Т.Ю. – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Kulik T.Yu. – Candidate of Law, Associate Professor

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 31.01.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 26.02.2024. The article was submitted 31.01.2024; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 26.02.2024

Научная статья
УДК 342.8

Федеральное Собрание Российской Федерации
как субъект конституционной защиты пассивных избирательных прав

© П.А. Мельников, 2024

Павел Алексеевич Мельников
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия. melnikov.adv@bel-31.ru

Аннотация. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью последовательного совершенствования избирательного законодательства России и устранения имеющихся правовых пробелов и противоречий. Цель исследования – установить роль правотворческой деятельности Федерального Собрания Российской Федерации в процессе совершенствования избирательного законодательства России как элемента механизма конституционной защиты пассивных избирательных прав граждан. В статье выделены правовая основа и обеспечительные средства правотворческой деятельности Федерального Собрания Российской Федерации как федерального законодательного (представительного) органа государственной власти. Результаты исследования позволили констатировать возможность Федерального Собрания Российской Федерации своей правотворческой деятельностью вести защиту избирательных прав граждан; выделены показатели качества законодательной работы федерального парламента; определено нынешнее состояние деятельности федерального парламента по защите права гражданина быть избранным в органы публичной власти.

Ключевые слова: Конституция, федеральный парламент, законодательный орган, избирательные права, правотворческая деятельность, защита

Для цитирования: Мельников П.А. Федеральное Собрание Российской Федерации как субъект конституционной защиты пассивных избирательных прав // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 3(166). С.34-41

Original article

The Federal Assembly of the Russian Federation
as a subject of constitutional protection of passive electoral rights

© P.A. Melnikov, 2024

Pavel A. Melnikov
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia. melnikov.adv@bel-31.ru

Abstract. The relevance of this study is due to the need to consistently improve the electoral legislation of Russia and eliminate existing legal gaps and contradictions. The purpose of the study is to establish the role of law–making activities of the Federal Assembly of the Russian Federation in the process of improving the electoral legislation of Russia as an element of the mechanism of constitutional protection of passive electoral rights of citizens. The article highlights the legal basis and security means of law-making activities of the Federal Assembly of the Russian Federation as a federal legislative (representative) body of state power. The results of the study allow us to state the possibility of the Federal Assembly of the Russian Federation to protect the electoral rights of citizens through its law-making activities; indicators of the quality of legislative work of the federal parliament are highlighted; the current state of the federal parliament's activities to protect the right of a citizen to be elected to public authorities are determined.

Keywords: Constitution, federal parliament, legislature, electoral rights, law-making activities, protection

For citation: Melnikov P.A. The Federal Assembly of the Russian Federation as a subject of constitutional protection of passive electoral rights. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*. 2024. № 3(166):34-41 (In Russ.)

Введение

Электоральная система России, опираясь на выстроенный конституционный ландшафт, является самобытным феноменом. Как любая самостоятельно функционирующая система, она имеет механизм самозащиты. В контексте настоящего исследования одним из элементов механизма защиты являются определенные правомочные субъекты, имеющие целью обеспечение возможности для граждан реализовывать право быть избранным в органы публичной власти. В частности, подтверждают данный тезис следующие конституционные установления:

1) «… защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2);

2) «Права и свободы человека и гражданина … определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» (ст. 18);

3) «Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется» (ч. 1 ст. 45) [1].

Раскрывая содержание конституционных предписаний, В.Ю. Шевченко пишет, что деятельность всех органов государственной власти должна быть направлена на обеспечение и защиту прав и свобод человека в пределах их полномочий [2, с. 65].

В своем исследовании Ю.В. Анохин отвел законодательным органам власти одну из ключевых ролей в механизме государственно-правового обеспечения прав личности [3, с. 188]. Развивая мысль автора, приведем дополнительно сделанные Л.И. Никоновой выводы о современных парламентах как непосредственно участвующих в формировании внутригосударственной правозащитной системы и способствующих ее эффективному функционированию, развитию и совершенствованию благодаря имеющимся у них юридическим и общественно-политическим средствам [4, с. 23]. Отметим также вывод Т.А. Блашенко и А.В. Шаповалова о выполнении парламентами важной правозащитной функции, которые не имеют отношения при этом к системе правоохранительных органов, являясь институциональным воплощением демократии [5, с. 41]. Подчинение жизненным интересам общества и отражение в своей деятельности его интересов с воплощением в принимаемых законах В.Е. Усанов признает главным предназначением парламентского органа в современном обществе [6, с. 20]. Хотя парламентам не предоставлены функциональные преимущества в вопросах осуществления прав и свобод человека и гражданина, именно их действия по развитию законодательства согласно принципам и нормам Конституции Российской Федерации формируют существеннейшие правовые условия и предпосылки для существования, действия и осуществления прав и свобод [7, с. 39].

Учитывая изложенное, мы можем заключить – законодательные и представительные органы государственной власти (парламенты) являются правомочными субъектами защиты конституционных прав человека и гражданина в России [8, с. 368-375], в том числе пассивных избирательных прав. Актуальность настоящего исследования обусловлена имеющимися в научной литературе противоречивыми тезисами о характере деятельности указанных субъектов.

К примеру, Ю.В. Анохин пишет о неплодотворности и неэффективности в вопросах обеспечения прав и свобод личности деятельностью российского парламента. В качестве причин автор приводит ярко выраженную конфронтацию политических сил, лоббирование позиций только отдельных социальных групп и отсутствие сменяемости депутатского корпуса [3, с. 188-189]. При этом Ю.В. Анохин делает акцент на Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации как одной из палат федерального законодательного органа.

В то же время, по мнению Т.Я. Хабриевой и С.Е. Нарышкина, успех демократических преобразований в современном мире вызван укреплением институтов представительной демократии (прежде всего парламентов), а парламентаризм как политическая и научная доктрина в XXI веке переживает определенный ренессанс [9, с. 5]. К.А. Бекмурадов полагает, что руководство России уделяет пристальное внимание такой демократической основе, как развитый парламент [10, с. 22]. Следует учитывать и приведенные позиции Ю.В. Анохина, Т.А. Блашенко, Л.И. Никоновой, В.Е. Усанова, А.В. Шаповалова о деятельности парламентов в качестве правозащитного института.

Одним из нюансов российской электоральной системы является иерархичность нормативных правовых актов, принимаемых либо изменяемых парламентами. В частности:

1) «В ведении Российской Федерации находятся … регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина» (п. «в» ст. 71 Конституции Российской Федерации);

2) «По предметам ведения Российской Федерации принимаются федеральные конституционные законы и федеральные законы, имеющие прямое действие на всей территории Российской Федерации» (ч. 1 ст. 76 Конституции Российской Федерации);

3) «Законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации не могут противоречить федеральным законам… В случае противоречия между федеральным законом и иным актом, изданным в Российской Федерации, действует федеральный закон» (ч. 5 ст. 76) [1].

Развивая конституционные предписания, законодатель установил в Федеральном законе от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ): «Федеральные законы, конституции (уставы), законы субъектов Российской Федерации, иные нормативные правовые акты о выборах и референдумах, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить настоящему Федеральному закону. Если федеральный закон, конституция (устав), закон субъекта Российской Федерации, иной нормативный правовой акт о выборах и (или) референдуме противоречат

настоящему Федеральному закону, применяются нормы настоящего Федерального закона» (п. 6 ст. 1) [11].

На основе рассмотренных нормоположений можно сделать закономерный вывод – текущее избирательное законодательство России, как федеральное, так и региональное, должно соответствовать и не противоречить рамочному Федеральному закону от 12.06.2002 № 67-ФЗ.

Конституция России также гласит:

1) «Федеральные законы принимаются Государственной Думой» (ч. 1 ст. 105);

2) «Федеральное Собрание состоит из двух палат – Совета Федерации и Государственной Думы» (ч. 1 ст. 95);

3) «Федеральное Собрание – парламент Российской Федерации – является представительным и законодательным органом Российской Федерации» (ст. 94);

4) «Федеральное Собрание является постоянно действующим органом» (ч. 1 ст. 99) [1].

Таким образом, ключевая роль в регулировании текущего избирательного законодательства в России связана с правотворческой деятельностью Федерального Собрания как законодательного и представительного органа Российской Федерации.

Правовая основа и роль правотворческой деятельности Федерального Собрания Российской Федерации в защите избирательных прав

Исследование правовой основы и роли правотворческой деятельности Федерального Собрания Российской Федерации в защите избирательных прав следует начать с определения ее сущности. М.А. Сороколетова пишет о правотворчестве как процедуре, включающей в себя организационную работу по подготовке нормативно-правового документа, и деятельности, направленной на непосредственное создание официального правила поведения [12, с. 368]. Дополним – указанное «правило» текстуально обличается в правовую норму, принимаемую в форме одной из разновидностей нормативного правового акта: закона либо подзаконного акта. Ю.В. Анохин связывает деятельность по принятию законов с законодательной функцией парламента [3, с. 189].

Под законодательным процессом А.А. Ищенко понимает установленный конституционный порядок осуществления законодательной функции как комплексного и многоаспектного правового явления, содержательно включающего в себя ряд последовательно сменяющих друг друга этапов (стадий): внесение законопроекта; его рассмотрение в парламентских комитетах и комиссиях; принятие закона и его одобрение палатами Федерального Собрания Российской Федерации; подписание и опубликование закона [13, с. 129-130]. Регуляторная деятельность парламента, по мнению А.С. Кошель, должна быть направлена на формирование условий и способов нормального функционирования человека, общества и государства [14, с. 7]. Мы полагаем в этом заключается ключевая роль законодательного (представительного) органа государственной власти, особенно в части функционирования института выборов.

Собственно, по верному замечанию А.В. Выстроповой, ради эффективности законотворческой деятельности парламента она должна базироваться на прочной правовой основе, регламентирующей содержательные и процедурные стороны его работы [15, с. 31]. Несомненно, такой правовой основой являются регламенты Государственной Думы и Совета Федерации в силу прямого предписания Конституции Российской Федерации (ч. 4 ст. 101). В то же время, палаты парламента в своих регламентах закрепили:

1) «Порядок деятельности Государственной Думы определяется Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами и настоящим Регламентом» (ст. 2) [16];

2) «Порядок деятельности Совета Федерации определяется Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами, постановлениями Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (далее – постановления Совета Федерации) и настоящим Регламентом» (ч. 2 ст. 3) [17].

Тем самым допустимо сделать вывод: Федеральное Собрание Российской Федерации в своей правотворческой деятельностью руководствуется Конституцией Российской Федерации, внутренними регламентами ее палат как актами конституционного значения в рамках собственной деятельности, федеральным законодательством. При этом регламентом Совета Федерации также указано руководствоваться собственными постановлениями, в отличие от регламента Государственной Думы. Полагаем, этот пробел в регулировании является упущением, требующим проявления соответствующей инициативы от действующих депутатов Государственной Думы по его исправлению.

В целом же согласимся с утверждением А.С. Кошель – нельзя не учитывать необходимость неукоснительного соблюдения процедурных правил, пусть и установленных самим парламентом, но на основе квалифицированного большинства [14, с. 8]. Дополним – именно от качества проводимой законодательной работы Федерального Собрания Российской Федерации по регулированию Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ и федерального законодательства в целом зависит наличие

либо отсутствие латентных избирательных барьеров и рисков для кандидатов [18, с. 27-31; 19, с. 78-82]. Такие риски могут быть связаны, например, с родом деятельности кандидата, с фактически установленной законодателем безальтернативностью способа сбора подписей в поддержку выдвижения кандидата ввиду обязанности использовать его устаревшую форму – подписные листы с вытекающими последствиями [20, с. 145; 21, с. 338].

Здесь же следует учитывать правовую позицию Конституционного Суда от 22.03.2007 № 4-П, хотя непосредственно и не относящуюся к вопросу регулирования избирательных прав, но задающую верный тон для таковой работы федерального законодателя: «… для поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, в том числе при изменении действующего регулирования, он обязан соблюдать конституционные принципы справедливости, равенства, соразмерности, а также стабильности и гарантированности … прав и не может осуществлять такое регулирование, которое посягало бы на само существо этих прав и приводило бы к утрате их реального содержания; даже имея целью воспрепятствовать злоупотреблению правом путем введения определенных условий или ограничений, законодатель должен использовать не чрезмерные, а только необходимые и обусловленные конституционно признаваемыми целями таких ограничений меры» [20]. В контексте приведенной правовой позиции, так как институт выборов прежде всего политический, уместно и замечание К.А. Бекмурадова об обязанности законодателя соблюдать баланс интересов для уравновешивания и стабилизации политической ситуации России [10, с. 22].

Концептуально важный вывод о роли правотворческой деятельности Федерального Собрания Российской Федерации как законодательного органа в защите прав человека и гражданина сделала в своем исследовании Д.С. Велиева: «Законодательные органы выполняют свою роль в конституционной системе защиты прав человека, прежде всего, посредством правотворческой деятельности, выражающейся в принятии законов и других нормативных правовых актов, направленных на обеспечение конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина, правового обеспечения создания и функционирования наиболее эффективных механизмов, структур и способов, необходимых для их защиты. Законодательные органы также определяют пределы (меры) свободы, возможности реализации прав и свобод человека и гражданина» [21, с. 347].

А.С. Кошель связывает свободу выборов со строгой регламентацией избирательного процесса и объективным беспристрастным проведением выборов их организаторами, что применимо и к деятельности парламента [14, с. 8].

А.Ф. Квитко отмечает, что для соблюдения законодательной властью границ возложенных на нее Основным Законом полномочий, конституционные положения, санкционирующие ограничения прав личности, должны быть сформулированы и определены в действующем законодательстве с максимальной четкостью и ясностью [22, с. 13].

Соглашаясь с приведенными позициями авторов, подытожим: степень детализации федерального законодательства отражает качество законодательной работы палат Федерального Собрания Российской Федерации.

Обеспечительные средства правотворческой деятельности Федерального Собрания Российской Федерации

Для проведения качественной законодательной работы федеральный парламент обладает широким спектром обеспечительных средств. Одной из мер по обеспечению законодательной деятельности является научная экспертиза законопроекта. Председатель Государственной Думы уполномочен поручать Научному совету по правотворчеству проведение экспертизы законопроекта и направлять по результату заключение в ответственный по соответствующему законопроекту комитет Государственной Думы, который обязан его рассмотреть (п.п. «з. 1» и «з. 2» ч. 1 ст. 11; ч. 4 ст. 27 регламента Государственной Думы) [16]. Также по решению ответственного комитета Государственной Думы законопроект может быть направлен в государственные органы или другие организации для проведения научной экспертизы (ч. 1 ст. 112 регламента Государственной Думы) [16].

Подчеркнем, научная составляющая законодательной деятельности должна присутствовать при разработке и рассмотрении каждого законопроекта. По верному замечанию А.А. Кененова и Г.Т. Чернобель, только научно обоснованный норматив может быть облечен в официальные правовые формы, что следовало бы закрепить конституционно [23, с. 72].

Следующая мера по обеспечению законодательной деятельности – экспертиза законопроекта Общественной палатой Российской Федерации (далее – Общественная палата). Экспертиза проводится в случае принятия решения ответственным за законопроект комитетом Государственной Думы, который готовит проект соответствующего обращения в Общественную палату (ч. 1.1 ст. 112 регламента Государственной Думы) [16]. В последующем Совет Государственной Думы уполномочен направить данный законопроект и материалы к нему для рассмотрения в Общественную палату (п. «е» ч. 1 ст. 14 регламента Государственной Думы) [16]. Полученное по результатам экспертизы заключение Общественной палаты Председатель Государственной Думы уполномочен направить в ответственный

по законопроекту комитет Государственной Думы, который обязан его рассмотреть (п. «р» ч. 1 ст. 11; ч. 3 ст. 27 регламента Государственной Думы) [16]. Проведение общественной экспертизы Общественной палатой проектов федеральных конституционных законов, федеральных законов либо законов Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации возможно и по инициативе органов Совета Федерации. При этом комитет Совета Федерации также готовит проект соответствующего обращения в Общественную палату, а в случае поступления заключения по результатам экспертизы оно подлежит обязательному рассмотрению на заседании Совета Федерации (п. «г.1» ч. 1 ст. 27; ч. 1 ст. 107; ч. 1 ст. 125; ч. 1 ст. 132 регламента Совета Федерации) [17]. Подчеркнем, отражение позиции Общественной палаты как института гражданского общества в законодательной деятельности федерального парламента является фактором обеспечения социальной легитимации принимаемых законов.

Следующая группа мер по обеспечению законодательной деятельности – правовая, юридико-техническая и лингвистическая экспертизы законопроекта. Они проводятся Правовым управлением Аппарата Государственной Думы на основании:

1) поручения Совета Государственной Думы или ответственного комитета Государственной Думы по законопроекту – правовая, которая заключается в его постатейной проверке на соответствие Конституции Российской Федерации, федеральным конституционным законам, федеральным законам, основным отраслевым законодательным актам, проверке перечня актов федерального законодательства, подлежащих признанию утратившими силу, приостановлению, изменению или принятию в связи с принятием законопроекта (ч. 2 ст. 112; ч. 6 ст. 121 регламента Государственной Думы) [16];

2) поручения ответственного комитета Государственной Думы по законопроекту – лингвистическая экспертиза, которая заключается в его постатейной оценке на соответствие текста нормам современного русского литературного языка с учетом особенностей языка нормативных правовых актов и даче рекомендаций по устранению грамматических, синтаксических, стилистических, логических, редакционно-технических ошибок и ошибок в использовании терминов (ч. 2 ст. 112; ч.ч. 6, 7 ст. 121 регламента Государственной Думы) [16];

3) поручения Совета Государственной Думы или ответственного комитета Государственной Думы по законопроекту – юридико-техническая экспертиза (ч. 2 ст. 112 регламента Государственной Думы) [16].

Следующая мера по обеспечению законодательной деятельности – экспертная оценка законопроекта, проведение которой Председатель Государственной Думы уполномочен поручать экспертным советам при Председателе Государственной Думы, Первом заместителе (заместителе) Председателя Государственной Думы (п. «з.4» ч. 1 ст. 11; ч. 9 ст. 11 регламента Государственной Думы) [16]. Результаты экспертной оценки в форме заключения направляются Председателем Государственной Думы в ответственный по соответствующему законопроекту комитет Государственной Думы, а также Первым заместителем (заместителем) Председателя Государственной Думы – в ответственный по соответствующему законопроекту комитет Государственной Думы либо во фракцию или в законодательный орган субъекта Российской Федерации если выступали в качестве инициатора о проведении экспертной оценки («з.5» ч. 1 ст. 11; ч.ч. 1.7-1.10 ст. 12 регламента Государственной Думы) [16]. Кроме того, комитеты и комиссии Государственной Думы вправе привлекать к своей работе экспертов Правового управления Аппарата Государственной Думы, других экспертов, а также принять решение о проведении независимой экспертизы законопроектов (ч. 2 ст. 27 регламента Государственной Думы) [16].

Следующие меры по обеспечению законодательной деятельности можно соотнести с работой федерального парламента по выявлению актуальных проблем. Выделим, в частности, проведение комитетами Государственной Думы анализа практики применения законодательства и осуществления по вопросам своего ведения экспертного сопровождение подготовки проекта ежегодного отчета о состоянии российского законодательства (п.п. «к», «к.1» ч. 2 ст. 19, регламента Государственной Думы) [16]. В Совете Федерации предусмотрено проведение «времени эксперта», в ходе которого на заседание палаты для выступления по актуальным вопросам приглашаются известные государственные, политические, общественные деятели, деятели науки, культуры, искусства (ч. 1 ст. 42.1 регламента Совета Федерации) [17].

В то же время, анализ регламентов палат Федерального Собрания Российской Федерации в части обеспечительных средств его законодательной деятельности показал отсутствие предписаний о необходимости изучения судебной практики по предмету регулирования подготавливаемых и рассматриваемых законопроектов, что мы считаем существенным недостатком. По верному замечанию Т.Э. Шуберт, основанная на принципах справедливости судебная практика как источник права должна формировать через институт законодательной инициативы правовые нормы, а недостатки законодательства во многом могли бы быть исправлены с помощью учета судебных прецедентов [24, с. 161].

Заключение

Таким образом, показателями качества законодательной работы Федерального Собрания Российской Федерации выступают степень детализации, актуальность и сбалансированность федерального законодательства, опирающегося на научное обоснование, общественное мнение и судебную практику. Несмотря на имеющиеся у Федерального Собрания Российской Федерации конституционные полномочия по защите пассивных избирательных прав, мы можем констатировать, что на современном этапе российской государственности в избирательном законодательстве еще имеются недостатки, вызванные правовыми пробелами, противоречиями и устарелостью, которые непосредственно либо опосредованно несут в себе риски при реализации гражданами их пассивных избирательных прав. Соответственно, федеральный парламент в настоящий момент не в полной мере реализовал свои возможности, а цель по защите права гражданина быть избранным в органы публичной власти им не достигнута. Однако имеющие место актуальные проблемы, представляется, могут быть решены законодателем в процессе всеобщей кодификации избирательного законодательства страны качественно и эффективно благодаря широкому спектру обеспечительных средств его деятельности, что позволит минимизировать существенное количество правовых рисков для граждан в реализации их пассивных избирательных прав.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.
2. Шевченко В.Ю. Взаимодействие органов законодательной власти и прокуратуры Российской Федерации в сфере защиты прав и свобод человека // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 3 (116).
3. Стратегия российской государственно-правовой политики и вопросы обеспечения прав человека / под общ. ред. Ю.В. Анохина. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2015. 278 с.
4. Никонова Л.И. Парламентская деятельность в сфере прав и свобод личности: европейский опыт // Право и современные государства. 2015. № 5.
5. Блашенко Т.А., Шаповалов А.В. Парламент в механизме реализации прав и свобод граждан // Эпомен. 2021. № 63.
6. Усанов В.Е. Парламентаризм в России: конституционно-правовые основы становления и деятельности: автореферат дис. ... доктора юридических наук. Москва, 2006. 52 с.
7. Джамбулатов С.И. Защита прав и свобод органами законодательной власти // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2015. № 3.
8. Безуглая А.А., Мархгейм М.В. Типичные сферы конституционного взаимодействия палат бикамеральных парламентов стран Африки // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2021. Том 46, № 2.
9. Нарышкин С.Е., Хабриева Т.Я. К новому парламентскому измерению евразийской интеграции // Журнал российского права. 2012. № 8 (188).
10. Бекмурадов К.А. Особенности правового статуса члена Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2014. № 7 (115).
11. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
12. Сороколетова М.А. Коллизионные правоотношения: понятие и механизмы разрешения // Юриспруденция как интегративный феномен современного российского общества и государства: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию Юридического института НИУ «БелГУ». Белгород, 18-19 мая 2018 года.
13. Ищенко А.А. Конституционно-правовые основы участия аппарата Государственной Думы в обеспечении деятельности субъектов законодательного процесса // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 2 (20).
14. Кошель А.С. Парламент и правотворчество: современное осмысление роли парламентских процедур и законов в трансформируемом обществе // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 1.
15. Выстропова А.В. Парламентское право России: учебное пособие. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2001. 92 с.
16. О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Постановление ГД ФС РФ от 22.01.1998 № 2134-II ГД // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 801.

17. О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: Постановление СФ ФС РФ от 30.01.2002 № 33-СФ // СЗ РФ. 2002. № 7. Ст. 635.
18. Мархгейм М.В., Новикова А.Е. Международные правозащитные риски: универсальный уровень // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13, № 6.
19. Новикова А.Е. Систематизация «внутренних» правозащитных рисков: общегарантный критерий // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 2 (129).
20. Мельников П.А. Род деятельности гражданина Российской Федерации как инструмент ограничения его пассивного избирательного права // Конституционализм: симбиоз науки и практики: Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Н.В. Витрука (Белгород, 18 ноября 2022 г.). Белгород, 2022.
21. Мельников П.А. Сбор подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидатов: современное состояние и эволюция процедуры // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2023. Т.48. № 2.
22. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2007 № 4-П // СЗ РФ. 2007. № 14. Ст. 1742.
23. Велиева Д.С. Защита прав человека в деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2016. Т. 16. № 3.
24. Квитко А.Ф. Конституционно-правовые основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2007. 28 с.
25. Кененов А.А., Чернобель Г.Т. Логические основы законотворческого процесса // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1991. № 6.
26. Шуберт Т.Э. Влияние судебной практики на законотворческий процесс // Журнал российского права. 2016. №4 (232).

References

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993 (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 12.12.2008 No. 6-FKZ, dated 12/30/2008 No. 7-FKZ, dated 02/05/2014 No. 2-FKZ, dated 07/21/2014 No. 11-FKZ; with amendments approved during the all-Russian voting on 07/01/2020). *Rossiyskaya Gazeta*. 1993, December 25; 2020, July 4. (In Russ.)
2. Shevchenko V.Yu. Interaction of legislative authorities and the Prosecutor's Office of the Russian Federation in the field of protection of human rights and freedoms. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2017. No. 3 (116) (In Russ.)
3. Strategy of the Russian state and legal policy and issues of ensuring human rights / under the general editorship of Yu.V. Anokhin*. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015. 278 p. (In Russ.)
4. Nikonova L.I. Parliamentary activity in the field of individual rights and freedoms: *European experience. Law and modern states.* 2015. No. 5 (In Russ.)
5. Bloshenko T.A., Shapovalov A.V. Parliament in the mechanism of realization of citizens' rights and freedoms. *Epomen*. 2021. No. 63 (In Russ.)
6. Usanov V.E. Parliamentarism in Russia: constitutional and legal foundations of formation and activity: abstract of the dissertation... Doctor of Law. Moscow, 2006. 52 p. (In Russ.)
7. Dzhambulatov S.I. Protection of rights and freedoms by legislative authorities. *Business in law. Economic and Legal Journal.* 2015. No. 3 (In Russ.)
8. Bezuglaya A.A., Markheim M.V. Typical spheres of constitutional interaction of chambers of bicameral parliaments of African countries. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*. 2021. No. 46(2) (In Russ.)
9. Naryshkin S.E., Khabrieva T.Ya. Towards a new parliamentary dimension of Eurasian integration. *Journal of Russian Law.* 2012. No. 8 (188) (In Russ.)
10. Bekmuradov K.A. Features of the legal status of a member of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. *Law and the state: theory and practice.* 2014. No. 7 (115) (In Russ.)
11. On the basic guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation: Federal Law No. 67-FZ of 12.06.2002. SZ RF. 2002. No. 24. Art. 2253. (In Russ.)
12. Sorokoletova M.A. Conflict of laws: the concept and mechanisms of resolution // Jurisprudence as an integrative phenomenon of modern Russian society and the state: materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 25th anniversary of the Law Institute of the National Research University "BelSU". Belgorod, May 18-19, 2018 (In Russ.)
13. Ishchenko A.A. Constitutional and legal bases of the participation of the State Duma apparatus in ensuring the activities of subjects of the legislative process. *Citizen. Elections. Power*. 2021. No. 2 (20) (In Russ.)

14. Koshel A.S. Parliament and law-making: modern understanding of the role of parliamentary procedures and laws in a transformed society. *Bulletin of the I. Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social Sciences.* 2020. No. 1 (In Russ.)
15. Vystropova A.V. Parliamentary law of Russia: a study guide. Volgograd: Publishing House of Volga State University, 2001. 92 p. (In Russ.)
16. On the Regulations of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation: Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation dated 01/22/1998 No. 2134-II of the State Duma. SZ RF. 1998. No. 7. Art. 801 (In Russ.)
17. On the Regulations of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation: Resolution of the Federal Assembly of the Russian Federation of 30.01.2002 No. 33-SF. SZ RF. 2002. No. 7. Art. 635 (In Russ.)
18. Markheim M.V., Novikova A.E. International human rights risks: a universal level. *Gaps in Russian legislation.* 2020. 13(6) (In Russ.)
19. Novikova A.E. Systematization of "internal" human rights risks: a nationwide criterion. *Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2021. No. 2 (129) (In Russ.)
20. Melnikov P.A. The type of activity of a citizen of the Russian Federation as an instrument for limiting his passive suffrage. Constitutionalism: symbiosis of science and practice: Materials of the All-Russian scientific and theoretical conference dedicated to the memory of the Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of Russia, Doctor of Law, Professor N.V. Vitruk (Belgorod, November 18, 2022). Belgorod, 2022 (In Russ.)
21. Melnikov P.A. Collecting signatures of voters in support of the nomination of candidates: the current state and evolution of the procedure. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*. 2023. Vol.48. No. 2 (In Russ.)
22. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 03/22/2007 No. 4-P. SZ RF. 2007. No. 14. Art. 1742 (In Russ.)
23. Veliyeva D.S. Protection of human rights in the activities of legislative (representative) public authorities of the subjects of the Russian Federation. *Izvestiya Saratovskogo university. A new series. Series: Economics. Management. Law.* 2016. Vol. 16. No. 3 (In Russ.)
24. Kvitko A.F. Constitutional and legal foundations of the restriction of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation: abstract. ... cand. Jurid. M., 2007. 28 p. (In Russ.)
25. Kenenov A.A., Chernobel G.T. Logical foundations of the legislative process*. News of higher educational institutions. Law studies*. 1991. No. 6 (In Russ.)
26. Shubert T.E. The influence of judicial practice on the legislative process. *Journal of Russian Law*. 2016. No.4 (232) (In Russ.)

Информация об авторе

П.А. Мельников – аспирант кафедры конституционного и международного права юридического института

Information about the author

P.A. Melnikov – Postgraduate student of the Department of Constitutional and International Law of the Law Institute

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 22.02.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 26.02.2024. The article was submitted 22.02.2024; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 26.02.2024

Научная статья
УДК 342

Право детей на отдых и оздоровление:
конституционно-правовое регулирование и перспективы развития

© Минакова И. Г., 2024

Инна Геннадьевна Минакова
Ростовский институт защиты предпринимателя, г. Ростов-на-Дону, Россия. minakova@zsro.ru

Аннотация. В данной статье вопросы отдыха и оздоровления детей рассмотрены как один из элементов конституционного права человека на отдых. Проанализированы проблемы детского отдыха, в том числе недостаток финансирования, нехватка профессиональных кадров, отдых детей, находящихся в трудной ситуации, а также детей, склонных к девиантному поведению. В целях комплексного решения данных вопросов предлагается разработать единый специальный законодательный акт, регламентирующий деятельность всех участников в сфере отдыха и оздоровления детей. Кроме того в статье предложено определить следующие основные цели и задачи нормативного регулирования отдыха детей: содействие физическому, интеллектуальному развитию детей, обеспечение безопасности детей во время их пребывания в организациях отдыха и оздоровления; создание современной системы подготовки кадров для работы в организациях отдыха детей, увеличение числа детей, охваченных различными формами отдыха. Выявлены иные вопросы, требующие законодательного регулирования.

Ключевые слова: детский отдых, организации отдыха и оздоровления детей, права детей в сфере отдыха и оздоровления, десятилетие детства, безопасный детский отдых

Для цитирования: Минакова И.Г. Право детей на отдых и оздоровление: конституционно-правовое регулирование и перспективы развития // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 3 (166). С. 42-44

Original article

Children's right to rest and recovery:
constitutional-law regulation and development prospects

Inna G. Minakova
Rostov Institute of Entrepreneur Protection, Rostov-on-Don, Russia. minakova@zsro.ru

Abstract. In this article, the issues of recreation and health improvement of children are considered as one of the elements of the constitutional human right to rest. The problems of children's recreation are analyzed, including lack of funding, lack of professional personnel, recreation of children in difficult situations, as well as children prone to deviant behavior. In order to comprehensively address these issues, it is proposed to develop a single special legislative act regulating the activities of all participants in the field of recreation and health improvement of children. In addition, the article proposes to define the following main goals and objectives of the regulatory regulation of children's recreation: promoting the physical and intellectual development of children, ensuring the safety of children during their stay in recreation and recreation organizations; creating a modern training system for working in children's recreation organizations, increasing the number of children covered by various forms of recreation. Other issues requiring legislative regulation have also been identified.

Keywords: children's recreation, recreation and recreation of children, children's rights in the field of recreation and recreation, the decade of childhood, safe children's recreation

For citation: Minakova I.G. Children's right to rest and recovery: constitutional-law regulation and development prospects. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.3 (166): 42-44 (In Russ.)

Конституцией Российской Федерации провозглашено, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России [1]. Указанные конституционные положения базируются на международно-правовых нормах. Так, Конвенция о правах ребенка провозглашает, что дети имеют право на особую заботу и помощь. Статья 31 уточняет, что государства - участники уважают и поощряют право ребенка на всестороннее участие в культурной и творческой жизни и содействуют предоставлению равных возможностей для досуга и отдыха [2].

Указанные положения получают дальнейшее развитие в актах отраслевого законодательства. Ключевым из них является Федеральный закон от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ "Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации". Статья 12 в качестве одного из основных прав детей устанавливает право на отдых и оздоровление [3].

Отдых и оздоровление детей являются первостепенным направлением социальной политики нашей страны. Один из разделов Указа Президента от 29 мая 2017 года № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» посвящен безопасности детского отдыха [4].

Вместе с тем в этой сфере остается много проблем: административные, финансовые, кадровые. К ним, в первую очередь, можно отнести ветшание материальной базы. Как следствие, на регионы ложится двойная нагрузка одновременно. С одной стороны, они должны поддерживать и развивать материальную базу, с другой – выделять средства на приобретение путевок. Регионы столкнулись с серьезными проблемами – недостаточность финансирования содержания детских загородных и санаторных организаций отдыха и оздоровления, а также снижение их количества.

В Ростовской области наблюдается динамика снижения детских загородных и санаторных лагерей, в 2016 году их количество составляло 38, а в 2022 году – 30 организаций.

На этот и другие ключевые вопросы должен ответить новый федеральный закон. Так, необходимо определить, какие задачи по организации отдыха и оздоровления детей будут полностью возложены на регионы, а какие будут закреплены в качестве федеральных обязательств. Новый федеральный закон может стать нормативным инструментом, который предоставит базовую возможность возврата к федеральному софинансированию.

Необходимо четко определить, что будет считаться оздоровительным отдыхом детей. Можно ли относить к нему лагеря с дневным пребыванием. По сути, это обычные площадки в школах с мероприятиями, которые трудно, в принципе, назвать оздоровительными. Это скорее механизм по поддержке занятости родителей в летний период времени, когда они еще не в отпуске, а дети уже на каникулах. По сути, это внеурочная деятельность детей, система дополнительного образования.

В 2021 году деятельность в России осуществляли 2050 загородных и санаторных организаций отдыха детей и их оздоровления, в 2019 году их было 2270, в 2018 году – 2318, а в 2017 году – 2353. Большая часть детей отдыхала на базе школ, а не в загородных оздоровительных лагерях (в 2022 году из 18,5 миллиона детей в загородных лагерях отдохнули около 5 миллионов детей).

Нужно определить условия, на которых в эту среду можно привлекать бизнес. Создать такой механизм, при котором на законодательном уровне будут обеспечены и интересы предпринимателей, готовых вкладывать средства, и интересы учреждений отдыха и оздоровления, в первую очередь безопасность и исключение дальнейшего перепрофилирования объектов.

Нерешенной проблемой является определение льготных категорий детей, имеющих право на отдых и оздоровление. Раньше это было полномочие федерального бюджета. При передаче полномочий на уровень субъекта сложилась ситуация, в которой перечень льготных категории разнится. Определение категорий зависит от финансовой возможности самого субъекта, а значит встает вопрос о социальном неравенстве отдельных категорий граждан на территории Российской Федерации. Чтобы избежать такого положения дел, категории должны быть определены законом на уровне федерации.

При этом актуальным остается вопрос недостаточности кадров в сфере отдыха и оздоровления детей.

Отсутствие системы подготовки профессиональных вожатых, которые выполняют воспитательную, образовательную, оздоровительную работу во время отдыха детей и постоянно находятся с ними, создает дефицит таких специалистов. Необходимо решать вопрос привлечения в данную сферу профессиональных специалистов – педагогов и медиков. На сегодняшний день им не засчитывается в профессиональный стаж время работы в «необразовательных» и «немедицинских» организациях.

Кроме того, остается неурегулированным вопрос об отдыхе, оздоровлении и реабилитации детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, а также не установлен порядок обеспечения преемственности в проведении субъектами системы профилактики индивидуальной воспитательной и профилактической работы с детьми, склонными к девиантному поведению, при их направлении в детские оздоровительные учреждения.

Таким образом, комплексное законодательное урегулирование указанных проблем позволит решить и кадровые вопросы в сфере отдыха и оздоровления детей.

Федеральным Собранием Российской Федерации принят ряд законов, направленных на совершенствование регулирования отношений в отрасли детского отдыха. Несмотря на это, необходимы дополнения и уточнения понятийного аппарата, например, таких понятий как «группа детей», «организованная группа детей», «неорганизованная группа детей», «несанкционированный отдых и (или) оздоровление детей», «оздоровительная смена», «несанкционированная организация отдыха и оздоровления детей» и др.

В настоящее время вопросы организации детского отдыха регулируются около 500 нормативными документами. Отсутствие единого законодательного акта существенно затрудняет работу всех участников организации процесса отдыха и оздоровления детей. Необходимо отметить, что в целях совершенствования законодательства Российской Федерации в сфере отдыха и оздоровления детей

планом мероприятий на 2015-2018 годы по реализации первого этапа Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденным распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 апреля 2015 года № 607-р, предусмотрена разработка проекта федерального закона «Об отдыхе и оздоровлении детей в Российской Федерации».

Полагаем, что профильный федеральный закон должен определить политику государства в отношении отдыха и оздоровления детей, а также законодательно закрепить обязанности, права и гарантии для всех участников: детей, родителей, работников детских оздоровительных учреждений и организаторов детского отдыха.

Представляется наилучшим вариантом установить в едином федеральном законе следующие цели и задачи:

- содействие физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию детей, воспитанию в них патриотизма и гражданственности, а также реализации личности ребенка в интересах общества и в соответствии с непротиворечащими Конституции Российской Федерации и законам Российской Федерации традициями народов Российской Федерации, достижениями российской и мировой культур;
- обеспечение безопасности детей во время их пребывания в организациях отдыха и оздоровления;
- защита детей от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие;
- создание оптимальных условий для эффективной работы, повышения финансовой устойчивости и обновления организаций отдыха детей и их оздоровления;
- создание благоприятных условий для инвестиций в развитие организаций отдыха детей и их оздоровления;
- создание современной системы подготовки и дополнительного профессионального образования кадров для работы в организациях отдыха детей и их оздоровления;
- увеличение числа детей, охваченных различными формами отдыха и оздоровления.

В связи с указанными обстоятельствами представляется целесообразным в целях защиты права детей на отдых и оздоровление принять единый специальный законодательный акт, регламентирующий деятельность всех участников в сфере отдыха и оздоровления детей и устанавливающий единые подходы к предоставлению услуг по организации отдыха и оздоровления детей на всей территории Российской Федерации.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации // URL:www.pravo.gov.ru
2. Конвенция о правах ребенка // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. 1993.
3. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ "Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации" // URL:www.pravo.gov.ru
4. Указ Президента РФ от 29.05.2017 № 240 "Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства"// Российская газета. № 115, 30.05.2017.

References

1. Constitution of the Russian Federation. www.pravo.gov.ru
2. Convention on the Rights of the Child. Collection of international treaties of the USSR. Iss. XLVI, 1993.
3. Federal Law of July 24, 1998 No. 124-FZ "On the Basic Guarantees of the Rights of the Child in the Russian Federation". www.pravo.gov.ru
4. Decree of the President of the Russian Federation of May 29, 2017 No. 240 "On the announcement of the Decade of Childhood in the Russian Federation". *Rossiyskaya Gazeta*. No. 115, 05.30.2017.

Информация об авторе

И. Г. Минакова – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

I.G. Minakova – Candidate of Law, Associate Professor

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 24.01.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 26.02.2024. The article was submitted 24.01.2024; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 26.02.2024

Научная статья
УДК 342.734

**Трудовая миграция в современной России:
проблемы и перспективы**

© Топилина А.В., Кузьменко О.В., 2024

Анна Васильевна Топилина[1], Оксана Викторовна Кузьменко[2]
[1 2] Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия
[1] spring6@yandex.ru
[2] oksana_09@yahoo.com

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению актуальной ситуации, сложившейся в области трудовой миграции, которая рассматривается как средство компенсации недостатка трудоспособного населения Российской Федерации. Трудовая миграция, с одной стороны, является решением демографических и экономических проблем, с другой же – нарушения в сфере трудовой миграции чреваты возникновением угроз национальной безопасности. Кроме того, потенциальную опасность представляет образование этнических анклавов, которую необходимо решать путем интеграции мигрантов и их семей в российское общество, а также предоставлением им возможностей реализации своих гуманитарных прав.

Ключевые слова: трудовая миграция, диаспора, анклав, незаконная миграция, демографический кризис, интеграция, ассимиляция

Для цитирования: Топилина А.В., Кузьменко О.В. Трудовая миграция в современной России: проблемы и перспективы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. №3 (166). С.45-50

Original article

**Labor migration in modern Russia:
problems and prospects**

Anna V. Topilina[1], Oksana V. Kuzmenko[2]
[1 2] Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia
[1] spring6@yandex.ru
[2] oksana_09@yahoo.com

Abstract. The article studies the current situation in the field of labor migration, which is considered as a means of compensating for the shortage of the able-bodied population of the Russian Federation. Labor migration, on the one hand, is a solution to demographic and economic problems, on the other hand, violations in the field of labor migration are fraught with threats to national security. In addition, the formation of ethnic enclaves poses a potential danger, which must be addressed by integrating migrants and their families into Russian society, as well as providing them with opportunities to exercise their humanitarian rights.

Keywords: labor migration, diaspora, enclave, illegal migration, demographic crisis, integration, assimilation

For citation: Topilina A.V., Kuzmenko O.V. Labor migration in modern Russia: problems and prospects. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.3 (166):45-50 (In Russ.)

Миграционные процессы сопровождали общество на всем протяжении его существования. В целом, понятие государства, национальной принадлежности и гражданства – довольно молодые, однако формирование указанных феноменов имело следствием формирование правовой базы для их регулирования.

Введение института гражданства в последние столетия было следствием необходимости формирования регулярной армии, взимания налогов и т.п., однако повлекло за собой многочисленные сложности, связанные с пересечением границы [3]. Более того, в России на протяжении последнего столетия постоянно наблюдались демографические провалы, которые привели к такому явлению, которое называется «русский демографический крест». Здоровый демографический половозрастной срез общества представляет собой пирамиду, однако в результате войн или стихийных бедствий может происходить деструкция пирамиды, в силу неоднородности воспроизводства населения в разные периоды из-за так называемых поколенных волн, воспроизводящихся несколько поколений.

Так, последнее столетие принесло России две мировые и гражданскую войны, которые сократили население страны на несколько десятков миллионов, которые, соответственно, не дав потомства, создали волну, исказив пирамидальную форму половозрастного среза. Наступившее в 1980-1990-х годах падение рождаемости в связи с социально-экономическими причинами привело к тому, что в 1992 году было зафиксировано превышение смертности над рождаемостью.

Кроме того, Россия вступила в период «демографического перехода», когда рождаемость и смертность быстро снижаются – сначала происходит переход к простому воспроизводству поколений, затем к сокращению населения [7]. Объяснений данному процессу множество, и нельзя сводить описываемое явление исключительно к социально-экономическим факторам. В последние десятилетия экономика России достигла уровня стабильного развития, однако рождаемость не выросла, несмотря на предпринимаемые Правительством Российской Федерации усилия и реализацию национальных проектов в области демографии и здравоохранения. Очевиден вывод о том, что падение рождаемости является системным процессом, который развивается независимо от социально-экономической составляющей.

В Российской Федерации суммарный коэффициент рождаемости составляет менее 2, это означает, что в каждом следующем поколении рождается все меньше детей [2]. Помимо межпоколенной убыли, ежегодно население Российской Федерации уменьшается: рождается на несколько десятков тысяч меньше детей на фоне стабильно высокой смертности, поскольку начинают умирать многочисленные поколения, рожденные после Великой Отечественной войны. Все это приводит к тому, что демографическая пирамида приобретает форму «ёлочки» с сужающимся основанием, что вступает в противоречие со «здоровой» тенденцией, иллюстрируемой образом геометрически правильной пирамиды.

Организация Объединенных наций ежегодно проводит обследование и делает демографические прогнозы для всех стран мира. При этом формируются три прогноза: высокий, средний и низкий, и в каждом из них как в настоящее время, так и в ближайшей перспективе Российская Федерация не сможет выйти на уровень, достаточный для простого воспроизводства численности населения [13].

Что влечет за собой снижение численности населения? Это снижение числа потенциальных военных, работников и людей, которые будут участвовать в воспроизводстве населения, уменьшение налогов, которые пополняют государственный бюджет, и обнажение территорий, которые требуют обработки и защиты.

Демографические проблемы, которые испытывает страна, являются фактором, обуславливающим возникновение многих иных проблем, среди которых проблема нехватки рабочих рук (экономическая проблема), очевидно, является главной. Так, для поддержания в Российской Федерации темпов экономического роста, существовавших до пандемии COVID-19, необходимо, чтобы каждая женщина рождала не менее пяти детей [9]. В контексте демографической революции середины прошлого века, прокатившейся по развитым странам мира, итогом которой явилась окончательная деконструкция в нашей стране патриархальной семьи, переход к новой семье, в которой количество детей составляет 1 – 2 человека, надеяться на такую динамику рождаемости не приходится. Поэтому привлечение иностранной рабочей силы в нашу экономику не имеет альтернативы. Некоторый ресурс решения данной проблемы составляют и наши соотечественники, проживающие за рубежом. Присоединение же новых территорий не следует рассматривать в качестве такого ресурса в силу того, что они сами испытывают аналогичные трудности, индустриальная экономика этих регионов требует привлечения большего количества рабочих рук.

Меры, предпринимаемые для решения этой проблемы Правительством Российской Федерации, многообразны: создание привлекательных условий для возвращения в страну IT специалистов, репатриация соотечественников, упрощенное получение гражданства для иностранных студентов, окончивших российские вузы с красным дипломом, упрощенные правила въезда и получения гражданства для граждан СНГ. Но, конечно, решение демографических проблем только с помощью мигрантов является, хотя и неизбежным, но не самым желательным путем, ведущим к стабильности и процветанию экономики. Общеизвестен тот факт, что страны Европы и Северной Америки, в свое время открывшие свои границы для мигрантов, столкнулись с рядом проблем интеграции иммигрантов в общество, что порождает социальную, а в некоторых случаях и политическую нестабильность.

Прежде всего, следует учитывать качественное отличие современных миграционных процессов от миграций первой половины прошлого века. Современный мигрант мотивирован не только экономическими перспективами, но и социокультурными факторами, учет которых способствует его успешной адаптации к новой социальной среде. Как правило, трудовой мигрант, намеренный в перспективе получить вид на жительство, предпочитает выезжать в те государства и регионы, где сложилась соответствующая этническая диаспора, некий культурный анклав, позволяющий нивелировать его пребывание в иной социокультурной среде. Социальная интеграция на основе признания социокультурного пространства страны въезда не соответствующим потребностям и интересам иммигранта порождает

деструктивные тенденции в обществе, вызывая социальную напряженность и, как показывают события нынешнего века, чревата значительными потрясениями.

Понимая, что привлечение иностранной рабочей силы не следует рассматривать в качестве единственно возможного способа решения проблемы, Российская Федерация предпринимает шаги по повышению уровня рождаемости, увеличению продолжительности жизни и увеличению численности работающего населения. В частности, был повышен пенсионный возраст, что позволило вовлечь в трудовую деятельность больший объем населения. В России, где приблизительно треть населения составляли пенсионеры, повышение пенсионного возраста позволило на время отодвинуть проблемы, связанные с нехваткой трудовых ресурсов [12].

Однако проблема эта остается насущной. По подсчетам Росстата, в доковидные годы на территории Российской Федерации ежегодно постоянно проживало около 5 миллионов мигрантов. В период ограничений, связанных с пресечением распространения коронавирусной инфекции, численность мигрантов временно упала, что также было связано с заморозкой некоторых отраслей экономики. Однако в 2023 году количество мигрантов, прибывших в Российскую Федерацию, стало рекордным за последние шесть лет, при этом большинство въехало с целью осуществления трудовой деятельности [4].

Таким образом, трудовая миграция является насущной необходимостью для Российской Федерации, в связи с чем возникает ряд вопросов, требующих законодательного регулирования. То есть, необходимо помнить, что привлечение иностранной рабочей силы имеет целью решение экономических проблем и не должно быть угрозой интересам национальной безопасности. Поэтому такое большое значение имеет государственная миграционная политика в этой сфере, реализуемая в контексте эффективного законодательства.

Вопросы законодательного обеспечения трудовой миграции, в первую очередь, касаются порядка въезда на территорию РФ, где необходимость в трудовых ресурсах сталкивается с необходимостью обеспечения национальной безопасности. Мигранты, желающие пересечь границу Российской Федерации с целью осуществления трудовой деятельности, обычно имеют контракт, содержащий приглашение на определенный этим контрактом срок. Это означает, что иностранный гражданин собирается пребывать на территории России в течение времени, достаточного для того, чтобы быть вовлеченным в криминализированные или террористические группы. Не исключены случаи, когда под видом трудовых мигрантов на территорию России прибывали боевики запрещенных в России организаций. Поэтому порядок въезда контролируется Федеральной службой безопасности.

Кроме того, мигрант может быть носителем инфекционных заболеваний. В связи с этим Министерство здравоохранения разработало ряд процедур и проверок, которые необходимо пройти лицам, желающим осуществлять трудовую деятельность на территории РФ.

Министерство внутренних дел и ГУВМ МВД России, находящееся в его составе, контролируют правильность оформления документов и законность въезда иностранных граждан в РФ. Все правовые основы въезда и нахождения на территории России трудовых мигрантов закреплены в нормативно-правовых актах, упрощая порядок оформления и контроля [5].

Нахождение иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность, на территории Российской Федерации – это не просто решение проблемы с трудовыми резервами, но и явление, рождающее комплекс сопутствующих проблем.

Так, законодательством определено, что трудовой мигрант может въехать на территорию России с членами своей семьи, что соответствует гуманитарному праву и позволяет реализовать права человека. Однако одно право человека влечет за собой другие права: необходимость обеспечить достойный уровень жизни, социального обеспечения и культурного участия. При этом муниципальные органы власти часто сталкиваются с ситуацией, когда члены семьи мигранта не владеют русским языком и азами российской правовой культуры, поскольку, в отличие от мигранта, который для получения разрешения на трудовую деятельность должен сдать экзамены на знание русского языка, истории и основ права, члены его семьи таких экзаменов не сдают.

Кроме того, мигранты предпочитают селиться локально, поддерживая соотечественников. Широко известен тот факт, что наиболее привлекательными для трудовой миграции являются Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленобласть – в силу более высокой оплаты труда, а также Краснодарский край – из-за больших возможностей заниматься сельским хозяйством и строительством в курортных зонах, то есть исходя из значительного числа рабочих мест. Эти регионы перенаселены мигрантами, при этом как сами мигранты, так и члены их семей продолжают оставаться носителями собственной культуры и языка, демонстрируя низкие способности к интеграции, что способствует анклавизации некоторых регионов.

Этнический анклав – это локально проживающая этнически однородная общность мигрантов, которые образуют замкнутые социальные институты, занимают определенную экономическую нишу, не интегрируются в принимающее общество и зачастую образуют криминальные сообщества для контроля за своими экономическими нишами [10].

Анклавы могут возникать как внутри больших городов (Чайнатауны), так и в деревнях, составляя этнически значительную группу населения на ограниченной территории. Опасность анклавизации состоит в том, что анклав решает все социально-бытовые вопросы, возникающие у мигрантов, позволяя им миновать органы местного самоуправления, а следовательно, избежать контроля и надзора. Кроме того, внутри анклава вырастают возможности для нелегальной миграции. И самое неприятное с социокультурной точки зрения последствие – это нежелание мигрантов и членов их семей, проживающих в анклаве, интегрироваться и ассимилироваться.

Итак, проблема густонаселенных мигрантами регионов состоит в опасности их анклавизации, что является также одним из направлений для контроля и надзора со стороны МВД. Помимо анализа числа преступлений, совершаемых мигрантами, контрольная функция включает в себя деятельность по распределению мигрантов по территории Российской Федерации. Однако, несмотря на усилия правоохранителей и законодательные ограничения на передвижения трудовых мигрантов, даже в пределах больших городов достаточно нескольких сотен мигрантов, живущих локально, чтобы потенциально образовать анклав. При этом усилия законодателей не могут простираться дальше их полномочий, и органы власти РФ не могут запретить этнически однородной группе мигрантов селиться рядом. Поэтому весь спектр возможностей по предотвращению анклавизации подразумевает, помимо деятельности по оформлению и предоставлению им социокультурных благ, взаимодействие с представителями этнических диаспор.

Возможность для мигрантов решить социально-бытовые вопросы официальным формализованным путем будет способствовать контролю и надзору за их жизнью и деятельностью. Но необходимо предоставить им эту возможность. При этом важно сохранить баланс, при котором интересы и потребности трудовых мигрантов не будут вступать в противоречие с интересами и потребностями коренного населения. Контроль над миграционной ситуацией в регионе, уровнем анклавизации, социальной и криминогенной ситуацией является частью работы как участковых уполномоченных полиции, так и других представителей исполнительной власти.

Таким образом, соблюдение баланса между потребностями в компенсации трудовых ресурсов и потребностями в поддержании социокультурной стабильности является важной задачей представителей законодательной и исполнительной власти. Интеграция мигрантов, прибывающих в Российскую Федерацию даже на короткий срок, является одной из особенностей вовлечения их в жизнь общества.

Большой проблемой, связанной с трудовыми мигрантами, является незаконная трудовая деятельность на территории Российской Федерации. Очевидно, что как для работодателей, так и для трудовых мигрантов работа без контракта сулит большие выгоды в части неуплаты налогов и сокрытия доходов. Кроме того, пребывание на территории России без трудового контракта и других разрешительных документов закрывает мигранту доступ к социальным благам – услугам здравоохранения, образования и т.п. Таким образом, снова складывается благоприятная ситуация для анклавизации нелегальных мигрантов, которые смогут удовлетворять свои потребности силами анклава.

Именно в интересах защиты трудовых мигрантов и реализации их гуманитарных прав работает законодательство, регулирующее пребывание мигрантов на территории Российской Федерации.

Кроме того, должны быть защищены трудовые права мигрантов. При оформлении разрешительных документов для въезда на территорию Российской Федерации с целью осуществления трудовой деятельности работодатель обязуется обеспечить приглашенным им мигрантам необходимый уровень заработной платы и условия проживания и труда. С одной стороны, заработная плата трудовых мигрантов в России оказывается намного выше, чем в странах их происхождения, с другой же – уровень жизни в разных регионах России отличается. Поддержание минимального необходимого уровня жизни, а также необходимость отправки денег на родину толкают мигрантов на осуществление незаконной экономической деятельности, что, в свою очередь, снова чревато уходом от уплаты налогов и скрытием доходов. В редких случаях работодатель оказывается готов предложить приглашенным им трудовым мигрантам необходимый уровень социальной защиты и доходов, что ставит трудового мигранта перед дилеммой о выборе между легальными и нелегальными способами заработка.

Оформление разрешительных документов, патента и т.п. тоже могут стать экономически тяжелой ношей для мигранта. В таком случае перед правотворческими органами возникает вопрос о соотношении необходимого и разумного. С одной стороны, привлечение трудовых мигрантов на сегодняшний день – это единственный способ компенсировать недостаток трудоспособного населения России, с другой же – трудовая миграция, как уже указывалось, несет в себе множество проблем как для мигрантов, которым оказывается невыгодно работать легально, так и для коренного населения регионов, в которые мигранты прибывают в значительных количествах и образуют анклавы.

По данным на 2019 допандемийный год Москва была признана европейским городом с самой большой долей мусульманского населения – полтора миллиона, по приблизительным оценкам [1]. Чем это чревато? Во-первых, усложнением надзора и контроля над таким огромным количеством мигрантов. В Москве очередь в паспортно-визовые службы формируется ночью и длится часами – не из-за

медленной работы, а из-за огромного наплыва мигрантов, которым необходимо продлить разрешение на работу или оформить иные документы. Очевидно, что миграционный контроль при таком наплыве оказывается затруднен. Во-вторых, невозможность своевременного учета всех мигрантов, а также нахождение на территории России незаконных мигрантов ухудшает эпидемиологическую ситуацию из-за ограничения доступа к медицинским услугам. И наконец, криминализация общества является самой явной угрозой национальной безопасности, а криминализация неизбежна при отсутствии должного учета и контроля.

Возможным выходом могло бы стать расселение мигрантов по регионам, которые испытывают меньшую нагрузку в миграционной сфере, однако мигранты, так же, как и россияне, не готовы осуществлять трудовую деятельность в регионах, которые не являются экономически привлекательными или перспективными. Нужно также учитывать специализацию труда мигрантов. Как правило, участниками процессов трудовой миграции становятся те представители иностранных государств, которые не смоги занять достойную профессиональную нишу в своей стране. Трудовые мигранты занимают такие экономические ниши, которые не требуют ни образования, ни специальных навыков, а временами и знания языка. К примеру, это может быть уборка территории, строительные и восстановительные работы, торговля и т.д. Указанным видам работ можно легко и быстро обучиться и зарабатывать достаточно для реализации целей миграции. Россияне же, как правило, не согласны занимать трудовые ниши с относительно небольшим заработком, особенно в больших городах. Несомненно, есть небольшой процент трудовых мигрантов, которых называют «экспатами». Это представители профессий, которые принято называть «беловоротничковыми», – программисты, менеджеры высшего звена и т.п. Эта категория мигрантов, как правило, стремясь защитить свои трудовые и гуманитарные права, четко следует всей законодательно закрепленной процедуре. В свое время, при царе Алексее Михайловиче, внешняя трудовая миграция начинали развиваться именно таким образом – через приглашение в Россию иностранных специалистов – от архитекторов до плотников, которые селились компактно, в Немецкой слободе, и, собственно, этот анклав уже во втором поколении настолько повлиял на молодого царя Петра Алексеевича, что стал одной из предпосылок будущих реформ.

Сегодня, исходя из опыта, размещать иностранцев вместе государство уже не пытается, но и не может воспрепятствовать этому в пределах одного города или региона. И действительно, важно разделять трудовых мигрантов на тех, кто прибыл в Россию на короткое время, ограниченное трудовым контрактом, и на тех, кто планирует в будущем натурализоваться.

Трудовые мигранты, которые вступают в гражданство Российской Федерации, представляют особую ценность, поскольку являются компенсаторным механизмом, позволяющим поддерживать численность населения России. По подсчетам ООН, при самом оптимистичном прогнозе Россия должна будет ежегодно принимать в гражданство до миллиона иностранцев, чтобы поддерживать численность [13].

Таким образом, трудовая миграция является неотъемлемой частью современного общества. Особенности трудовой миграции связаны с ее маршрутами и нишами, которые занимают иностранные граждане, осуществляющие трудовую деятельность на территории Российской Федерации, Жизнь, здоровье, трудовые и гуманитарные права трудовых мигрантов и их семей защищаются рядом международных и национальных документов и нормативно-правовых актов. При этом государство осуществляет необходимый контроль и надзор как над реализацией прав трудовых мигрантов, так и тем, чтобы их деятельность на нарушала права граждан России и не ущемляла интересы Российской Федерации.

Список источников

1. Никонов В. Москва – город с самым большим мусульманским населением в Европе // URL: https://russkiymir.ru/fund/press/175182/
2. Захаров С.В. История рождаемости в России: от поколения к поколе-нию // Демографическое обозрение. 2023. Т. 10. № 1. С. 4-43.
3. Кокорхоева Д.С., Гандалоев Р.Б., Албаков А.Ш. Формирование института гражданства // Социально-гуманитарное обозрение. 2021. № 2. С. 34-42.
4. Количество мигрантов в России: статистика на 2023 год. // URL: https://viascio.ru/
5. Куницын С.А. Надзор за исполнением законодательства в сфере трудовой миграции иностранных граждан // Законность. 2019. № 2 (1012). С. 10-12.
6. Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М., 2001.
7. Мозиас П.М., Мазерская Э.А. Особенности демографического перехода в России и Китае // Россия и современный мир. 2023. № 3 (120). С. 7-20.
8. Небратенко Г.Г. «Великий Туран» как государственно-правовая док-трина неопантюркизма // Юридическая орбита. 2021. № 1. С. 173-178.
9. Сколько женщинам нужно рожать детей, чтобы население России увеличилось // URL: https://russian7.ru/post/skolko-zhenshhinam-nuzhno-rozhat-detey-ch/

10. Топилина А.В. Роль диаспоризации и анклавизации в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации // Юристъ-Правоведъ. 2021. № 3 (98). С. 95-100.
11. Число получивших гражданство РФ снизилось в 2022 году впервые за три года // URL: https://www.rbc.ru/society/31/01/2023/63d8ed0b9a7947715f002efa
12. Шипицына С.Е. Оценка экономического потенциала для повышения пенсионного возраста в российских регионах // Региональная экономика: теория и практика. 2020. Т. 18. № 10 (481). С. 1820-1838.
13. Щербакова Е., Козлов В. Население России по прогнозам ООН. Демоскоп weekly 20 февраля – 5 марта 2017 // URL:https://www.demoscope.ru/weekly/2017/0717/demoscope717.pdf

References

1. Nikonov V. Moscow is the city with the largest Muslim population in Europe. https://russkiymir.ru/fund/press/175182/ (In Russ)
2. Zakharov S.V. The history of fertility in Russia: from generation to generation. *Demographic review.* 2023. Vol. 10. No. 1: 4-43. (In Russ)
3. Kokorkhoeva D.S., Gandaloev R.B., Albakov A.S. Formation of the Institute of citizenship. *Socio-humanitarian review*. 2021. No. 2: 34-42. (In Russ)
4. The number of migrants in Russia: statistics for 2023. https://viascio.ru (In Russ)
5. Kunitsyn S.A. Supervision of the implementation of legislation in the field of labor migration of foreign citizens. *Legality*. 2019. No. 2 (1012): 10-12. (In Russ)
6. Levin Z.I. The mentality of the Diaspora (systemic and socio-cultural analysis). M., 2001. (In Russ)
7. Mozias P.M., Mazerskaya E.A. Features of the demographic transition in Russia and China. *Russia and the modern world*. 2023. No. 3 (120): 7-20. (In Russ)
8. Nebratenko G.G. "Great Turan" as a state-legal doctrine of neo-Adventurism. *Legal orbit*. 2021. No. 1: 173-178. (In Russ)
9. How many women need to give birth to children in order for the population of Russia to increase. https://russian7.ru/post/skolko-zhenshhinam-nuzhno-rozhat-detey-ch/ (In Russ)
10. Topilina A.V. The role of diasporization and enclavization in ensuring the national security of the Russian Federation. *Jurist-Pravoved.* 2021. No. 3 (98):95-100. (In Russ)
11. The number of people who received Russian citizenship decreased in 2022 for the first time in three years. https://www.rbc.ru/society/31/01/2023/63d8ed0b9a7947715f002efa (In Russ)
12. Shipitsyna S.E. Assessment of the economic potential for raising the retirement age in Russian regions. *Regional economics: theory and practice.* 2020. Vol. 18. No. 10 (481): 1820-1838. (In Russ)
13. Shcherbakova E., Kozlov V. Population of Russia according to UN forecasts. Demoscope weekly February 20 – March 5, 2017. https://www.demoscope.ru/weekly/2017/0717/demoscope717.pdf (In Russ)

Информация об авторах

А.В. Топилина – кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории государства и права
О.В. Кузьменко – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права

Information about the authors

A.V. Topilina – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
O.V. Kuzmenko – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.01.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 26.02.2024. The article was submitted 18.01.2024; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 26.02.2024

Частно-правовые (цивилистические) науки

Научная статья
УДК 347.626

Проблемы правового регулирования режима супружеского имущества в России и КНР: сравнительно-правовой анализ

© Мосиенко Т.А., Тугуз М.А., 2024

Татьяна Александровна Мосиенко [1], Майя Андреевна Тугуз [2]
[1, 2] Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия. kafedra37@bk.ru

Аннотация. В рамках данного исследования авторами проведен анализ положений российского и китайского семейного законодательства, положений доктрины права, мнений отечественных и зарубежных цивилистов по проблемным вопросам правоприменительной практики, толкования положений действующего на территории Российской Федерации и Китайской Народной Республики семейного права.

Научное исследование авторы сопровождают данными статистического характера, указывающими на актуальность вопроса о совершенствовании российского семейного права в части регламентации имущественных отношений супругов, а также аргументированными предложениями по внесению изменений в действующее семейное право России.

Ключевые слова: супруги, совместно нажитое имущество, законный режим супружеского имущества, договорной режим супружеского имущества, брачный договор, зарубежный опыт, законодательные пробелы, совершенствование законодательства

Для цитирования: Мосиенко Т.А., Тугуз М.А.Проблемы правового регулирования режима супружеского имущества в России и КНР: сравнительно-правовой анализ // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 3 (166). С.51-58

Original article

Problems of legal regulation of the marital property regime in Russia and the People's Republic of China*:* comparative legal analysis

© Mosienko T.A., Tuguz M.A., 2024

Tatyana A. Mosienko [1], Maya A. Tuguz [2]
[1, 2] Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia. kafedra37@bk.ru

Abstract: As part of this study, the authors analyze the provisions of Russian and Chinese family legislation, the provisions of the doctrine of law, the opinions of domestic and foreign civil experts on problematic issues of law enforcement practice, and the interpretation of the provisions of family law in force in the Russian Federation and the People's Republic of China.

The authors accompany research with statistical data indicating the relevance of the issue of improving Russian family law in terms of regulating property relations between spouses, as well as reasoned proposals for amending the current family law of Russia.

Keywords: spouses, jointly acquired property, legal regime of matrimonial property, contractual regime of matrimonial property, marriage contract, foreign experience, legislative gaps, improvement of legislation

For citation: Mosienko T.A., Tuguz M.A. Problems of legal regulation of the marital property regime in Russia and the People's Republic of China: comparative legal analysis. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.3 (166):51-58 (In Russ.)

Тема имущественной составляющей супружеской жизни является одной из наиболее интересующих представителей не только российского, но и зарубежного общества и, соответственно этому, отечественного и иностранного законодателей. В связи с данным обстоятельством особого внимания, по нашему мнению, заслуживает не только обсуждение проблем российского семейного права в части регламентации имущественных отношений супругов, но и частноправовых норм, регулирующих семейные отношения, действующих на территории Китайской Народной Республики.

Актуальность выбранной нами темы мы обосновываем рядом причин, в числе которых активное выстраивание дружественных отношений между Российской Федерацией и Китаем, особенно заметное в последние годы. Необходимо отметить и схожесть некоторых принципов создания семьи и воспитания детей, характерных для России и КНР [15, с. 107-113].

На актуальность проводимого нами исследования оказывают влияние также данные статистики, согласно которым в период 2022 – 2023 гг. прослеживается неуклонный рост числа расторгаемых в Российской Федерации браков. Так, по данным на 2022 г. число разводов от общего количества зарегистрированных браков равно 65% [21]; в первом полугодии 2023 г. количество разводов увеличилось до 73% [24].

В свою очередь, бракоразводный процесс зачастую оказывается отягощен необходимостью раздела супружеского имущества, осложненного разночтениями в интерпретации гражданами РФ и российским правоприменителем норм действующего законодательства.

Так, в 2016 г. Арбитражным судом Новгородской области было рассмотрено дело о разделе совместной собственности супругов, представленной долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью [4]. Истица в обосновании своих требований о признании сделки, совершенной ее супругом и направленной на увеличение уставного капитала ООО, недействительной, указывала на недобросовестность действий последнего. По мнению супруги, данная сделка являлась притворной, направленной на уменьшение ее доли в совместном имуществе супругов.

Данный спор не был завершен в ходе рассмотрения дела в судах первой и апелляционной инстанций, таким образом, перейдя в юрисдикцию Верховного Суда РФ, который отказал истцу в удовлетворении исковых требований [5] и дал разъяснение относительно сущности недобросовестных действий супруга при разделе совместно нажитого имущества [3].

Конечно, нельзя отрицать и тот факт, что раздел совместной собственности супругов вызывает сложности и в случаях, не связанных с предпринимательством.

Обращает на себя внимание, по нашему мнению, слабая изученность соотношения российского и китайского права компаративистами [13, с. 147-157] и особенно поверхностный подход к изучению сходств и различий права РФ и КНР ряда авторов, предпочитающих зачастую, как мы полагаем, дублировать положения, высказываемые друг другом относительно правового регулирования брачно-семейных отношений в странах Запада и ближнего зарубежья.

На необходимость анализа китайского семейного законодательства указывает и фактор роста числа зарегистрированных между российскими и иностранными гражданами (в том числе гражданами Китая) браков [20]; отмечаемая источниками направленность действующей государственной семейной политики на заключение брачных союзов между российскими и китайскими гражданами, осуществляемой путем нормативного признания права граждан РФ на вступление в браки, осложненные иностранным элементом, закрепленное в ст. 156 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) [1]; самостоятельное стремление граждан РФ к установлению подобных отношений [23, 25].

Анализируя проблемы правового регулирования отношений супругов по поводу материальных благ в российском законодательстве путем изучения ряда научных трудов, нами были выделены следующие вызывающие беспокойство авторов аспекты регламентации режима супружеского имущества.

Акцентируя внимание на установлении законного режима имущества супругов, А.М. Рабец и М.К. Бакаева [17, с. 123] указывают на существующие, по их мнению, сложности включения материальных благ, приобретенных супругами в период раздельного проживания, в общесемейную собственность. Авторы отмечают: «Автоматическое обобществление получаемого в такие периоды заработка и приобретенного имущества уже едва ли не большинство граждан расценивает как несправедливость», при этом, не приводя данных социальных опросов, прямо указывающих на данное общественное мнение. Выделяя данную проблему в качестве дискуссионной, тем не менее, не осуществляют никаких предложений по усовершенствованию действующего семейного права РФ в данном направлении, указывая лишь на то, что существующая на сегодняшний день позиция российского законодателя является верной.

Мы же полагаем, что положения п. 4 ст. 38 в совокупности с содержанием ст. 34, ст. 36 СК РФ исчерпывающим образом регламентируют процесс определения семейного имущества, приобретенного каждым из супругов в период раздельного проживания, как в качестве общего, так и личного.

Проблема, рассматриваемая указанными авторами, находит свое отражение не только в вопросах установления режима общего и личного имущества супругов, приобретенного ими в период раздельного проживания, но и проблему определения супружеского имущества как совместно нажитого в принципе.

Заметим здесь, что китайская правовая доктрина так же, как и российская, полна споров относительно «обобществления» супружеского имущества. Так, одни ученые заявляют о том, что главным аргументом к приданию супружескому имуществу статуса общего является «трудовое участие» в образовании такого имущества. Данная точка зрения подвергается критике как со стороны китайских ученых, так и со стороны действующего в КНР семейного законодательства [7], согласно которому супруг имеет право на долю в общесемейном имуществе даже в том случае, если им не был осуществлен материальный вклад в его образование или приращение. Данное положение законодательства КНР схоже с положениями п. 3 ст. 34 СК РФ.

Рассмотренные нами положения китайского семейного права в очередной раз подтверждают наличие очевидных сходств между законодательством РФ и КНР, а значит и возможность заимствования отечественным правом отдельных положений зарубежного семейного законодательства.

Заметим, что исходя из содержания изученных нами источников, наиболее активная дискуссия развивается в рамках обсуждения договорного режима имущества супругов.

На возникновение споров в научной среде в данном случае оказывает влияние общественное мнение, согласно которому: 37% россиян считают заключение брачного договора необходимым; 40% наших сограждан полагают, что заключение семейного контракта является характерным для наиболее ответственно подходящих к вопросу создания семьи лиц [26].

Изучая особенности договорного режима имущества супругов, авторы обращают внимание на исчисление сроков исковой давности при разделе супружеского имущества в случае расторжения брака. По их мнению, трехлетний срок исковой давности по требованию о разделе совместно нажитого имущества, указанный в п. 7 ст. 38 СК РФ, должен быть продлен до 5 лет; исчисление его должно начинаться не с момента расторжения брака, а с момента осуществления супругами раздельного проживания с целью предупреждения нанесения супружескому имуществу ущерба либо уничтожения соответствующих материальных благ.

Полагаем, что данная позиция ученых не является верной, так как согласно ей имущество супругов подлежит разделу не только в том случае, когда последние имеют намерение к расторжению брака и в силу этого прекращают совместное ведение домашнего хозяйства, но и в том случае, когда раздельное проживание обусловлено иными причинами, например работой супругов.

В данном случае мы должны заметить, что российское семейное законодательство, с одной стороны, является более лояльным, чем исследуемое нами право КНР, согласно которому срок исковой давности по обсуждаемой нами категории дел равен 2 годам, с другой же, как указывает в своем исследовании со ссылкой на нормативно-правовые источники и материалы судебной практики Ху Найсинь [18, с. 156], максимальный срок исковой давности в отношении требований о разделе совместно нажитого имущества не может превышать 20 лет с момента возникновения обязательства [9].

Обратим внимание также на следующую особенность китайского семейного законодательства. В отличие от российского семейного права, в п. 1 ст. 43 СК РФ, предоставляющего супругам лишь возможность заключения и изменения положений брачного договора в любой момент на всем протяжении существования брака, китайское законодательство наделяет супругов правом изменения содержания соглашения о разделе имущества в течение 1 года после расторжения брака, факт которого является началом течения указанного периода времени [10].

Вопрос о наделении супругов возможностью изменять содержание брачного договора после расторжения брака является дискуссионным в китайской доктрине, однако, как отмечает Ху Найсинь, учеными востребовано мнение о том, что таким образом китайский законодатель способствует устранению возможных нарушений права собственности супругов на неразделенное предварительно имущество.

По нашему мнению, данное положение китайского законодательства не может быть воспринято национальным семейным правом, так как следствием внедрения соответствующей нормы в право РФ могло бы стать нарушение прав кредиторов одного или обоих супругов в случае наличия у последних долговых обязательств, а также прав того супруга, в собственности которого после расторжения брака длительное время находились материальные блага, стремление к изъятию которых может проявить бывший супруг.

Обратим внимание на те позиции российских цивилистов, возникновение которых, по нашему мнению, является необоснованным. Так, Н.В Багрова [11], анализируя проблемы договорного режима супружеского имущества, предпринимает попытку к одновременному разграничению и совмещению различных договорных конструкций, в частности, брачного договора, соглашения о взаимном содержании супругов и алиментного соглашения.

По нашему мнению, СК РФ достаточно подробно регламентирует вопросы обязательственных отношений супругов в ст. 42, ст. 89 названного нормативно-правового акта.

Обсуждения регулирования имущественных отношений супругов в данном контексте, по нашему мнению, заслуживает лишь отсутствие четкого определения сущности соглашения о взаимном содержании.

На основании не только лишь работы Н.В. Багровой, но и мнений ряда китайских цивилистов, нами замечено, что авторами осуществляется смешение смыслов алиментных обязательств и обязательств по взаимному содержанию друг друга супругами. Анализируя содержание различных источников, мы приходим к выводу о том, что сущность участия супругов в содержании друг друга может быть сведена к указанию ими в брачном договоре условий, при которых супруги будут осуществлять взаимную или одностороннюю материальную поддержку, причем, к числу таких случаев могут быть отнесены как те, которые предусматриваются положениями гл. 14 СК РФ, так и иные условия.

Интересно совпадение взглядов российских ученых и китайского законодателя относительно состава супружеского имущества. Так, Е.А. Чефранова полагает, что понятие имущества является собирательным и включает в себя не только права владения, пользования и распоряжения материальными благами, но и обязательства супругов. К данным видам имущества автор предлагает применять термины «активов» и «пассивов» [19, с. 168].

Пока российскими учеными вносятся предложения по внедрению в отечественное семейное право указанных категорий, китайский законодатель в «Общей части гражданского права КНР» [8] ввел данные понятия в семейное и гражданское право. Данная мера, как представляется, направлена на упорядочение и детализацию законодательства о правовом регулировании имущественных отношений супругов, позволяющего осуществить более подробное распределение их прав и обязанностей при закреплении таковых в брачном договоре.

По нашему мнению, данное правовое положение может быть успешно воспринято российским семейным правом, устранив тем самым неоднозначность толкования термина «имущество» в отечественной правовой доктрине, а также снижая нагрузку, связанную со сложностью определения личных и общих обязательств супругов, на судебные органы власти.

В контексте анализа положений доктрины права относительно регулирования имущественных отношений супругов, и учитывая, что обязательства некоторыми из исследователей предлагается включать в состав такого имущества, обратим внимание и на мнения авторов о разграничении личных и общих обязательств супругов.

Так, апеллируя к содержанию ст. 45 СК РФ, авторы предпринимают попытки к разграничению названных обязательств, несмотря на то, что согласно содержанию Семейного кодекса РФ, а также Обзора судебной практики ВС РФ от 2016 г. [6] общими обязательства являются лишь в том случае, если принятие их субъектом служило интересам семьи.

Содержание изученных нами научных трудов позволяет сделать вывод о схожести предлагаемых авторами определений личных и общих обязательств супругов не только между собой, но и по отношению к действующим нормам СК РФ.

Анализируя положения действующего российского семейного права, а также изучаемого нами в рамках данного исследования права КНР, мы вынуждены заключить, что на сегодняшний день семейное право РФ и право КНР сталкиваются с проблемой невозможности однозначного определения обязательств супругов в качестве общих или личных. Однако китайскими исследователями произведена аргументация схожих позиций семейного права РФ и КНР. Так, согласно позиции Ван Гуани и Лин Чэнцзэ [18, с. 124], презумпция согласия супруга отражает доверительный характер брачных отношений. По мнению автора, нецелосообразно требовать от супругов подтверждения согласия друг друга при совершении любой, в том числе некрупной, сделки.

В связи с изложенным, нам представляется верной существующая на настоящий момент позиция российского законодателя, выраженная в п. 2-3 ст. 35 СК РФ.

Обратим внимание на научную дискуссию, основанную на отсутствии в российском семейном праве определения интересов семьи, и те положения проанализированных нами результатов авторских исследований, согласно которым не существует единообразной дефиниции семейных интересов также на уровне правовой доктрины. Отметим, что дефиниция интересов семьи находится в тесной взаимосвязи с понятием достойного образа жизни.

Интересно определение «достойной жизни», предлагаемое Е.В. Баклановой [12], согласно которому высокое качество образа жизни конкретного субъекта может и должно быть оценено с двух позиций, а именно – исходя из положительного общественного восприятия личности, как ведущей «заслуживающий уважения» образ жизни, а также в зависимости от мнения лица о присущем ему образе жизни как о достойном, удовлетворяющем все его потребности, как материального, так и духовного характера.

Не могут остаться незамеченными нами сведения о различных методах оценки достойного образа жизни. Обобщая изученные нами данные, отметим, что к числу черт, характерных для «достойной жизни», в большинстве случае относят: наличие у лица материальных благ, достаточных для удовлетворениям его потребностей в приращении имущества, духовного саморазвития, образования, своевременного получения необходимых медицинских услуг, обеспечения качественного, по мнению данного лица, отдыха и являющееся следствием указанных факторов оптимистичное отношение индивида к жизни.

Принимая во внимание существующие определения достойного образа жизни и учитывая направленность проводимого нами исследования, возвращаясь к дискуссии об определении интересов семьи, существующей в российской доктрине права, предлагаем определять действия супруга, направленные на реализацию интересов семьи, в качестве поведения, преследующего цель удовлетворения как материальных (образования имущества, изначально оцениваемого лицом в качестве общей собственности супругов; приращения такого имущества; обеспечения материальных интересов

детей; обеспечения предоставления членам семьи супруга, принявшего на себя долговое обязательство, необходимого медицинского обслуживания), так и духовных потребностей (предоставления образовательных услуг, возможности посещения культурных мероприятий и т.п.)

Обратим внимание на позицию О. Подгорновой [16], основанной на материалах судебной практики, согласно которым долговые обязательства супругов признаются общими и в том случае, когда расходы были произведены в интересах и на нужды одного из супругов в разумных целях. Что представляют собой «разумные цели», автор, впрочем, не указывает.

По нашему мнению, а также исходя из данного нами ранее определения интересов семьи, понятие разумных пределов удовлетворения потребностей одного из супругов является оценочным, его невозможно ограничить законодательным контуром относительно суммы материальных благ, направляемых на реализацию интересов супруга, стоимость такого имущества также не может быть определена конкретными рамками. В каждом индивидуальном случае судам необходимо ориентироваться на материальное благосостояние семьи, супруга, принявшего на себя долговое обязательство, и значимость приобретения одним из супругов фигурирующего в рассматриваемом споре имущества или иного блага.

До настоящего момента нами преимущественно осуществлялся анализ сходств норм семейного права России и КНР, а также позиций российских и китайских ученых по вопросам регулирования имущественных (а в некоторых случаях и обязательственных) отношений супругов, которые также корреспондируют между собой. Но полнота исследования не может быть обеспечена перечислением лишь схожих черт правовых норм без обсуждения их различий и реализации предложений по инкорпорации положений зарубежного законодательства в право РФ.

Отличительной особенностью семейного права КНР является включение его в гражданское законодательство в качестве подотрасли. Так, положения, регламентирующие личные и имущественные отношения супругов, включены в текст Гражданского Кодекса Китайской Народной Республики и отдельная часть этих отношений урегулирована Законом КНР «О браке» [14, с. 31]. Данное явление объясняется видимой китайским законодателем невозможностью отграничения имущественных отношений супругов от прочих видов гражданских отношений, кроме как по субъектному составу.

Гражданское и семейное законодательство КНР, в отличие от российского права, содержит указание на различные виды соглашений, которые могут быть заключены супругами, самым интересным из которых, по нашему мнению, является соглашение о предоставлении жилого помещения или другой материальной помощи бывшему супругу, находящемуся в тяжелом материальном положении, в случае расторжения брака (ст. 42 закона КНР «О вещном праве» [7]).

Напомним, что СК РФ содержит положения о взаимном содержании супругов в случае расторжения брака, но соответствующие нормы права закреплены в гл. 14, гл. 16 СК РФ, т.е. отнесены к категории алиментных обязательств. В дополнение к этому, ранее нами был сделан акцент на возможности урегулирования вопроса взаимного содержания супругов в рамках брачного договора. Приведенные нами положения китайского законодательства, тем не менее, не могут рассматриваться как подобные, аналогичные или частично дублирующие российское законодательство. В данном случае китайское частное право более подробно регламентирует имущественные отношения супругов, указывая на дополнительные возможности их упорядочения.

Интерес представляет регулирование перехода долей в капитале общества с ограниченной ответственностью или товарищества в праве КНР.

Как справедливо замечают указанные нами ранее авторы, приобретение доли в уставе юридического лица сопряжено с осуществлением правомочий его участника. Переход доли лицу, не способному к грамотному рациональному осуществлению таких правомочий, может оказать негативное влияние на деятельность юридического лица. В силу данного обстоятельства китайское гражданское право предусматривает ряд ограничений при разделе указанного нами супружеского имущества.

Согласно тексту ст. 16 Разъяснения II [10] суды при разделе имущества супругов должны руководствоваться следующими правилами:

1) в случае если доля в капитале передается супругу, не являвшемуся ранее членом ООО, участниками данного юридического лица должно быть выражено согласие на передачу названного имущества;

2) супруг, претендующий на приобретение доли в капитале ООО, не может приобрети статус участника общества в случае, если прочими участниками последнего выражена воля на выкуп такой доли;

3) для перехода доли в капитале ООО супругу при расторжении брака необходимо одновременное соблюдение двух условий: отказа участников общества от принятия лица в члены ООО, а также отказа прочих членов от выкупа доли в капитале ООО.

Ст. 17 Разъяснения II содержит следующие данные о переходе доли в капитале простого товарищества:

1) супруг, ранее не являющийся членом товарищества, может быть принят в него по соглашению всех членов этого товарищества;

2) супруг не может приобрести долю в капитале товарищества и членство в таком товариществе в случае, если товарищи воспользуются правом преимущественной покупки доли в капитале товарищества;

3) если товарищи выражают отказ от принятия в члены товарищества супруга и не осуществляют выкуп причитающейся ему доли в капитале, то разделу между супругами подлежит возвращенная сумма вклада в капитал товарищества в случае принятия товарищами решения о необходимости выхода товарища из состава товарищества;

4) переход доли в капитале товарищества супругу, ранее не являвшемуся участником данного товарищества, возможен только при совпадении трех факторов: неосуществления товарищами выкупа причитающейся супругу доли в капитале товарищества; несогласия товарищей на прекращение членства в товариществе одного из участников; несогласия товарищей на возврат суммы, составляющей размер доли одного из супругов в капитале товарищества.

Как отмечают источники [22], существующая российская судебная практика указывает на то, что при разделе супружеского имущества доля в уставном капитале ООО оказывается разделена между супругами в равных пропорциях без перехода права членства в ООО. По нашему мнению, данная мера наносит вред правам супруга - члена ООО на осуществление им правомочий участника юридического лица и влиянию на осуществляемую им деятельность ввиду положений Федерального закона «Об обществах с ограниченно ответственностью» (далее – ФЗ №14) [2].

Так, согласно ст. 14 ФЗ №14, устав общества может содержать ограничения размера долей, принадлежащих одному участнику. Данная норма является диспозитивной. Таким образом, участник ООО, осуществляющий значительные полномочия при управлении деятельностью общества, в результате раздела супружеского имущества претерпевает снижение роли его деятельности в качестве члена ООО.

Исходя из изложенного, положительно оцениваем китайскую практику раздела долей в капитале общества с ограниченной ответственностью и простого товарищества между супругами и полагаем возможным инкорпорирование данных норм в гражданское и семейное право РФ.

Как видим из содержания изученных нами материалов, правоприменительная практика сталкивается с рядом препятствий, продиктованных неполнотой действующего законодательства, разницей восприятия терминологии, используемой НПА при регламентации имущественных и обязательственных отношений супругов.

Проведенный нами анализ российской и китайской правовой доктрины содержания правовых актов РФ и КНР, статистических данных, материалов юридической практики показал, что наиболее сложными в изучении как для отечественных, так и для китайских цивилистов являются проблемы установления законного (в части определения семейной собственности, как совместно нажитой либо принадлежащей каждому супругу в отдельности при раздельном проживании супругов; определения состава супружеского имущества; определения интересов семьи при разграничении ответственности по обязательствам) и договорного (соглашения о взаимном содержании; расширение перечня условий брачного договора) режимов супружеского имущества.

Вместе с тем, как было нами отмечено, содержательная схожесть частноправовых норм, регламентирующих имущественные отношения супругов в РФ и КНР, и авторских взглядов отечественных и зарубежных ученых подтверждают возможность дальнейшего усовершенствования отечественного семейного права, адаптации норм китайского права с их последующим внедрением в российское законодательство с целью восполнения существующих на сегодняшний день пробелов.

Список источников

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. 31.07.2023) // Российская газета. 27.01.1996. № 17.
2. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. 13.06.2023) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» № 15 от 05.11.1998 // URL: http://xn--b1azaj.xn--p1ai/1998/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N15-ot-05.11.1998.html
4. Решение Арбитражного суда Новгородской области по делу № А44-4369/2016 от 25.10.2016 // URL: https://sudact.ru
5. Определение Верховного Суда Российской Федерации № 307-ЭС17- 14968 от 06.10.2017 // URL: https://kad.arbitr.ru
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016) // URL: https://www.vsrf.ru

7. Закон КНР «О вещном праве» от 16. 03. 2007 // URL: http://www.gov.cn
8. Закон «Общая часть гражданского права КНР» от 15. 03. 2017 // URL: http://www.gov.cn
9. Разъяснение I Верховного народного суда «О некоторых вопросах применения Закона КНР «О браке» № 30-2001 от 25. 12. 2001 // URL: https://www.chinacourt.org
10. Разъяснение II от 25. 12. 2003 г. // URL: https://www.chinacourt.org
11. Багрова Н.В. Отграничение брачного договора от смежных договорных конструкций // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 348.
12. Бакланова Е.В. Сущность и критерии достойной жизни человека и общества как цели социального государства // URL: https://www.dissercat.com
13. Воронин М.В., Баймухаметов Р.М. Компаративистский анализ правовых систем Китая и России: интрасоциентальный и экстрасоциентальный срезы // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. 2016. № 3.
14. Лин А. Имущественные отношения в браке и семье // Legal System and Society. 2017. № 2.
15. Поповичева И.В., Хао Ч. Традиции семейного воспитания крестьянских детей в русской и китайской культурах: сопоставительный аспект // Приволжский научный вестник. 2014. № 8 (36).
16. Подгорная О. Практика рассмотрения дел, связанных с разделом долгов супругов в случае расторжения брака при отсутствии брачного договора // URL: http://labytnangsky.ynao.sudrf.ru
17. Рабец А.М., Бакаева М.К. Действие правообразующей функции брака в нормах о законном режиме имущества супругов в Российской Федерации и в станах ближнего зарубежья // Вестник Омского университета. 2016. № 1 (46).
18. Ху Н. Правовое регулирование имущественных отношений супругов в КНР // URL: http://dissovet.rudn.ru
19. Чефранова Е.А. Имущественные отношения в российской семье. Практическое пособие. М.: Юристъ, 1997.
20. Количество браков с иностранцами в 2022 году // URL: https://xn--43-vlcpgyh8g.xn--p1ai/
21. По статистике, на 10 браков в России приходится 7 разводов // URL: https://journal.tinkoff.ru/
22. Раздел между супругами доли в уставном капитале общества // URL: https://www.logosinfo.ru/
23. Русско-китайский брак: любовь или расчет? // URL: https://chinartem.livejournal.com/1759.html
24. Статистика браков и разводов в России // URL: https://gogov.ru
25. Shanghai news (Китай): русские красавицы предпочитают китайцев, но количество браков все еще не такое большое. Причина может ударить по вашему самолюбию // URL: https://inosmi.ru
26. Эксперты назвали больше всего верящих в необходимость брачного договора // URL: https://www.rbc.ru

References

1. Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995 No. 223-FZ (as amended on July 31, 2023). *Russian newspaper*. 01/27/1996. No. 17.
2. Federal Law No. 14-FZ dated 02/08/1998 (as amended 06/13/2023) "On Limited Liability Companies". *Collection of Legislation of the Russian Federation.* 1998. No. 7. Art. 785.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On the application of legislation by courts when considering divorce cases" No. 15 of November 5, 1998. URL: http://xn--b1azaj.xn--p1ai/1998/postanovlenie-plenuma- vs-rf/N15-ot-05.11.1998.html
4. Decision of the Arbitration Court of the Novgorod Region in case No. A44-4369/2016 dated October 25, 2016. URL: https://sudact.ru
5. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 307-ES17-14968 dated 10/06/2017. https://kad.arbitr.ru
6. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2016) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 13, 2016). https://www.vsrf.ru
7. Law of the People's Republic of China "On Property Law" dated March 16, 2007. http://www.gov.cn
8. Law "General Part of Civil Law of the People's Republic of China" dated March 15, 2017. http://www.gov.cn
9. Explanation of the First Supreme People's Court "On some issues of application of the Law of the People's Republic of China "On Marriage" No. 30-2001 dated December 25, 2001. https://www.chinacourt.org
10. Explanation II dated December 25, 2003. URL: https://www.chinacourt.org
11. Bagrova N.V. Delineation of a marriage contract from related contractual structure. *Bulletin of Tomsk State University.* 2014. No. 348.
12. Baklanova E.V. The essence and criteria of a decent life for a person and society as the goal of a social state. https://www.dissercat.com
13. Voronin M.V., Baimukhametov R.M. Comparativist analysis of the legal systems of China and Russia: intrasocietal and extrasocietal sections. *Bulletin of the University named after. O.E. Kutafina*. 2016. No. 3.
14. Lin A. Property relations in marriage and family. *Legal System and Society.* 2017. No. 2.

15. Popovicheva I.V., Hao Ch. Traditions of family education of peasant children in Russian and Chinese cultures: a comparative aspect. *Volga Scientific Bulletin*. 2014. No. 8 (36).
6. Podgornaya O. Practice of considering cases related to the division of debts of spouses in the event of divorce in the absence of a marriage contract. http://labytnangsky.ynao.sudrf.ru
17. Rabetz A.M., Bakaeva M.K. The effect of the law-forming function of marriage in the norms on the legal regime of property of spouses in the Russian Federation and in neighboring countries. *Bulletin of Omsk University*. 2016. No. 1 (46).
18. Hu N. Legal regulation of property relations between spouses in the PRC. http://dissovet.rudn.ru
19. Chefranova E.A. Property relations in a Russian family. Practical guide. M.: Yurist, 1997.
20. Number of marriages with foreigners in 2022. https://xn--43-vlcpgyh8g.xn--p1ai/
21. According to statistics, for every 10 marriages in Russia there are 7 divorces. https://journal.tinkoff.ru/
22. Division of shares in the authorized capital of the company between spouses. https://www.logosinfo.ru/
23. Russian-Chinese marriage: love or calculation? https://chinartem.livejournal.com/1759.html
24. Statistics of marriages and divorces in Russia. https://gogov.ru
25. Shanghai news (China): Russian beauties prefer Chinese, but the number of marriages is still not so large. The reason may hit your pride. https://inosmi.ru
26. Experts named the most people who believe in the need for a marriage contract. https://www.rbc.ru

Информация об авторах

Т.А. Мосиенко – кандидат юридических наук, профессор кафедры гражданского права, Почетный работник сферы образования Российской Федерации
М.А. Тугуз – магистрант кафедры гражданского права

Information about the authors

T.A. Mosienko – Candidate of Law, Professor of the Department of Civil Law, Honorary Worker of Education of the Russian Federation
M.A. Tuguz – Undergraduate of the Department of Civil Law

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.01.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 26.02.2024. The article was submitted 26.01.2024; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 26.02.2024

Научная статья
УДК 34.096

Правовые особенности патентирования в зарубежных странах

© В.А. Фалалеева, О.В. Алимова, 2024

Виолетта Андреевна Фалалеева[1], Ольга Викторовна Алимова[2]
[1,2] Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия
[1] viol.falaleeva@yandex.ru
[2] oly_spi@mail.ru

Аннотация. Данная тема исследования является актуальной в силу сложившихся внешнеэкономических отношения. Патентирование необходимо для правовой охраны при экспорте объектов интеллектуальной деятельности, а также позволяет правообладателю ограничить конкуренцию.

Ключевые слова: объекты интеллектуальной собственности, правовая охрана, зарубежное патентирование

Для цитирования: Фалалеева В.А., Алимова О.В. Правовые особенности патентирования в зарубежных странах // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 3 (166). С.59-61

Original article

Legal features of patenting in foreign countries

Violetta A. Falaleeva[1], Olga V. Alimova[2]
[1,2] Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia
[1] viol.falaleeva@yandex.ru
[2] oly_spi@mail.ru

Abstract. Research is relevant due to the prevailing foreign economic relations. Patenting is necessary for legal protection in the export of intellectual property, and also allows the copyright holder to limit competition.

Keywords: intellectual property objects, legal protection, foreign patenting

For citation: Falaleeva V.A., Alimova O.V. Legal features of patenting in foreign countries. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.3 (166): 59-61 (In Russ.)

Отдельно выделенного понятия «зарубежный патент» не существует, как и единого патента, обеспечивающего охрану прав созданного объекта интеллектуальной собственности по всему миру.

Патент – это один из вариантов расширенной работы с изобретением и его возможностями. Для интеллектуальной собственности, как отмечают многие, характерна жесткая территориальная сцепка, которая четка проявляется в защитном механизме того государства, где имело место выдача патента. Получение патента за рубежом расширяет перспективы для компании, которая занимается экспортом технологий или «сидит» на системе лицензирования для доступа к своей продукции.

Получение патента – это небыстрый, трудоемкий процесс, который требует четкого представления о его необходимости. Расходы на получение патента за рубежом весьма ощутимы.

Для оформления национального патента автору необходимо зарегистрировать свое изобретение в компетентном ведомстве Российской Федерации (Роспатент), причем заявку можно подавать в нескольких вариантах:

- в виде электронного документа через портал «Госуслуги»;
- оформить физический документ и отправить его, воспользовавшись услугами «Почты России»;
- явится лично в Роспатент (Бережковская наб., 30, корп. 1, Москва, Россия, Г-59, ГСП-3, 125993) и подать заявку в окно приема документов;
- направить по факсу, но необходимо учитывать некоторые особенности данного способа (необходимо предоставить сопроводительное письмо и оригиналы документов, чтобы провести идентификацию) [9].

Далее не менее чем через шесть месяцев обращаться в зарубежное патентное ведомство. Данное временное ограничение установлено с целью проверки давления на наличие государственной тайны [9].

Затем действия изобретателя в отношении регистрации патента за рубежом должны быть продиктованы его интересами в области защиты, где именно он хотел бы получить защиту своего изоб-

ретения. Только после определения территориальности в вопросах защиты своих прав он должен будет выделить для себя: подавать заявки самостоятельно или воспользоваться преимуществами, которые предоставляет конвенционное регулирование. Так, к примеру, заявка подается в Европейское патентное ведомство, которое на основании Европейской патентной конвенции [3] дает право патентообладателю защитить объект интеллектуальной деятельности в странах-участницах Европейской патентной организации.

Есть возможность провести патентирование через Евразийскую патентную организацию (ЕАПО) [9], в состав которой входит девять стран-участниц. Подача заявки осуществляется через национальный патентный орган на русском языке. Однако есть нюансы, которые необходимо учитывать. Например, если у Вас имеется опубликованный патент в другом государстве, то получение Евразийского патента или патента Российской Федерации невозможно. Действие патента будет распространяться только на территории той страны, в которой он зарегистрирован.

Наиболее выгодным считается патентирование через Договор патентной кооперации (Patent Cooperation Treaty). На основе поданной заявки патентообладатель может зарегистрировать свой объект интеллектуальной деятельности в ста пятидесяти двух странах. Но если правообладателю необходимо конкретизировать перечень стран, в которых будет испрашиваться патент, то на базе PCT он может подать одну международную заявку в российский филиал бюро ВОИС, по адресу: г. Москва, Западный административный округ, Можайский район, ул. Нобеля 5, Инновационный центр Сколково. Всемирная организация интеллектуальной собственности является специализированным учреждением ООН, деятельность которой направлена на разрешение вопросов в отношении интеллектуальной собственности и творчества. Правовая деятельность организации направлена на защиту положений различных международных конвенций, в первую очередь Парижской Конвенции об охране промышленной собственности и Бернской Конвенции об охране литературных и художественных произведений [1] [2].

Существует регистрация через Африканскую организацию интеллектуальной собственности (OAPI), созданная на основании Банковского соглашения 2 марта 1977 году в городе Банги как ведомство промышленной собственности государств-участников.

Данный орган в своем положении прописывает две льготы относительно новизны, которые действительны 6 месяцев до подачи заявки. Первая – в связи с неправомерным раскрытием, вторая – при использовании объекта на международной выставке (выставочная). Из-за изменений африканского законодательства заявка на выдачу патента составляется по требованиям PCT, и выдается два вида охранных документа (патент и дополнительный патент). Срок действия патента составляет 20 лет с момента подачи заявки с закреплением обязанности за правообладателем непрерывно пользоваться своим изобретением. Если же автор не будет соблюдать данное предписание, то он лишается возможности защиты своих прав на объект интеллектуальной собственности в суде.

Можно осуществить патентирование в ускоренном формате. Речь идет об ускоренном патентном делопроизводстве PPH, включающим в себя унификацию требований по международному патентированию. Данная программа направленна на ускорение и улучшение качества проведения экспертиз, получение экономической выгоды для заявителя и снижение трудозатрат работников органов патентирования.

Немаловажно обратить внимание на цель патентирования. Если в дальнейшем автор желает перепродать право на объект интеллектуальной собственности, то в течение двенадцати месяцев необходимо отправить заявку с запросом о приоритетности, чтобы в дальнейшем сделка не была признана недействительной или невыгодной. А также, если является гражданами другого государства, для регистрации патента необходимо действовать непосредственно через патентного поверенного.

Исходя из ранее изложенного, считаем целесообразным видоизменить процедуру патентирования, создать единый ратифицированный договор «Соглашение Интернационального Патентирования» на базе ВОИС. Данный нормативно-правовой акт позволит зарегистрировать объект интеллектуальной собственности во всех странах, с ускоренной процедурой оформления (10 месяцев). При этом заявитель оплачивает единоразовую пошлину в фонд организации в размере, установленным соглашением, согласно действующего курса валют, а процедуру регистрации объекта интеллектуальной собственности осуществляет через патентного поверенного в своем государстве. В договоре необходимо расписать расширенный перечень посягательств на объекты интеллектуальной собственности.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что действующее законодательство в области зарубежного патентирования является довольно обширным с большим количеством пробелов и технических трудностей, большинство из которых связаны с разрозненностью организаций в сфере защиты интеллектуальных прав. Усовершенствование позволит в полном объеме осуществлять охрану данной категории объектов на территории всех государств, уменьшится количество судебных разбирательств. Также необходимо учитывать трудоемкость и рискованность процедуры получения патента через

национальные ведомства: заявки необходимо подавать отдельно в ведомство каждой страны, оплачивать все пошлины и услуги поверенных в государствах, где предполагается защитить разработку.

Несмотря на все это, можно постараться максимально сократить свои действия по получению патента, например, если проходить процедуру патентования через PCT или другие международные соглашения, можно значительно ускорить и оптимизировать этот процесс, как договор о патентной кооперации, в который входят все участники ЕПК и ЕАПК. На наш взгляд, в современных условиях выбор именно этой процедуры при получении патента одновременно в нескольких зарубежных странах является наиболее оптимальным.

При этом в данный момент у каждой процедуры есть свои особенности и преимущества, которые нужно учитывать изобретателю при выборе государства для распространения и защиты своих интеллектуальных прав.

Список источников

1. Конвенция по охране промышленной собственности (Заключена в Париже 20 марта 1883) (ред. от 02 октября 1979) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5111/
2. Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09 сентября 1886 (ред. от 28 сентября 1979) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5112/
3. Евразийская Патентная Конвенция // URL: https://base.garant.ru/1118401/
4. Конвенция о выдаче европейских патентов (Европейская патентная конвенция). Инструкция по применению Конвенции о выдаче европейских патентов. М.: ИНИЦ «Патент», 2010.
5. Африканской региональной организации по охране промышленной собственности (ARIPO) // URL: https://www.aripo.org/
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 N 51-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ, 05 декабря 1994, № 32 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 N 14-ФЗ (в актуальной редакции) // Российская газета, № 27, 10 февраля 1996
8. Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент): официальный сайт // URL: https://rospatent.gov.ru/ru
9. Евразийское патентное ведомство (ЕАПО) // URL: https://new.eapo.org/
10. Иванов А.В., Алчинов А. И. Патентование изобретений в России: анализ законодательства и советы изобретателям. М.: ИНИЦ «Патент», 2010

References

1. Convention for the Protection of Industrial Property (Concluded in Paris on March 20, 1883) (as amended on October 02, 1979). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5111/ (In Russ.)
2. Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works dated September 09, 1886 (as amended on September 28, 1979). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5112/ (In Russ.)
3. Eurasian Patent Convention // URL: https://base.garant.ru/1118401/ (In Russ.)
4. Convention on the Grant of European Patents (European Patent Convention). Instructions for the application of the Convention on the Granting of European Patents. — Moscow: INIC "Patent", 2010.
5. African Regional Organization for the Protection of Industrial Property (ARIPO). https://www.aripo.org/
6. Civil Code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994 N 51-FZ (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation, December 05, 1994, No. 32 (In Russ.)
7. Civil Code of the Russian Federation (part two) of January 26, 1996 N 14-FZ (as amended). *Rossiyskaya Gazeta*. N 27, February 10, 1996 (In Russ.)
8. Federal Service for Intellectual Property (Rospatent). https://rospatent.gov.ru (In Russ.)
9. Eurasian Patent Office (EAPO): official website. https://new.eapo.org/ (In Russ.)
10. Ivanov A.V., Alchinov A. I. Patenting inventions in Russia: analysis of legislation and advice to inventors. Moscow: INITS "Patent", 2010 (In Russ.)

Информация об авторах

В.А. Фалалеева – студентка юридического факультета
О.В. Алимова – старший преподаватель кафедры гражданского права

Information about the authors

V.A. Falaleeva – Student of the Faculty of Law
O.V. Alimova – Senior Lecturer at the Department of Civil Law

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 18.01.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 26.02.2024. The article was submitted 18.01.2024; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 26.02.2024

Научная статья
УДК 347.447

О некоторых проблемах, связанных с ограничением ответственности должника при осуществлении предпринимательской деятельности

© Федоренко Н. В., Левина Ю.В., 2024

Наталия Владимировна Федоренко [1], Юлия Владимировна Левина[2]
[1,2] Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия
[1] gr_process38@mail.ru
[2] kochurau@gmail.com

Аннотация: Авторами рассмотрен вопрос порядка свидетельствования и выдачи торгово-промышленными палатами как уполномоченными государством организациями соответствующего заключения в целях признания конкретной ситуации обстоятельством непреодолимой силы (форс-мажором). В статье анализируется проблема применения законодательства о гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств при осуществлении предпринимательской деятельности вследствие действия обстоятельств непреодолимой силы. В ходе исследования установлены проблемные аспекты в системе законодательного регулирования удостоверения уполномоченными некоммерческими организациями обстоятельств непреодолимой силы в части ограничения субъектного состава участников правоотношений, обусловливающих необходимость применения на практике Советом российской торгово-промышленной палаты расширительного подхода к сторонам договора, и исключающих возможность уполномоченных палат по свидетельствованию обстоятельств непреодолимой силы в гражданско-правовых отношения с участием граждан. Полученные результаты свидетельствуют о наличии ограничений для целого ряда должников, осуществляющих предпринимательскую деятельность, при освобождении от ответственности в силу закона.

Ключевые слова: освобождение от ответственности, субъект предпринимательской деятельности, экономическая деятельность, обстоятельства непреодолимой силы (форс-мажор), торгово-промышленная палата

Для цитирования: Федоренко Н.В., Левина Ю.В. О некоторых проблемах, связанных с ограничением ответственности должника при осуществлении предпринимательской деятельности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 3 (166). С.62-66

Original article

On some problems associated with limiting the debtor's liability when carrying out business activities

Natalia V. Fedorenko [1], Yulia V. Levina [2]
[1,2] Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia
[1] gr_process38@mail.ru
[2] kochurau@gmail.com

Abstract. The authors consider the issue of the procedure for certification and issuance of the corresponding conclusion by chambers of commerce and industry as state-authorized organizations in order to recognize a specific situation as a force majeure circumstance (force majeure). The article analyzes the problem of applying legislation on civil liability for violation of obligations when carrying out business activities due to force majeure circumstances. The study identifies problematic aspects in the system of legislative regulation of certification of force majeure circumstances by authorized non-profit organizations in terms of limiting the subject composition of participants in legal relations, necessitating the need for the Council of the Russian Chamber of Commerce and Industry to apply in practice an expansive approach to the parties to the contract, and excluding the possibility of authorized chambers to certify the circumstances force majeure in civil-law relations with the participation of citizens. The results obtained indicate the presence of restrictions for a number of debtors engaged in entrepreneurial activities when exempted from liability by force of law.

Keywords: exemption from liability, business entity, economic activity, force majeure circumstances (force majeure), chamber of commerce and industry

For citation: Fedorenko N.V., Levina Yu.V. On some problems associated with limiting the debtor's liability when carrying out business activities. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.3 (166):62-66 (In Russ.)

В силу положений гражданского законодательства субъект предпринимательской деятельности несет гражданско-правовую ответственность независимо от наличия вины, при этом единственным основанием для его освобождения от ответственности выступает действие обстоятельств непреодолимой силы (далее – ОНС), или, иначе говоря, наличие форс-мажорной ситуации [1].

Как справедливо отмечал профессор Яковлев В. Ф., такое изъятие из общего правила о вине как необходимом условии ответственности по обязательствам связано с природой предпринимательской деятельности (носит рисковый характер и осуществляется в целях получения прибыли). При этом «предпринимательские договоры по степени соотношения свободы и повышенной ответственности делятся на три группы: первая - договоры между предпринимателями; вторая - между предпринимателями и потребителями, не являющимися предпринимателями; третья - между предпринимателями и публичными образованиями (Российской Федерацией, субъектами Федерации, муниципалитетами)» [12].

По смыслу пункта 3 статьи 401 ГК РФ ограничение принципа виновной ответственности производится во всех случаях, когда обязательство нарушено субъектом предпринимательской деятельности независимо от конкретной группы указанных выше предпринимательских договоров.

Такой субъект освобождается от ответственности, например по законодательству о защите прав потребителей, если докажет, что неисполнение обязательств или их ненадлежащее исполнение произошло вследствие ОНС [2].

Наличие указанных обстоятельств оказывает существенное влияние и на отношения сторон в сфере закупок товаров (в части изменения существенных условий контракта) согласно нормам законодательства о контрактной системе [5, 9, 10].

С другой стороны, и коммерческие организации могут нести ответственность за нарушение порядка исполнения договорных обязательств при условии вины. В частности, по договору энергоснабжения поставщики электрической энергии, в том числе территориальные сетевые организации, осуществляющие услуги по передаче электрической энергии, несут ответственность перед абонентом за неоказание (ненадлежащее оказание) услуг при наличии вины.

В этой связи возможность освобождения от ответственности субъекта предпринимательской деятельности напрямую зависит от установления факта наличия обстоятельств непреодолимой силы (исключая случаи, прямо указанные в законе) и без учета того, действует ли другая сторона договора в публичных, личных (потребительских) или предпринимательских целях.

Следовательно, с неизбежностью могут возникнуть проблемы при выдаче системой торгово-промышленных палат соответствующих заключений и реализацией мер, предусмотренных Правительством Российской Федерации [7].

В частности, в мае 2022 года были внесены изменения в закон о торгово-промышленных палатах, которые отнесли к сфере деятельности Торгово-промышленной палаты Российской Федерации определение уполномоченных торгово-промышленных палат по свидетельствованию ОНС, возникших при исполнении договоров, заключенных между российскими субъектами предпринимательской деятельности, а также установление порядка выдачи указанными организациями соответствующих заключений [4].

Таким образом, действуя в рамках указанного закона, уполномоченные палаты могут выдавать соответствующие заключения, подтверждающие наличие ОНС, препятствующих исполнению договоров (контрактов) между отечественными субъектами предпринимательской деятельности.

Соответственно, возникает необходимость ответа на вопрос о возможности свидетельствования торгово-промышленными палатами как уполномоченными государством организациями ОНС по иным категориям договоров, выделенным профессором Яковлевым В. Ф., в частности заключенным между предпринимателями и иными субъектами, не осуществляющими предпринимательскую деятельность (граждане, публичные субъекты).

В связи с этим можно говорить о нарушении принципа правовой определенности закона в решении данного вопроса. Так, уполномоченные палаты свидетельствуют, ОНС – чрезвычайные, непредвиденные и непредотвратимые обстоятельства, которые не зависят от воли человека, по договорам (контрактам), заключенным в сфере внутрироссийской экономической деятельности [6].

Если в обобщенном виде под экономической деятельностью понимать производство, распределение и обмен материальных благ, то следует отметить, что предпринимательская деятельность – только часть деятельности экономической.

То есть, Совет Торгово-промышленной палаты Российской Федерации допускает расширительное толкование подпункта «н.1» пункта 3 статьи 15 Закона о торгово-промышленных палатах.

Согласно положениям закона, регулирующего сферу государственных (муниципальных) закупок, экономическую деятельность осуществляют и публичные субъекты (в том числе Российская Федерация, субъекты Федерации, а также муниципальные образования), поскольку государственный (муниципальный) контракт представляет собой гражданско-правовой договор [8].

Кроме того, в связи с тем, что экономическую деятельность осуществляют не только субъекты предпринимательской деятельности и публичные субъекты, но и потребители, возможности уполномоченных палат по свидетельствованию ОНС распространены, таким образом, и на гражданско-правовые отношения с участием граждан, сферу государственных или муниципальных закупок.

Такой подход Совета Торгово-промышленной палаты Российской Федерации противоречит закону о торгово-промышленных палатах (подпункт «н.1» пункта 3 статьи 15), но при этом может быть использован в силу возможности применения аналогии закона (пункт 1 статьи 6 ГК РФ) и полностью соответствует интересам как частных, так и публичных участников гражданско-правового оборота. В таком случае также обеспечивается и признание равенства сторон гражданских правоотношений как одного из основных принципов гражданского законодательства, закрепленного в пункте 1 статьи 1 ГК РФ.

С другой стороны, согласно абзацу 2 пункта 1.2 Положения о свидетельствовании уполномоченными палатами ОНС договором (контрактом) признается юридически обязательное двустороннее или многостороннее соглашение субъектов внутрироссийской экономической деятельности (юридические лица, индивидуальные предприниматели), не противоречащее требованиям законодательства Российской Федерации. Таким образом, ТПП РФ фактически без каких-либо обоснований исключает для уполномоченных палат возможность свидетельствования ОНС по договорам, сторонами которых выступают как субъекты предпринимательской деятельности, так и потребители.

Данное определение договора (контракта) входит в противоречие с понятием договора, содержащимся в пункте 1 статьи 420 части первой ГК РФ. Вследствие этого подход российской торгово-промышленной палаты к понятию договора не соответствует гражданскому законодательству и не подлежит применению на практике.

Одной из основ законодательства о защите прав потребителей выступает регулирование отношений по удовлетворению материальных потребностей [11, с. 75].

В договорные отношения с гражданами - потребителями товаров (результатов работ, услуг) субъекты предпринимательской деятельности вступают, вероятно, даже чаще, чем в отношения с другими субъектами предпринимательской деятельности.

Кроме того, основной целью деятельности торгово-промышленных палат выступает обеспечение представления и защиты интересов членских организаций и предпринимателей, а также развитие предпринимательства, экономической деятельности и внешнеторгового сотрудничества [3].

То есть, закон не предусматривает возможность различных подходов ТПП РФ и уполномоченных палат к субъектам предпринимательской деятельности в зависимости от статуса другой стороны договора (публичные субъекты или граждане).

Использование такого подхода не исключает возможность обжалования заинтересованными лицами в административном порядке решений, действий (бездействия) ТПП РФ и уполномоченных палат.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сказать, что возможности уполномоченных некоммерческих организаций по удостоверению ОНС должны быть распространены не только на отношения с участием субъектов предпринимательской деятельности, но и на гражданско-правовые отношения с участием граждан, сферу государственных или муниципальных закупок.

Рассмотренные в настоящей работе вопросы касаются лишь части проблем, связанных с порядком и основаниями свидетельствования форс-мажорных обстоятельств уполномоченными торгово-промышленными палатами. Многие из них остались за рамками настоящего исследования и требуют самостоятельной проработки.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 51-ФЗ от 30.11.1994: принят Государственной Думой 21.10.1994 // СПС КонсультантПлюс.
2. Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СПС КонсультантПлюс
3. Закон Российской Федерации от 07.07.1993 № 5340-1 «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 01.05.2022 № 133-ФЗ «О внесении изменений в статью 15 Закона Российской Федерации «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации») // СПС КонсультантПлюс
4. Там же

5. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.10.2022 № 1838 «Об изменении существенных условий контрактов, заключенных для обеспечения федеральных нужд, в связи с мобилизацией в Российской Федерации, об изменении некоторых актов Правительства Российской Федерации по вопросам осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц и о признании утратившими силу отдельных положений постановления Правительства Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 1663» // СПС КонсультантПлюс.
6. Постановление Торгово-промышленной палаты Российской Федерации от 24.06.2021 № 7-2 «Об утверждении Положения о свидетельствовании уполномоченными торгово-промышленными палатами обстоятельств непреодолимой силы по договорам (контрактам), заключенным в рамках внутрироссийской экономической деятельности» (ред. от 27.04.2022) // Официальный сайт ТПП РФ. URL: https://uslugi.tpprf.ru/ru/services/415445/?serviceId=415445&
7. Протокол заседания Правительственной комиссии по повышению устойчивости развития российской экономики от 20.03.2020 № 3 // СПС КонсультантПлюс
8. Федеральный закон от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»: принят Государственной Думой 22.03.2013 // СПС КонсультантПлюс
9. Там же
10.Там же
11.Шерстобитов А.Е. Проблемы определения круга общественных отношений, регулируемых законодательством о защите прав потребителей // Проблемы современной цивилистики: Сборник статей, посвященных памяти профессора С.М. Корнеева. М.: Статут, 2013. С. 75.
12.Яковлев В. Ф. Понятие предпринимательского договора в российском праве // Журнал российского права. 2008. № 1 (133).

References

1. Civil Code of the Russian Federation: Federal Law No. 51-FZ of November 30, 1994: adopted by the State Duma on October 21, 1994 // SPS ConsultantPlus
2. Law of the Russian Federation dated 02/07/1992 No. 2300-1 «On the protection of consumer rights» // SPS ConsultantPlus
3. Law of the Russian Federation dated 07.07.1993 No. 5340-1 «On Chambers of Commerce and Industry in the Russian Federation» (as amended by Federal Law dated 01.05.2022 No. 133-FZ «On Amendments to Article 15 of the Law of the Russian Federation «On Trade -chambers of industry in the Russian Federation» // SPS ConsultantPlus
4. Ibid
5. Decree of the Government of the Russian Federation dated October 15, 2022 No. 1838 «On changing the essential terms of contracts concluded to meet federal needs, in connection with mobilization in the Russian Federation, on changing certain acts of the Government of the Russian Federation on the procurement of goods, works, services for provision of state and municipal needs and procurement of goods, works, services by certain types of legal entities and on the recognition as invalid of certain provisions of the Decree of the Government of the Russian Federation of December 25, 2018 No. 1663» // SPS ConsultantPlus.
6. Resolution of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation dated June 24, 2021 No. 7-2 «On approval of the Regulations on certification by authorized chambers of commerce and industry of force majeure circumstances under agreements (contracts) concluded within the framework of domestic Russian economic activity» (as amended on April 27. 2022) // Official website of the RF Chamber of Commerce and Industry. URL: https://uslugi.tpprf.ru/ru/services/415445/?serviceId=415445&
7. Minutes of the meeting of the Government Commission to increase the sustainability of the development of the Russian economy dated March 20, 2020 No. 3 // SPS ConsultantPlus
8. Federal Law of April 5, 2013 No. 44-FZ «On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs»: adopted by the State Duma on March 22, 2013 // SPS ConsultantPlus
9. Ibid.
10. Ibid.
11. Sherstobitov A.E. Problems of determining the range of social relations regulated by legislation on the protection of consumer rights. *Problems of modern civil law: Collection of articles dedicated to the memory of Professor S.M. Korneeva.* M.: Statute, 2013. P. 75.
12. Yakovlev V. F. The concept of an entrepreneurial agreement in Russian law. *Journal of Russian Law.* 2008. No. 1 (133)

Информация об авторах

Федоренко Н.В. – доктор социологических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры процессуального права

Левина Ю.В. – кандидат экономических наук, доцент кафедры процессуального права

Information about the authors
Fedorenko N.V. – Doctor of Sociology, Candidate of Law, Professor of the Department of Procedural Law
Levina Yu.V. – Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Procedural Law

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.01.2024; одобрена после рецензирования 19.02.2024; принята к публикации 26.02.2024. The article was submitted 18.01.2024; approved after reviewing 19.02.2024; accepted for publication 26.02.2024

Научная статья
УДК 347

Перспективы введения института квалифицированных примирителей

© Н.В. Федоренко, А.М. Нелюбов, 2024

Наталия Владимировна Федоренко[1], Нелюбов Андрей Маркович[2]
[1,2] Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону, Россия
[1] gr_process38@mail.ru
[2] ununt@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются положительные свойства примирения в гражданском процессе. Рассматривается вариант введения института квалифицированных примирителей. Определены актуальные проблемы в практической и теоретической плоскости применения примирения. Предложена теоретическая модель внедрения института квалифицированных примирителей. Развитие примирения поможет снизить нагрузку на судебную систему, снизит конфликтность в обществе, позволит потенциальным участникам уменьшить финансовые и временные издержки.

Ключевые слова: альтернативные способы разрешения споров; примирительные процедуры; медиация; квалифицированный примиритель; защита прав; судебное разбирательство; суд

Для цитирования: Федоренко Н.В., Нелюбов А.М. Перспективы введения института квалифицированных примирителей // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. №3(166). С.66-70

Original article

Prospects for introducing the institution of qualified conciliators

© N.V. Fedorenko, A.M. Nelyubov, 2024

Natalia V. Fedorenko[1], Andrey M. Nelyubov[2]
[1,2] Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia
[1] gr_process38@mail.ru
[2] ununt@mail.com

Abstract. The article analyzes the positive properties of reconciliation in civil proceedings. The option of introducing the institution of qualified conciliators is considered. Current problems in the practical and theoretical application of reconciliation are identified. A theoretical model for introducing the institution of qualified conciliators is proposed. The development of reconciliation will help reduce the burden on the judicial system, reduce conflict in society, and allow potential participants to reduce financial and time costs.

Keywords: alternative methods of dispute resolution; conciliation procedures; mediation; qualified conciliator; protection of rights; trial; court

For citation: Fedorenko N.V., Nelyubov A.M. Prospects for introducing the institution of qualified conciliators. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No3 (166):66-70 (In Russ.)

Альтернативные способы урегулирования споров – это совокупность процедур, способствующих внесудебному разрешению возникших споров. Наиболее популярными являются переговоры, медиация, судебное примирение и арбитраж [1]. Основу альтернативного урегулирования составляет добровольность заключения итогового соглашения. Важным вопросом в теории процессуального права является развитие института примирения.

Разрешение конфликта с помощью примирения выгодно сторонам и полезно для общества в целом. Стороны экономят время, разрешая конфликт в максимально короткие сроки без ведения судебных тяжб, нет стадий обжалования. Стороны экономят средства, так как не приходится оплачивать судебные издержки, услуги адвокатов, экспертизы. Найденное сторонами решение может быть более приемлемым для сторон, более исполнимым, чем то, которое бы вынес суд в традиционном процессе. Такое решение может наилучшим образом соответствовать их потребностям и интересам. Например, с помощью рассрочки возмещения долга или замены денежного возмещения (при отсутствии средств у ответчика) на имеющиеся материальные ценности – транспорт, недвижимость. Повышается вероятность преодоления конфликта, успешного сотрудничества с другой стороной в дальнейшем, поскольку разрешение спора примирением является, как правило, компромиссом и нет проигравшей стороны.

В спорах часто участвуют стороны, имеющие рабочие или семейные связи, которым выгодно сохранить взаимоотношения после разрешения спора. Это особенно актуально в спорах между родственниками, бывшими супругами, имеющими общих детей, ведь позволяет сохранить нормальные отношения в будущем и участвовать в воспитании [2]. В таких случаях примирение особенно актуально и даже приводит к уменьшению споров. Решение спора с помощью посредника более конфиденциально, чем судебное, что так же является положительным фактором для сторон. Часто стороны не хотят огласки своих личных или деловых проблем. При эффективном посредничестве сразу начинается поиск удобоваримого решения, стороны активно участвуют в его выработке, что снижает стресс и конфликтность. В суде стороны до последнего не предполагают, каким будет решение, что приводит к дополнительной эмоциональной нагрузке.

Разрешение конфликтов примирением полезно для общества в целом. Главным плюсом является снижение нагрузки на судебную систему, адвокатуру, экспертное сообщество. Это уменьшает финансовые затраты государства и сторон, суды и экспертное сообщества становятся менее загружены, что повышает качество и ускоряет сроки разрешения оставшихся не разрешенных с помощью процедур примирения дел в судебном порядке. Участие в примирительном процессе повышает юридическую грамотность, компромиссность и снижает конфликтность сторон в будущем. Все это положительно влияет на социум.

Очевидно, что большинство споров по гражданским и арбитражным делам являются типичными и легко могли бы разрешаться примирением сторон с заключением соответствующего мирового соглашения. Развитие института квалифицированных примирителей, современные возможности дистанционного (онлайн) ведения дел, потенциал привлечения искусственного интеллекта [3], повышающийся уровень юридической грамотности сторон, все это открывает огромные возможности для примирения [4]. С помощью примирения могут решаться самые разные споры, в том числе о защите прав потребителей, споры арендаторов и арендодателей, работников и работодателей, семейные споры, о разделе имущества, о возмещении убытков, в сфере наследования, страхования и т.д. Как государству максимально направить стороны на путь примирения, при этом не затруднив судопроизводство, не допустить злоупотреблений?

Главным фактором, определяющим эффективность системы примирения, являются сроки. Анализируя мировой современный и исторический опыт развития примирительных процедур, можно сделать следующие выводы. Оптимальным является максимальное направление сторон на путь примирения при этом установление эффективных процессуальных сроков, чтобы исключить затягивание спора.

В настоящий момент стороны могут в частном порядке обращаться к примирителям, но закон от них этого не требует [5]. Сложившаяся правовая традиция сделала примирение непопулярным, большинство участников гражданского оборота даже не знают об эффективности такого решения. Этому способствует отсутствие механизмов выбора эффективных примирителей, вероятность, что примирение будет проведено малоэффективно, лишь формально. Примирительная форма реализации юрисдикционной деятельности ориентирована на «воспроизводство партнерского взаимодействия между участниками спора (конфликта)», в то время как эффективность правосудия основывается на государственном принуждении [6].

Введение института квалифицированных примирителей является одним из перспективных вариантов развития примирения в гражданском и арбитражном процессах. Возможно развитие по пути добровольного обращения сторон к услугам квалифицированных примирителей и обязательного. Первый путь, вероятно, окажется малоэффективным, но может быть использован в переходный период.

Предусмотреть обязательное обращение к примирителю перед обращением в суд является наиболее эффективным способом развития института примирения в российском гражданском праве. Для проверки эффективности возможно введение института обязательного примирения в отдельном регионе в качестве пилотного проекта.

Институт квалифицированных примирителей предполагает повышения уровня компетенции примирителей, возможность их дисквалификации в случае нарушения принципов работы, введение рейтинга. Повышение компетенции возможно с помощью специальных образовательных программ, в том числе уже разработанных [7], которые будут доступны на базе высшего юридического образования, имеющим необходимый опыт работы в сфере судопроизводства, адвокатуры. Регулярные курсы повышения квалификации позволят постоянно поддерживать высокий уровень примирителей. Возможность дисквалификации в случае злоупотребления полномочиями, злонамеренного введения в заблуждение, позволят уменьшить вероятность коррупции. Рейтинг должен стать эффективным инструментом отбора примирителей сторонами. Наиболее эффективные примирители будут пользоваться максимальным спросом. Реальный процент дел, окончившийся эффективным примирением, может не так значительно отличаться от примирителя к примирителю, поэтому видится эффективным введения рейтинга не по указанию процента разрешенных дел, а по месту нахождения примирителя в рейтинге данного округа.

Итак, как может выглядеть механизм работы квалифицированного примирителя. На первом этапе, при возникновении спора, сторона, считающая свои законные права нарушенными, должна предъявить досудебную, а в контексте исследуемой темы фактически «допримирительную» претензию. Таким образом, сторона заявляет о претензии, чем уведомляет другую сторону о возникшем споре. Другая сторона может пойти на полное удовлетворение претензии, полностью отклонить или предложить иной (компромиссный) вариант разрешения спора. Подача досудебной претензии также позволяет ответчику приготовиться к защите в суде, фактически начиная процессуальные сроки по данному спору. Если стороны начали эффективную коммуникацию на этом этапе урегулирования, могут начаться переговоры о разрешении конфликта. По существу, в нынешнем правом поле сторонам трудно искать компромиссный вариант разрешения спора на досудебном этапе, так как процессуальный срок, отведенный на работу с досудебной претензией, мал и, как правило, стороне, предъявляющей иск, выгодно скорее обратиться в суд в случае неисполнения ее досудебной претензии. Также отсутствие опытного посредника приводит к тому, что часто каждая из сторон уверена в своей правоте и в возможности выигрыша дела в суде [8]. Часто разногласия сторон носят взаимный характер и настолько глубоки, что без привлечения компетентного примирителя их не преодолеть.

В случае введения института обязательного квалифицированного примирения, появляется эффективный механизм поиска компромиссного решения на досудебном этапе. Примиритель знакомится с досудебными претензиями, истребует дополнительные материалы, необходимые для разрешения спора, выясняет позиции сторон и начинает проведение примирительных процедур. Примиритель, являясь посредником в урегулировании спора, устанавливает между сторонами связь, показывает каждой из сторон всю картину спора целиком, разъясняет позицию другой стороны, помогает прояснить спорные вопросы и выявить проблемы, препятствующие урегулированию.

Что стимулирует примирителя в достижении максимальных результатов в примирении? Первое – это материальное вознаграждение. Предполагается, что примиритель получает обязательную пошлину за оказанную им услугу, которая подобна расчету стоимости иска, высчитывается как процент от цены иска или фиксированный платеж в других случаях. В случае окончания спора примирением примиритель получает пошлину полностью, в случае, если спор не был завершен примирением, – только 50%. При этом видится целесообразным поднять размер судебных пошлин, с целью повышения качества работы судебной системы, улучшения защиты прав физических и юридических лиц, снижения количества исков, стимулированию сторон к поиску примирения [9].

Вторым фактором, стимулирующим примирителя, является его рейтинг. Чем больше дел разрешается примирением, тем больше стороны обращаются именно к этому примирителю. Это вводит фактически рыночный механизм регулирования качества услуги, когда потребитель делает выбор на основе открытых сведений. Здесь стоит предусмотреть механизм защиты от фиктивного увеличения рейтинга за счет рассмотрения сфабрикованных споров. Так, необходимо установить минимальную пошлину и налог на деятельность примирителей на таком уровне, чтобы подавать фиктивные споры не было целесообразно.

Что стимулирует стороны к достижению примирения на этапе обращения к квалифицированному примирителю? В первую очередь, это компетентный анализ дела примирителем. Он должен объяснить судебную перспективу рассмотрения дела. Обосновать, что примирение взаимовыгодно, что соглашение о примирении будет лучше учитывать интересы сторон, позволит сэкономить время и денежные средства. Переговоры с помощью посредника помогают каждой стороне лучше понять точку зрения другой стороны. Большинство гражданских исков требует материального возмещения от одной

стороны (ответчика) в пользу истца. Ответчик, понимая обоснованность иска, неизбежность возмещения, часто заинтересован в рассрочке платежа, так как в противном случае ему придется продавать имущество или проходить процедуру банкротства, также он заинтересовал в сокращении судебных издержек, так как понимает, что ему предстоит возместить их истцу. Истец заинтересован в максимально быстром и фактическом возмещении, понимая, что при заключении мирового соглашение фактическое исполнение возмещения более вероятно.

Сама процедура примирения может являться быстрой и доверительной. Стороны могут пытаться договориться без привлечения дорогостоящих и долгих экспертиз, оценив возникшие убытки с помощью анализа или аналогии. Примирение может проводиться с использованием дистанционных технологий, в том числе для привлечения третьих сторон, консультантов, экспертов.

Опираясь на международный опыт и отечественные исследования, можно сделать вывод, что при эффективном выстраивании института примирения доля разрешенных таким образом споров будет превышать 50% [10]. Целесообразно большее стимулирование к достижению разрешения споров с помощью примирительных процедур. Это сэкономит огромные ресурсы как для сторон, так и для государства в целом, что особенно важно в условиях роста количества гражданских споров и общего дефицита квалифицированных кадров, снизит уровень конфликтности в обществе.

Список источников

1. Способы разрешения споров в разносистемных правопорядках / Ю.А. Артемьева, Е.А. Борисова, Е.П. Ермакова и др. М.: Инфотропик Медиа, 2017. С. 321.
2. Slaw — канадский юридический онлайн-журнал. // URL: https://www.slaw.ca/2020/02/06/we-need-more-evidence-based-research-on-mediation-in-canada/ (дата обращения: 30.01.2024)
3. Медиатор РФ // URL: https://медиатор.рф/news/servisy-avtomatizatsii-v-mediativnykh-protsedurakh-eksperty-minekonomrazvitiya-predstavili-svoi-razr/ (дата обращения: 01.02.2024)
4. Макдуф И. Очерки посредничества: Разрешение споров в 21 веке. Нидерланды: Kluwer Law International B.V., 2016. С. 10.
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/
7. Гарант // URL: https://ano-garant.ru/mediacia/#i-2 (дата обращения: 01.02.2024)
8. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 378.
9. Т. И. Марголина, П. А. Суровяткина Барьеры и стимулы развития медиации (примирительных процедур) в социальной сфере // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. № 3. С. 496-505.
10. Медиация в России: от слов к делу. Материалы второй международной конференции. Медиация. Альтернативные методы разрешения споров, и их значение в совершенствовании деловой и корпоративной этики. М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования (МЦУПК), 2022. С. 353.

References

1. Methods for resolving disputes in different legal systems / Yu.A. Artemyeva, E.A. Borisova, E.P. Ermakova et al. M.: Infotropik Media, 2017. P. 321. (In Russ.)
2. Slaw is a Canadian online legal magazine. // URL: https://www.slaw.ca/2020/02/06/we-need-more-evidence-based-research-on-mediation-in-canada/ (access date: 01/30/2024)
3. Mediator of the Russian Federation, information website // URL: https://xn--80ahcnrqoo.xn--p1ai/news/servisy-avtomatizatsii-v-mediativnykh-protsedurakh-eksperty-minekonomrazvitiya-predstavili-svoi-razr/ (access date: 02/01/2024)
4. Macduff I. Essays on mediation: Dispute resolution in the 21st century. Netherlands: Kluwer Law International B.V., 2016. P. 10. (In Russ.)
5. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation: Federal Law No. 95-FZ dated July 24, 2002 (as amended on December 25, 2023) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/
6. Civil Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of November 14, 2002 No. 138-FZ (as amended on December 25, 2023) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/
7. ANO "Garant", information website // URL: https://ano-garant.ru/mediacia/#i-2 (date of access: 02/01/2024)
8. Zorkin V.D. Constitutional and legal development of Russia. Moscow: Norma: INFRA-M, 2011. P. 378. (In Russ.)
9. T. I. Margolina, P. A. Surovyatkina Barriers and incentives for the development of mediation (conciliation procedures) in the social sphere. *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*. 2020. No. 3: 496-505. (In Russ.)

10. Mediation in Russia: from words to deeds. Proceedings of the second international conference. Mediation. Alternative methods of dispute resolution and their importance in improving business and corporate ethics. M.: Interregional Center for Management and Political Consulting (MTsUPK), 2022. P. 353. (In Russ.)

Информация об авторах
Н.В. Федоренко – доктор социологических наук, кандидат юридических, доцент
А.М. Нелюбов – аспирант кафедры процессуального права
Information about the authors
N.V. Fedorenko – Doctor of Social Sciences, Ph.D. in Law, Associate Professor
A.M. Nelyubov – Postgraduate student of the Department of Civil Procedure
Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.02.2024; одобрена после рецензирования 22.02.2024; принята к публикации 26.02.2024. The article was submitted 08.02.2024; approved after reviewing 22.02.2024; accepted for publication 26.02.2024

Уголовно-правовые науки

Научная статья
УДК 343.362

О недостатках законодательной регламентации заведомо ложного доноса (ст. 306 УК РФ) и возможных путях их устранения

© Арзуманян А.А., Сазанова Е.А., 2024

Андрей Арсентьевич Арзуманян [1], Екатерина Алексеевна Сазанова [2]
[1] Южный федеральный университет; Южный университет (ИУБиП), Ростов-на-Дону, Россия. andreirnd@mail.ru
[2] Южный университет (ИУБиП), Ростов-на-Дону, Россия. sazanovaekaterina@gmail.com

Аннотация. В работе проводится анализ применения ст. 306 УК РФ об ответственности за заведомо ложный донос. Обращается внимание на то, что существуют противоречия в законодательстве, что влечет за собой неточности применения соответствующих норм. Авторами исследуются проблемные вопросы, вызывающие затруднения в правоприменительном процессе. Делается вывод о том, что необходимо усовершенствовать ст. 306 УК РФ путем внесения в норму необходимых изменений с целью оптимизации и облегчения ее использования на практике.

Ключевые слова: ложный донос, проблемные аспекты, преступления против правосудия, уголовное право, устранение правовой пробельности

Для цитирования: Арзуманян А.А., Сазанова Е.А. О недостатках законодательной регламентации заведомо ложного доноса (ст. 306 УК РФ) и возможных путях их устранения // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. №3(166). С.71-76

Original article

On shortcomings of the legislative regulation of knowingly false denunciation (Chapter 306 of the Criminal Code of the Russian Federation) and possible ways to eliminate them

© Arzumanyan A.A., Sazanova E.A., 2024

Andrey A. Arzumanyan [1], Ekaterina A. Sazanova [2]
[1] Southern Federal University; Southern University (IMBL), Rostov-on-Don, Russia. andreirnd@mail.ru
[2] Southern University (IMBL), Rostov-on-Don, Russia. sazanovaekaterina@gmail.com

Abstract. The work analyzes the application of Art. 306 of the Criminal Code of the Russian Federation on liability for knowingly false denunciation. Attention is drawn to the contradictions in the legislation, which entails inaccuracies in the application of the relevant norms. The authors explore problematic issues that cause difficulties in the law enforcement process. It is concluded that it is necessary to improve Art. 306 of the Criminal Code of the Russian Federation by introducing the necessary changes to the norm in order to optimize and facilitate its use in practice.

Keywords: false denunciation, problematic aspects, crimes against justice, criminal law, elimination of legal gaps

For citation: Arzumanyan A.A., Sazanova E.A. On the shortcomings of the legislative regulation of knowingly false denunciation (Chapter 306 of the Criminal Code of the Russian Federation) and possible ways to eliminate them. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.3 (166):71- 76 (In Russ.)

В последние годы в обществе развивается негативная точка зрения, которая непосредственно связана с побуждением чувства мести или иного действия, например для устранения конкурентов, с целью возбудить уголовное дело в отношении конкретного лица. Заведомо ложные доносы мешают правоохранительным органам на стадии проведения предварительного расследования возбужденных по этим заявлениям уголовных дел, что в свою очередь соединено с неправомерными допросами граждан, проведением затратных экспертиз и ревизий.

Всё вышесказанное является основной причиной проявления обвинения, а также наложение мер ответственности на лицо, которое не совершало преступное деяние. Возникает общественная опасность при реализации заведомо ложного доноса. Преступное посягательство нарушает функционирование деятельности органов правоохранительной власти, а также судов и гражданских прав. Не-

редко допускаются ошибки при квалификации преступлений из-за отсутствия единообразия в толковании закона.

Для решения данной проблемы нами проанализированы недочеты конструкции части 1 статьи 306 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также установлены пути возможного решения данной проблемы. Важно, чтобы понятие осуществления заведомо ложного доноса было единообразно, также крайне важным остаётся с объективной его стороны более точно описать его признаки в норме Уголовного права, что прежде всего касается адресата заведомо ложного доноса.

В научной литературе редко выявляются способы по совершенствованию нормы части 1 статьи 306 Уголовного кодекса Российской Федерации. Подобные предложения единичны, одно из них вывел И.Р. Фарзалиев, который считает, что для совершенствования нормы части 1 статьи 306 Уголовного кодекса Российской Федерации важно внести следующее дополнение: «сделанный в орган дознания, следователю или прокурору», данная норма будет совершенствовать вышеназванную статью, так как будет ярко выражен адресат заведомо ложного доноса, по нашему мнению, это правильная позиция [1], так как это поможет более правильно воспринимать содержание данной нормы, а также поспособствует облегчению практической деятельности судов.

Согласно позиции С.В. Смолина, который высказал значение санкций уголовно-правовой нормы касательно механизма действия наложения уголовной ответственности, вид санкций за преступное деяние выражается в данном случае как «лакмусовая бумажка», где выражены все свойства общественно опасного деяния [2].

Изучая доктринальные позиции и судебную практику, мы выявили тот факт, что необходимо ужесточить санкции за преступные деяния, направленные на предоставление ложной информации правоохранительным органам.

По нашему мнению, надо обратить внимание не на тяжесть наказаний, а на действенность санкций ст. 306 УК РФ и их работоспособность. Среди наказаний, назначаемых по всем частям ст. 306 УК РФ, преобладают штраф и лишение свободы. Средний размер штрафа 6-11тысяч рублей. Лишение свободы судами в России назначается в большинстве случаев условно. Значит, применение судами ст. 306 УК РФ характеризуется назначением наказания в виде низких штрафов и превалированием условного наказания. Это, вероятно, не содействует эффективной уголовно-правовой борьбе с заведомо ложным доносом [3].

Прежде чем переходить к вопросам совершенствования санкции статьи 306 УК РФ, необходимо затронуть вопрос о соблюдении принципов уголовной ответственности при построении и применении санкций. Так, Е.С. Шуба говорит о том, что необходимо снижение альтернативности санкций, в них должно быть не более трех основных видов наказаний [4].

Кроме того, необходимо уменьшение разрыва между минимальными и максимальными границами наказаний в санкциях. Чрезмерная альтернативность санкций и большой разрыв между минимальными и максимальными границами наказаний в них размывают границы санкций. Следовательно, становится невозможным соблюдать единство практики применения. Часто назначают за одинаковое преступное деяние лицам, одинаково характеризующимся, абсолютно различных наказаний, в зависимости от практики, которая сложилась в конкретном регионе, в суде, у конкретного судьи. В итоге нарушается принцип равенства граждан перед законом.

С целью соблюдения принципа равенства граждан перед законом независимо от имущественного положения, необходимо отказаться от санкций статей с альтернативой «штраф либо лишение свободы». Потому что при существующем материальном положение большинства подсудимых решение в пользу одного из этих видов наказаний судом может приниматься в зависимости от возможности или невозможности подсудимого выплатить штраф. Альтернативой штрафу могут выступать обязательные и исправительные работы, наказание в виде возложения обязанности возместить причиненный преступлением вред. Альтернативой лишению свободы может являться ограничение свободы, исправительные и обязательные работы.

В связи с вышеизложенным, считаем необходимым и разумным внести в конструкцию санкции за заведомо ложный донос следующие изменения:

1. На сегодняшний день существует небольшая общественная опасность за реализацию заведомо ложного доноса, важным остаётся изменить акцент при формулировке санкции представленных в части 1 статьи 306 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также рассматривать его не с карательного элемента наказания, а с материального.

Важно убрать наложение мер ответственности, которые выражены в лишении свободы или принудительных работах, кроме того, уменьшить виды наказаний в санкции статьи 306 УК РФ.

2. Санкции заведомо ложного доноса, его особо квалифицированного вида, так как он имеет повышенную общественную опасность преступного деяния, необходимо установить в виде лишения свободы минимум на 3 года.

Альтернативой данного наказания может выступать также наложение штрафа от 200 000 до 500 000 рублей или же штраф, который будет равняться размеру заработной платы, а также иного дохода преступника, на период, который будет длиться от 1 до 4 лет [5].

Например, Вольский районный суд Саратовской области признал Клюева С. В. виновным в совершении преступное деяние, предусмотренного частью 3 статьи 306 УК РФ, и назначил ему наказание в виде лишения свободы сроком на 2 года. На основании статьи 73 УК РФ назначенное наказание считается условным с испытательным сроком в 2 года.

Клюев С.В. совершил заведомо ложный донос о совершении преступного деяния, соединенный с искусственным созданием доказательств обвинения. Находясь в состоянии алкогольного опьянения, у него произошел словесный конфликт с К. В это время у Клюева С.В. возник преступный умысел на совершении заведомо ложного доноса об угрозе убийством и нанесении ножевого ранения в область левого бедра со стороны К., с искусственным созданием доказательств обвинения.

Клюев С.В., заведомо зная о том, что в момент передачи сообщения сведения о сообщаемом им преступлении являются ложными, имея прямой умысел совершить заведомо ложный донос, из личной корыстной заинтересованности, сообщил участковому уполномоченному полиции ОМВД России по Вольскому району Саратовской области о якобы совершенном в отношении него преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 119 УК РФ. Клюев С.В. в ходе осмотра места происшествия указал на кухонный нож, которым К. нанес ему ножевое ранение, а также одежду - джинсы со следом пореза на штанине, в которой он был 21.03.2017 года в момент причинения ему ранения, искусственно создав доказательства обвинения, которые в действительности отсутствуют.

Сделав заведомо ложный донос о совершенном преступлении, достоверно зная о том, что в момент подачи заявления сведения о сообщаемом преступлении являются ложными и не соответствуют действительности, искусственно создавая доказательства обвинения, Клюев С.В. дезорганизовал порядок работы сотрудников отдела МВД РФ по Вольскому району Саратовской области, предусмотренный ФЗ РФ «О полиции» от 01.03.2011 года, а также иными нормативно-правовыми актами и ведомственными приказами. Кроме того, ложное сообщение о преступлении могло привести к возбуждению уголовного дела по ч. 1 ст. 119 УК РФ и нарушило нормальное функционирование органа дознания и предварительного следствия.

Из данного примера можно судить о том, что назначенное наказание будет неэффективным. Поскольку наказание, назначенное условно, учитываю большую общественную опасность, не будет оказывать на лжедоносчика надлежащего сдерживающего действия, такого, как, например, при назначении штрафа в крупном размере.

Переходя к вопросу дифференциации уголовной ответственности за заведомо ложные доносы, которые различаются разной степенью общественной опасности, необходимо отметить, что законодатель при формулировке квалифицирующих признаков статьи 306 УК РФ допустил некоторые недостатки, выражающиеся в отсутствии более детального их закрепления в законе. В связи с этим расширился предел судейского усмотрения при оценке степени общественной опасности заведомо ложного доноса и назначении за него наказания.

Необходимо более детальное закрепление в данной уголовно-правовой норме квалифицирующих признаков. В основном, это касается признака, который относится к субъективной стороне, – совершение преступного деяния из корыстных побуждений. По нашему мнению, оснований для предусмотрения данного квалифицирующего признака в статье 306 УК РФ более чем достаточно. Эти деяния широко распространены, и достаточно много заведомо ложных доносов совершается из корыстных побуждений. Отечественное уголовное право всегда рассматривало корыстные мотивы преступных деяний в качестве низменных и повышающих степень общественной опасности. Корыстный мотив – это обстоятельство, которое должно отягчать ответственность за заведомо ложный донос [6]. Не понятно, почему законодатель предусмотрел этот квалифицирующий признак во всех Уголовных кодексах РСФСР и отказался от его закрепления в Уголовном кодексе РФ. Считаем, что отсутствие рассматриваемого квалифицирующего признака в ст. 306 УК РФ не соответствует современным тенденциям борьбы с заведомо ложными доносами, считаем необходимым вернуть такой признак в Уголовный кодекс России.

По нашему мнению, законодатель не учел такой важный признак субъективной стороны, как совершение преступного деяния по мотиву укрывательства действительного преступника. Здесь очевидна повышенная общественная опасность по сравнению с простым заведомо ложным доносом. Данный вид доноса не просто отвлекает средства и силы органов расследования на проверку информации о преступлении, но и создает существенные препятствия для реализации познавательно-правоприменительной задачи правосудия – изобличение виновных лиц и применение к ним правильного и справедливого наказания.

Следует отметить, что подобный мотив преступного деяния был известен дореволюционной уголовно-правовой доктрине, но применялся не к заведомо ложному доносу, а к самооговору. Напри-

мер, ч. 1 ст. 169 Уголовного уложения 1903 года устанавливала уголовную ответственность за явку с повинной в тяжком преступном деянии, заведомо учиненных другим лицом.

Целесообразно было бы применение исторического практического опыта, который был более благоприятен, но важно учитывать при этом тот факт, что состав преступного деяния самооговор, а также реализации ложного доноса схожи между собой. Ведь не только усиление дифференциации наложения мер ответственности за преступное деяние, направленное на реализацию заведомо ложного доноса, смогло бы завершить все существующие споры, которые касаются вероятности, как интеллектуального укрывательства, так и всевозможные конкуренции в статье 306 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также статьи 316, что также же позволило бы правильно квалифицировать данное преступление, но ещё помогло бы и введение в законодательство определенного квалифицирующего признака.

Важно отметить главный недостаток действующего законодательства статьи 306 Уголовного кодекса Российской Федерации, который выступает в отсутствии в данной норме квалифицирующего признака, находящего своё отражение как в причинении вследствие преступного деяния тяжких последствий. Данный объективный признак увеличивает степень общественной опасности, при осуществление заведомо ложного доноса, по-нашему мнению, вероятно существование неизвестной причины, которая скрывается от внимания законодателя.

Касательно части 3 статьи 306 Уголовного кодекса Российской Федерации, рассмотрим вопрос, который направлен на улучшение квалифицирующего признака, осуществления заведомо ложного доноса, который состоит в создании доказательства обвинения искусственным путём, важным является тот факт, что в результате регулирования, наложении мер ответственности, со стороны УК РФ, в момент реализации инсценировки основных признаков преступного деяния, отсутствует обращение в правоохранительные органы по вопросу неправдоподобно преступного деяния.

Рассматривая реализацию данных действий, можно сказать, что они не являются доносом, если рассматривать его в прямом его значение, так как виновный не адресует своё обращение в правоохранительные органы, иными словами, он не доносит информацию, а скрытно реализует обстановку, где было совершено неправдоподобное преступление, или же просто изменяет её, добавляя туда следы преступного деяния, с целью обнаружение данных следов правоохранительными органами или органами расследования.

Исходя из вышесказанного важно обратить внимание на позицию О.В. Воеводина, с которым мы полностью согласны, что введение в Уголовный Кодекс Российской Федерации отдельных норм, которые будут представлять инсценировку преступного деяния, необязательно, необходимо только лишь увеличить признаки объективной стороны преступного деяния, направленного на реализацию заведомо ложного доноса правоохранительным органам [8].

Мы считаем, что необходимо это сделать посредством включения как дополнительных признаков объективной стороны, диспозиции части 3 статьи 306 Уголовного кодекса Российской Федерации, которая будет состоять в инсценировке преступного деяния. По нашему мнению, инсценировка преступного деяния и создание доказательств обвинения искусственным путём похожи между собой.

В работах криминологов по рассматриваемой проблеме предложено три варианта конструкции состава «оговора заведомо невиновного лица»:

1) дополнение ст. 306 УК РФ новой частью;
2) введение в УК РФ отдельной правовой нормы, предусматривающей ответственность за заведомо ложный донос лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, о совершении инкриминируемого ему преступное деяние другим конкретным лицом (оговор);
3) конструирование состава нового преступного деяния – оговора заведомо невиновного лица, субъектами которого должны быть не только подозреваемый или обвиняемый, но и любые другие лица (в том числе потерпевшие и свидетели), заведомо ложно обвиняющие конкретное невиновное лицо в преступлении.

Многие авторы, рассматривая данный вопрос, предлагают разнообразные варианты. Как совершенно справедливо отмечал А.П. Козлов, оговор имеет место после совершения преступное деяние и отягчать ответственность за данное преступление не может, а учет оговора заведомо невиновного лица при назначении наказания является скрытой формой уголовной ответственности за ложные показания, что входит в противоречие с законом [9].

По нашему мнению, недостатками данного варианта нормы являются отсутствие указания в диспозиции на действия, заключающиеся в создании обвиняемым искусственных доказательств совершения преступное деяние другим лицом, а также отсутствие дифференциации ответственности за простой оговор и за оговор, повлекший наступление для невиновного лица определенных общественно-опасных последствий.

Подводя итог, можно сделать следующие обобщающие выводы.

1. Современное уголовно-правовое регулирование ответственности за заведомо ложный донос имеет множество недостатков, которые выражаются в следующем:

– отсутствие законодательного описания признаков объективной стороны основного состава заведомо ложного доноса;

– очевидный недостаток законодательной оценки характера и степени общественной опасности заведомо ложного доноса, что находит свое отражение в недостатках построения санкций за разбираемое преступление;

– уголовная ответственность за заведомо ложный донос, несомненно, мало дифференцирована, что выражается в отсутствии более подробного закрепления в законе квалифицирующих признаков.

2. Для того чтобы статья 306 Уголовного кодекса Российской Федерации более благоприятно применялась в практической деятельности, важно направить внимание законодателя на реализацию санкций, на их работоспособность, а также внести соответствующее дополнение в конструкцию данных санкций.

3. Для реализации цели криминализации, которая состоит в ведении правоохранительных органов в заблуждение при помощи инсценировки преступного деяния, внести в дополнение признаки его объективной стороны особо квалифицированного предоставление заведомо ложного доноса и включить в её состав инсценировку преступного деяния. Включить в редакцию статью 306 Уголовного кодекса Российской Федерации для того, чтобы применение на практике данной нормы было правильным и единообразным.

Список источников

1. Фарзалиев И.Р. Проблемы законодательной регламентации заведомо ложного доноса и возможные пути их устранения // Россия: от стагнации к развитию (региональные, федеральные, международные проблемы): сборник материалов XII Международной научно-практической конференции, Ставрополь, 03 февраля 2017 года. – Ставрополь: Институт дружбы народов Кавказа, 2017. С. 106.
2. Смолин С.В. Уголовная ответственность за заведомо ложный донос: недостатки законодательной регламентации и возможные пути их устранения // Российский юридический журнал. 2012. № 2(83). С. 131-137.
3. Степанов С.Ю. Проблемы уголовной ответственности за заведомо ложный донос // Научное образование. 2022. № 3(16). С. 307-310.
4. Шуба Е.С. К вопросу об альтернативности санкций в УК РФ // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2017. № 2. С. 18-20
5. Петрова Г.О. Уголовная ответственность за заведомо ложный донос в России и за рубежом // Международное уголовное право и международная юстиция. 2023. № 3. С. 7-9.
6. Алонцева Д.В. Уголовно-правовая характеристика заведомо ложного доноса и лжесвидетельства: теоретико-правовые основы // Журнал юридических исследований. 2022. Т. 7. № 1. С. 47-58.
7. Бычихин Д. М. К вопросу об уголовной ответственности за заведомо ложный донос // Заметки ученого. 2021. № 10. С. 375-379.
8. Воеводина О.В. Понятие и сущность инсценировки в криминалистике // Аллея науки. 2021. Т. 2. № 1(52). С. 411-415.
9. Козлов А.П. Авторский курс уголовного права. Часть Общая. Москва: Юрлитинформ, 2018. С. 203.

References

1. Farzaliev I. R. Problems of legislative regulation of deliberately false denunciation and possible ways to eliminate them. *Russia: from stagnation to development (regional, federal, international problems): collection of materials of the XII International Scientific and Practical Conference*, Stavropol, February 03, 2017. Stavropol: Institute for Friendship of the Peoples of the Caucasus, 2017. P. 106. (In Russ.)
2. Smolin S. V. Criminal liability for knowingly false denunciation: shortcomings of legislative regulation and possible ways to eliminate them. *Russian Legal Journal*. 2012. No. 2(83):131-137. (In Russ.)
3. Stepanov S. Yu. Problems of criminal liability for knowingly false denunciation *Scientific education*. 2022. No. 3(16):307-310. (In Russ.)
4. Shuba E.S. On the issue of alternative sanctions in the Criminal Code of the Russian Federation. *Current issues in the fight against crime*. 2017. No. 2: 18-20(In Russ.)
5. Petrova G. O. Criminal liability for knowingly false denunciation in Russia and abroad. *International criminal law and international justice*. 2023. No. 3: 7-9. (In Russ.)
6. Alontseva D. V. Criminal legal characteristics of deliberately false denunciation and perjury: theoretical and legal foundations. *Journal of Legal Research*. 2022. V. 7. No. 1: 47-58. (In Russ.)
7. Bychikhin D.M. On the issue of criminal liability for a knowingly false denunciation. *Notes of a scientist*. 2021. No. 10: 375-379. (In Russ.)

8. Voevodina O. V. The concept and essence of staging in forensic science. *Alley of Science*. 2021. V. 2.No. 1(52):411-415. (In Russ.)
9. Kozlov A.P. Author's course on criminal law. Part General. Moscow: Yurlitinform, 2018. P. 203. (In Russ.)

Информация об авторах
А. А. Арзуманян – кандидат юридических наук, доцент
Е. А. Сазанова – кандидат юридических наук
Information about the authors
A. A. Arzumanyan – Candidate of Law, Associate Professor
E.A. Sazanova – Candidate of Law

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.02.2024; одобрена после рецензирования 22.02.2024; принята к публикации 26.02.2024. The article was submitted 08.02.2024; approved after reviewing 22.02.2024; accepted for publication 26.02.2024

Научная статья
УДК 343

От сведущего лица до цифровизации

© Бордюгов Л.Г., Бушманов Р.В., 2024

Бордюгов Леонид Григорьевич[1], Бушманов Родион Викторович[2]
[1] Донецкая лаборатория судебной экспертизы Минюста России, Донецк, Россия. don.lse-23@yandex.ru
[2] Главное управление Минюста России по Ростовской области; Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия. rodionbush@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы судебно-экспертной деятельности в России, проводится анализ актуальных аспектов развития судебной экспертизы в России с XVII по XX вв. Исследуются работы российских ученых, криминалистов, судебных экспертов, направленные на повышение эффективности судебно-экспертной деятельности и специальных знаний.
Ключевые слова: судебно-экспертная деятельность, сведущее лицо, судебная экспертиза
Для цитирования: Бордюгов Л.Г., Бушманов Р.В. От сведущего лица до цифровизации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 3 (166). С.76-80

Original article

From a knowledgeable person to digitalization

Leonid G. Bordyugov[1], Rodion V. Bushmanov[2]
[1] Donetsk Laboratory of Forensic Examination of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Donetsk, Russia. don.lse-23@yandex.ru
[2] The Main Directorate of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the Rostov region; Rostov Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia. rodionbush@mail.ru

Abstract. The article examines the issues of forensic examination in Russia, analyzes the relevant aspects of the development of forensic examination in Russia from the XVII to XX centuries. The work of Russian scientists, criminologists, and forensic experts aimed at improving the effectiveness of forensic activities and special knowledge is studied.
Keywords: forensic expertise, knowledgeable person, forensic examination
For citation: Bordyugov L.G., Bushmanov R.V. From a knowledgeable person to digitalization. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.3 (166): 76-80 (In Russ.)

Судебно-экспертное познание является специфическим видом познания, поскольку его предмет специфичен – это фактические данные об обстоятельствах происшествия, а субъектом является специальный субъект – судебный эксперт. Судебно-экспертное познание характеризуется двумя аспектами: прежде всего своей процессуальной регламентацией и тем, что оно присуще специальному субъекту – судебному эксперту (сведущему лицу), т.е. лицу, которое обладает специальными знаниями. Становится очевидным, что современное судопроизводство не может эффективно функционировать, если не опирается на новейшие достижения в различных сферах человеческой деятельности. Оно постоянно сталкивается с необходимостью привлечения сведущих лиц для решения различных вопросов специального характера [1].

Происхождение процессуальной фигуры сведущего лица связано с развитием судебной медицины как академической дисциплины, поставленной на служение закону. Вследствие этого лекари оказались одной из сторон следственных дел в части телесных травм. В последующем сведущие лица привлекались из разных научных областей [2]. Упоминания о сведущих лицах в Судебниках 1497, 1550 и 1589 годов, ни в Соборном уложении 1649 года не встречаются.

Согласно правовому анализу И.Ф. Крылова, первым нормативным актом, в котором отражены аспекты судебной экспертизы, является царский Указ от 1699 года о порядке исследования подписей на крепостных актах [3], который задал вектор формирования института сведущих лиц и его фундаментальной части – судебной экспертизы. Указом обязывалось по спорным делам, находящимся в производстве Поместного приказа, «руки свидетельствовать» – исследовать подписи на крепостных актах только дьяками и подьячими приказов.

Необходимо отметить, что воинский Артикул 1715 года Петра Первого не раскрывал понятие о «сведущих лицах», однако регулировал деятельность лекарей в качестве «сведущих лиц». Так, в артикуле 154 отражены основания привлечения лекарей для определения обстоятельств смерти.

В конце XVIII века в ходе изучения трупа пользовались «Генеральными правилами до Врачебно-Судной Науки относящихся» (1797 года), на основании которых следовало чинить свидетельства, соединяемые с знанием анатомии, физиологии и других частей, до сего предмета касающихся…» [4]. Как видно, в указанном документе хоть прямо и не говорилось о специальных знаниях, однако наличие их подразумевалось.

И все же в данных документах о «сведущих лицах» речи не велось, упоминались только врачи как участники осмотра, освидетельствования трупов и живых лиц. Лишь в 1832 году этот термин нашел свое нормативное урегулирование. Так, в ст. 943 Свода уголовных законов 1832 года говорилось, что если обстоятельства в деле предполагает особенные сведения из какой-либо науки, искусства или ремесле, то необходимо истребовать мнение сведущих людей. В ст. 2361 Свода гражданских и межевых законов 1842 также говорилось, что если обстоятельства в деле предполагают особенные сведения из какой-либо науки, искусства или ремесле, то необходимо истребовать мнение сведущих людей.

В Уставе судебной медицины, включенном в Свод законов Российской империи 1842 года, была дана подробная регламентация деятельности врача по судебному осмотру (вскрытию) тел, т.е. регламентация проведения судебно-медицинской экспертизы. В Уставе уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года в статье 325 говорилось, что сведущие лица приглашаются в тех случаях, когда в деле встречаются обстоятельства, при которых необходимы специальные сведения и знания.

В криминалистической литературе отмечается, что в Уставе уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года особо отмечались обследования и обзоры, для производства которых требовались специальные знания. В таких случаях привлекались «сведущие лица», т.е. люди, обладающие специальными знаниями и навыками в той или иной сфере деятельности, потребность в которых возникла при производстве процессуальных действий [5].

После окончания судебной реформы 1864 года термин «эксперт» стал появляться в официальных нормативных документах. Например, Циркуляром Министерства юстиции от 10 января 1877 года предписывалось, что эксперты должны помещаться в особом списке, а не в общем со свидетелями [6].

Во второй половине XIX столетия в официальных документах Российской империи закрепляется термин «эксперт».

Актуальность и многоплановость проблем использования специальных знаний в судопроизводстве, их теоретическая и практическая значимость обусловили интерес к ним со стороны специалистов в области уголовного процесса, криминалистики и других наук.

Российский государственный деятель, учёный-правовед П.И. Дегай еще в 1840 году говорил о сведущих людях как имеющих особенные сведения или опыт в какой-либо науке или ремесле. Известный российский криминалист, доктор права Я.И. Баршев писал о силе и действии свидетельств сведущих людей. Российский криминалист и общественный деятель М.В. Духовский отмечал, что эксперты – это лица, обосновывающие свои выводы на науке или ремесле [7]. Выдающийся российский криминалист И.Я. Фойницкий об экспертах, как о лицах, обладающих специальными знаниями, упоминал

еще в 1910 году, при этом он говорил о специальных сведениях в науке и иных областях знаний. Профессор Харьковского университета Л.Е. Владимиров, опираясь в 1910 году на Устав уголовного судопроизводства, подчеркивал, что на суде допускаются мнения сведущих людей, когда для точного понимания необходимы специальные сведения или знания [8]. По мнению известного российского процессуалиста С.И. Викторского, под экспертами подразумевали людей, обладающих специальными знаниями в науке, искусстве и ремесле [9]. Российский цивилист А.Х. Гольмстен утверждал, что эксперт должен быть специалистом отрасли знания или техники, умеющий представить свое заключение [10]. Российский юрист, специалист в области уголовного права и криминологии Н.Н. Розин сведущими именовал людей, имеющих специальные знания [11]. Известный российский юрист и психолог С.В. Познышев называл экспертами лиц, приглашаемых «к следствию или суду для дачи заключения об определенных фактах, для познания которых требуются специальные знания и особая подготовка» [12].

В дореволюционной России как в специальной юридической литературе, так и процессуальном законодательстве был заложен фундамент развития института сведущих лиц, который выражался в узком понимании экспертизы как доказательства специалистов в следственных действиях сведущих лиц.

Ученые-юристы отмечали возможность применения специальных знаний не только в уголовном, но и в гражданском судопроизводстве, однако многие их высказывания по поводу сведущих людей (экспертов) не совсем корректны. Так, например, Л.Е. Владимиров разделял экспертов на две группы: первая группа подразумевала экспертов, строивших свои заключения на научных знаниях, а вторая группа основывалась на ремесленных знаниях экспертов. Хотя сам Л.Е. Владимиров говорил о том, что его мнение не поддерживали многие современники. В частности, И.Я. Фойницкий отмечал, что вопрос о процессуальной природе экспертизы в литературе еще не получил однообразного решения. Есть даже направление, предлагающее считать экспертов полномочными и исключительными судьями, разрешающими вопросы, для уразумения которых требуются специальные познания, и так, что уголовные судьи не вправе входить в критику данного экспертами ответа подобно тому же, как они не входят в критику вердикта присяжных [13].

Последовательными в этих вопросах являются ученые-юристы советского периода развития криминалистики и науки уголовно-процессуального права. Начальный этап советского периода развития криминалистики связан с научной и практической деятельностью И.Н. Якимова, В.И. Громова, П.С. Семеновского, С.А. Голунского, С.М. Потапова и др. Они пришли в науку, хорошо зная практику борьбы с преступностью, обобщая ее достижения в целях совершенствования средств и методов раскрытия и расследования преступлений.

Выдающийся советский криминалист И.Н. Якимов в 30-е годы прошлого столетия при разработке руководства по уголовной технике и тактике упоминал об экспертах и экспертизе. При этом он писал, что эксперт разрешает вопросы «на основании данных какой-нибудь науки» [14].

О специальных знаниях при производстве экспертизы говорилось и в коллективном учебнике по криминалистике под редакцией А.Я. Вышинского [15].

В более поздний период вопросы теории судебной экспертизы, использования специальных знаний в судопроизводстве рассматривалась в трудах А.И. Винберга, И.Ф. Крылова, А.Я. Палиашвили, И.Л. Петрухина, В.А. Притузовой, Р.Д. Рахунова, М.С. Романова, М.А. Чельцова, А.Р. Шляхова, А.А. Эйсмана и других.

В современный период в решение вопросов использования специальных знаний существенный вклад внесли работы видных российских ученых: В.Д. Арсеньева, В.Г. Заблоцкого, Т.В. Аверьяновой, Н.И. Клименко, Ю.Г. Корухова, Ю.К. Орлова, Е.Р. Россинской, Т.В. Сахновой и многих других.

Данные труды, являясь результатом многолетнего и самостоятельного развития теоретической мысли, внесли весомый вклад в развитие общей теории криминалистики и судебной экспертологии. Однако несмотря на их важную роль в разработке вопросов, касающихся судебной экспертизы, проблема далеко не исчерпана как в теоретическом, так и в практическом плане. Многие из них до настоящего времени остаются дискуссионными, а отдельные вопросы получили противоречивое толкование и требуют не только дальнейшего изучения, но и новых подходов к их разрешению. Существует мнение, что большинство работ, посвященных вопросам использования специальных знаний в форме судебной экспертизы, не решают их всесторонне, разработка концептуальных основ этого института далеко не завершена. Трудами названных авторов созданы лишь предпосылки для его дальнейшего самостоятельного и всестороннего исследования. Сегодня, развивая идеи указанных авторов, появляются новые работы, посвященные проблемам проведения судебных экспертиз, вопросам использования специальных познаний как в судопроизводстве вообще, так и в некоторых определенных видах судопроизводства и даже в процессе расследования и судебного рассмотрения отдельных видов преступлений.

На совершенствование специальных знаний оказывают влияние глобальная цифровизация, информатизация, возрастание роли наукоемких технологий, компьютеризация, интеграция и дифференциация наук. В наше время многие процессы обусловлены и сопряжены с изменениями в науке и методах научной деятельности. Во всех отраслях науки знание обрело междисциплинарный характер. Связь отдельных наук с наукой в целом стала связью организмического типа. В этой связи хотелось бы отметить, что в настоящее время слова В.И. Ленина о том, «чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой, чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом» [16], становятся явью.

Судебная экспертиза как одна из процессуальных форм использования специальных знаний [17] является основанным на данных науки практическим познанием фактических обстоятельств расследуемого события, познанием, представляющим собой специальную познавательную процедуру, которая на основании использования специальных знаний направлена, во-первых, на исследование объекта судебной экспертизы, а во-вторых – на установление фактических данных, которые в форме заключения эксперта могут стать доказательством в уголовном, гражданском, административном или хозяйственном деле. С учетом этого эффективное и полное использование органами расследования и судом достижений научно-технического прогресса, специальных знаний сведущих лиц (экспертов и специалистов) позволит решать задачи, которые возникают в процессе доказывания. Следует отметить, что только «совместные усилия процессуалистов, криминалистов и представителей естественных и технических наук» позволят решить задачу повышения качества следственной и судебной деятельности путем применения специальных познаний в условиях цифровой трансформации судебно-экспертной деятельности.

Имея специальные знания, эксперты и специалисты способны внести существенный вклад в деятельность органов расследования и суда по установлению обстоятельств дела, которое находится в их производстве. Не случайно в последние годы наряду со ставшими уже традиционными экспертизами получают развитие новые классы, роды и виды судебных экспертиз, что свидетельствует о неуклонном расширении возможностей использования достижений науки и техники в процессе разработки экспертных методик, посредством которых решаются вопросы, возникающие в процессе отправления правосудия, а следовательно, и расширения возможностей использования познаний сведущих лиц для целей правосудия.

Список источников

1. Шапиро Л.Г. Специальные знания в уголовном судопроизводстве и их использование при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности: автореф. дис... д. ю. н. Краснодар, 2008. С. 4.
2. Аверьянова Т.В. Криминалистика. Учебник для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. Под ред. заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Р.С. Белкина. М.: Изд-во НОРМА, 2001. С. 2.
3. Крылов И.Ф. Судебная экспертиза в уголовном процессе. Л.: Изд-во ЛГУ,1963. С. 58.
4. Солохин А.А., Солохин Ю.А. Руководство по судебно-медицинской экспертизе трупа. М.: РМАПО, 1997. С.10.
5. Торбин Ю.Г. Теория и практика освидетельствования. СПб.: Питер, 2004. С. 10.
6. Дегай П.И. Учебная книга российского гражданского судопроизводства губерний и областей, на общих правах состоящих, составленная для Императорского училища правоведения Павлом Дегаем. СПб.: Типография II-го отделения собственной Е. И. В. Канцелярии, 1840. С.82.
7. Духовский М.В. Из лекций по уголовному процессу. М.: Типография Общества распространения полезных книг, 1895. С. 112.
8. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах: Части: Общая и Особенная /, засл. проф., присяж. пов. окр. Моск. судеб. палаты. 3-е изд., изм. и законч. СПб.: Кн. маг. «Законоведение», 1910. С. 104.
9. Викторский С.И. Русский уголовный процесс (издание 2-е, исправленное и дополненное). М.: Издание А.А. Карцева. Типография Императорского Московского Университета, 1912. С. 266-267.
10. Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства (издание 5-е, исправленное и дополненное). СПб.: типография М. Меркушева, 1913. С. 235.
11. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям (2-е издание, измененное и дополненное) орд. проф. Императ. С.-Петербург. универ. СПб.: Издание юридического книжного склада Право, 1914. С. 384.
12. Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М.: Издание Г.А. Лемана; Типо-литография торгового дома «Я. Данкин и Я. Хомутов», 1913. С.194.
13. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Издание третье, пересмотренное и дополненное. Том II. СПб.: Сенатская типография, 1910. С. 278.

14. Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. Новое издание, перепечатанное с издания 1925 г. М.: ЛексЭст, 2003. С. 342.
15. Криминалистика. Книга I. Техника и тактика расследования преступлений. Учебник для слушателей правовых вузов. Под ред. А.Я. Вышинского. М.: Государственное издательство «Советское законодательство», 1935. С. 212.
16. Ленин В.И. Лучше меньше, да лучше / Полное собрание сочинений. Издание пятое. Т. 45. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 391.
17. Загорский Д.Б., Бушманов Р.В. Влияние цифровизации на деятельность государственных судебно-экспертных учреждений Минюста России в Южном федеральном округе / Стратегия развития Минюста России: традиции, эффективность, современные вызовы: Сборник научных трудов по материалам Межвузовской научной конференции, Ростов-на-Дону, 26 октября 2022 года / Под общ. Ред. Б.М. Магомедова. А.А. Никитиной, Р.В. Бушманова. Ростов-на-Дону, 2023. С. 201-212.

References

1. Shapiro L.G. Special knowledge in criminal proceedings and its use in the investigation of crimes in the field of economic activity: abstract of thesis. dis... d.u. n. Krasnodar, 2008. P. 4. (In Russ.)
2. Averyanova T.V. Forensics. Textbook for universities / T.V. Averyanova, R.S. Belkin, Yu.G. Korukhov, E.R. Rossinskaya. Ed. Honored Scientist of the Russian Federation, Professor R.S. Belkina. M.: Publishing house NORMA, 2001. P. 2. (In Russ.)
3. Krylov I.F. Forensic examination in criminal proceedings. L.: Leningrad State University Publishing House, 1963. P. 58. (In Russ.)
4. Solokhin A.A., Solokhin Yu.A. Guide to forensic medical examination of a corpse. M.: RMAPO, 1997. P.10. (In Russ.)
5. Torbin Yu.G. Theory and practice of examination. St. Petersburg: Peter, 2004. P. 10. (In Russ.)
6. Degai P.I. A textbook on Russian civil proceedings of provinces and regions consisting of common rights, compiled for the Imperial School of Law by Pavel Degai. St. Petersburg: Printing house of the 2nd department of E.I.V.'s own Chancellery, 1840. P.82. (In Russ.)
7. Dukhovsky M.V. From lectures on criminal procedure. M.: Printing house of the Society for the Distribution of Useful Books, 1895. P. 112. (In Russ.)
8. Vladimirov L.E. The doctrine of criminal evidence: Parts: General and Special /, honored. prof., juror pov env. Moscow fate chambers. 3rd ed., rev. and finish SPb.: Book. magician "Law", 1910. P. 104. (In Russ.)
9. Viktorsky S.I. Russian criminal procedure (2nd edition, corrected and supplemented). M.: Publishing house A.A. Kartseva. Printing house of the Imperial Moscow University, 1912. Pp. 266-267. (In Russ.)
10. Golmsten A.Kh. Textbook of Russian civil proceedings (5th edition, revised and expanded). St. Petersburg: M. Merkushev's printing house, 1913. P. 235. (In Russ.)
11. Rozin N.N. Criminal proceedings. Lecture manual (2nd edition, modified and expanded) ord. prof. Emperor St. Petersburg. Univer. St. Petersburg: Publishing house of the legal book warehouse Pravo, 1914. P. 384. (In Russ.)
12. Poznyshev S.V. An elementary textbook of Russian criminal procedure. M.: Publishing house G.A. Leman; Typical lithography of the trading house "Ya. Dunkin and Ya. Khomutov", 1913. P.194. (In Russ.)
13. Foinitsky I.Ya. Criminal Justice Course. Third edition, revised and expanded. Volume II. St. Petersburg: Senate Printing House, 1910. P. 278. (In Russ.)
14. Yakimov I.N. Forensics. Guide to Criminal Technology and tactics. New edition, reprinted from the 1925 edition. M.: LexEst, 2003. P. 342. (In Russ.)
15. Forensics. Book I. Techniques and tactics of crime investigation. Textbook for students of law schools. Ed. and I. Vyshinsky. M.: State Publishing House "Soviet Legislation", 1935. P. 212. (In Russ.)
16. Lenin V.I. Less is more / Complete works. Fifth edition. T. 45. M.: Publishing House of Political Literature, 1970. P. 391. (In Russ.)
17. Zagorsky D.B., Bushmanov R.V. The impact of digitalization on the activities of state forensic institutions of the Ministry of Justice of Russia in the Southern Federal District / Development strategy of the Ministry of Justice of Russia: traditions, efficiency, modern challenges: Collection of scientific papers based on the materials of the Interuniversity Scientific Conference, Rostov-on-Don, October 26, 2022 / General . Ed. B.M. Magomedova. A.A. Nikitina, R.V. Bushmanova. Rostov-on-Don, 2023. Pp. 201-212 (In Russ.)

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.02.2024; одобрена после рецензирования 24.02.2024; принята к публикации 26.02.2024. The article was submitted 06.02.2024; approved after reviewing 24.02.2024; accepted for publication 26.02.2024

Научная статья
УДК 343

К вопросу о совершенствовании уголовно-правовых норм защиты предпринимательской деятельности в РФ

© Василенко Н.А., Цымлянская О.А., 2024

Наталья Абрамовна Василенко [1], Ольга Афанасьевна Цымлянская [2]
[1] Ростовский институт (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия. nataly550207@mail.ru
[2] Ростовский юридический институт МВД РФ, г. Ростов-на-Дону, Россия. ipidorfii@yandex.ru

Аннотация. Актуальность данной темы заключается в выявлении условий развития преступности, посягающей на нормальное развитие предпринимательской деятельности в России. В научной статье авторами рассматриваются особенности конструкции и применения составов, предусматривающих меры защиты предпринимательства. В этой связи исследуются проблемные аспекты данной области уголовно-правовой науки, а также выносятся предложения по совершенствованию отечественного законодательства.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, преступность, уголовно-правовая защита, предупреждение, защита предпринимательства, уголовное право

Для цитирования: Василенко Н.А., Цымлянская О.А. К вопросу о совершенствовании уголовно-правовых норм защиты предпринимательской деятельности в РФ // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. №3(166). С.81-84

Original article

On improving criminal law standards for the protection of business activities in the Russian Federation

© Vasilenko N.A., Tsymlyanskaya O.A., 2024

Natalya A. Vasilenko [1], Olga A. Tsymlyanskaya [2]
[1] Rostov Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia. nataly550207@mail.ru
[2] Rostov Law Institute of Interior Ministry of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia. ipidorfii@yandex.ru

Abstract. The relevance of this topic lies in identifying the conditions for the development of crime that encroaches on the normal development of business activity in Russia. The authors discuss the design and application features of compounds that provide measures to protect entrepreneurship. In this regard, problematic aspects of this area of criminal law science are explored, and proposals are made for improving domestic legislation.

Keywords: entrepreneurial activity, crime, criminal defense, prevention, protection of entrepreneurship, criminal law

For citation: Vasilenko N.A., Tsymlyanskaya O.A. On improving criminal law standards for the protection of business activities in the Russian Federation. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.3 (166): 81- 84 (In Russ.)

Анализ правового регулирования уголовно-правовой защиты прав и законных интересов субъектов любой экономической деятельности показывает, что такая проблема действительно существует.

Создание и принятие статьи 169 УК РФ свидетельствует о понимании законодателем важности обеспечения защиты прав предпринимателей, для чего и вводится подобное законодательное регулирование. Однако существует весьма серьезная проблема, связанная с тем, что при совершении подобных преступлений не уделяется достаточно внимания тому, что они могут использоваться со злоупотреблением служебными полномочиями, что является отягчающим фактором.

Вся общественная опасность в незаконном предпринимательстве имеет свои представления о том, что лица, осуществляющие деятельность без ее регистрации, всячески нарушают установленный ранее гражданским законодательством порядок такого ведения [1]. Всю предпринимательскую деятельность необходимо осуществлять на основании ее прозрачности, добросовестности, а это подразумевает открытый характер и дальнейшие возможности в получении информации о том или ином юридическом лице и индивидуальном предпринимателе как со стороны их контрагентов, так и другими органами, осуществляющими контроль за деятельностью последних.

Предпринимательская деятельность, осуществляемая без лицензии, чревата выпуском некачественных продуктов и товаров, предоставлением услуг, не соответствующих общим требованиям безопасности, а также низким качеством с несоблюдением технологических процессов, что также может нарушить права потребителей.

Данные обстоятельства побудили в законодателе понимание того, что нужно предусмотреть уголовную ответственность за всю незаконную предпринимательскую деятельность в России, так как предпринимательская деятельность является источником пополнения бюджета нашей страны и дисциплинирует в плане оказания услуг надлежащего качества гражданам и обществу.

Вопросами по применению УК РФ об ответственности за незаконное предпринимательство без необходимой регистрации, а также без лицензии, с нарушением необходимых условий лицензирования всегда уделялось внимание в правовых источниках.

Законодатель, установив уголовную ответственность за деяния, предусмотренные ст. 169 УК РФ, подчеркивает важность защиты прав предпринимателей. Межу тем санкция ч.1 указанной статьи не предусматривает такой меры наказания, как лишение свободы, а в соответствии с санкцией ч. 2 наказание в виде лишения свободы предусмотрено только до 3-х лет. Все это вызывает большие вопросы, потому как преступление совершается должностным лицом, использующим при этом свое служебное положение.

Вызывает вопросы и несоответствие санкции, предусмотренной ст. 169 УК РФ, степени общественной опасности преступления. Максимально возможным наказанием по основному составу, закреплённому в ч. 1 ст. 169 УК РФ, являются обязательные работы на срок до 360 часов. В то время как общая норма по ч. 1 ст. 285 УК РФ предусматривает лишение свободы на срок до 4 лет. Можно ли при такой законодательной позиции говорить о реальной защите интересов субъектов предпринимательской деятельности?

Представляется целесообразным внести изменения в санкцию ст. 169 УК РФ, закрепив возможность привлечения к такому наказанию как лишение свободы на срок до 6 лет.

Представляется, что санкция ч. 1 ст. 169 УК должна быть ужесточена указанием на возможность назначения наказания в виде лишения свободы на срок до трех лет с одновременным лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на тот же срок, или со штрафом от 500 тысяч рублей до одного миллиона рублей.

Квалифицированное воспрепятствование законной предпринимательской деятельности следовало бы наказывать лишением свободы до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на тот же срок или со штрафом в размере от семисот тысяч рублей до одного миллиона рублей [2].

Анализ конструкции уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 170.2 УК РФ, позволяет сделать вывод, что она обладает рядом юридико-технических дефектов, которые негативным образом сказываются на ее эффективности [3].

Другим значимым недостатком уголовно-правовой нормы видится требование о необходимости наступления общественно опасных последствий в виде крупного ущерба, при этом крупным будет считаться ущерб на сумму более 2 миллионов 250 тысяч рублей.

Стоит отметить тот факт, что настолько высокий размер ущерба для основного состава, с точки зрения авторов, не будет соответствовать актуальным социально-экономическим условиям жизни российского общества. На практике легко может произойти ситуация, где потерпевший из-за фальсификаций кадастрового инженера может лишиться земельного участка, однако преследование по данной статье будет невозможным.

Вторая особенность заключается в том, что при подобной формулировке санкции не учитывается тот факт, что злоупотребления кадастрового инженера могут привести к нанесению не только имущественного, но и организационного вреда, а в определенных ситуациях экологического ущерба. Очевидно, что во всех описанных ситуациях использование данной санкции не является возможным.

Как результат, целесообразным видится изменение уголовно-правовой нормы, которая предусматривается в статье 170.2 УК РФ, где крупный ущерб требуется заменить на причинение вреда правам и законным интересам граждан и организаций, а также государства.

Уже неоднократно указывали на чрезмерно мягкую санкцию, которая содержится в рамках данной статьи Уголовного кодекса. Если сравнивать ее с близкими по смыслу нормами о злоупотреблении полномочиями, а также злоупотреблении полномочиями частными нотариусами и аудиторами, можно отметить факт невероятного снисхождения законодателя при формулировании данных санкций. В частности, ни в одном размере ущерба не идет и речи о наказании в виде лишения свободы.

Проанализируем условия применения освобождения от уголовной ответственности за ограничение конкуренции.

Примечание 3 к ст. 178 УК предусматривает освобождение от уголовной ответственности лица, если оно:

1) первым из числа соучастников преступления добровольно сообщило об этом преступлении;

2) активно способствовало его раскрытию и (или) расследованию;

3) возместило причиненный этим преступлением ущерб или иным образом загладило причиненный вред;

4) если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Первое условие освобождения от ответственности, закрепленное в примечании к статье 178 УК, подразумевает необходимость соблюдения очередности подачи сообщения о картеле, в частности, лицо должно быть первым среди всех соучастников, кто совершил преступление.

Дополнительно подчеркнем, что здесь рассматривается объективный критерий, если лицо будет полагать, что оно является первым, но на самом деле он был вторым или третьем, то первое условие освобождения от ответственности не соблюдается.

Сам факт установления первенства на практике будет подразумевать решение огромного перечня вопросов, в частности, времени обращения, подследственности органа и многих других. Важно понимать, что информацией о картеле уже может обладать антимонопольный орган [4].

Вторым важнейшим условием освобождения от ответственности является совершение действий, направленных на активное способствование раскрытию и расследованию преступления. Здесь требуется рассмотреть примечание ФАС, которая указала, что лицо не только должно сообщить о факте наступившего нарушения, а подкрепить эту информацию соответствующими документами, которыми не обладает сам орган [5].

Разумеется, активное способствование является субъективным признаком, где оценка сведений участника картельного соглашения формируется усилиями сотрудников правоохранительных органов в зависимости от того, насколько эти данные помогли в раскрытии преступления.

Приведем пример активного способствования раскрытию преступления. Группа компаний заявила в ФАС России о заключении недопустимого в соответствии с антимонопольным законодательством соглашения, приложив копии следующих документов, подтверждающих обстоятельства заключенного соглашения: государственных контрактов; договоров субподряда; платежных поручений, подтверждающих финансовую связь компаний; кадровых документов; копии документов на использование 1Т-инфраструктуры; договоры аренды/субаренды помещений (разных компаний на одно помещение); совпадающие заявки на участие в торгах. Кроме того, компаниями были проведены служебные расследования, установившие работников, непосредственно совершивших действия, повлекшие заключение и участие в антиконкурентном соглашении [6].

Третьим важным условием освобождения от уголовной ответственности является возмещение ущерба, нанесенного преступлением, либо другие формы заглаживания ущерба. Разумеется, в данной ситуации крайне актуальным становится вопрос конкретных вариантов возмещения ущерба, для начала требуется определить, речь идет о возмещении ущерба только за свои действия или за картель в целом. Отметим, что в законодательстве не закрепляется ответственность и необходимость возвращения дохода от картеля [7].

С точки зрения авторов, крайне важно обеспечить еще больше указанные условия освобождения от уголовной ответственности первого лица, который заявил о картеле и пошел на сотрудничество со следствием. Как вариант, можно освободить его от необходимости возмещать ущерб, либо требуется конкретизировать требования к возмещению ущерба, где будет содержаться указание о том, что нужно возмещать только тот ущерб, который нанес сам заявитель.

На сегодняшний день, если рассматривать формулировку «заглаживание вреда иным образом», то в рамках исследовательской литературы будет подразумеваться только перечисление определенной суммы извлеченного дохода, в связи с чем крайне важным видится определение конкретных мер, которые могут использоваться для восстановления нарушенных преступлением прав и интересов потерпевшего.

Совершенно обоснованно возникает вопрос: в каком объеме должен быть возмещен ущерб: причиненный только этим лицом или картелем в целом? При этом законодатель не указал на необходимость возвращения дохода от картеля. Можно только предположить, что понятие «любым образом загладить вред» в примечании 3 к ст. 178 УК поглощает понятие «возвратить незаконно полученный доход». Полагаем относительно данного вопроса должно быть принято соответствующие Постановление Пленума Верховного Суда, разъясняющее размер и порядок возмещения ущерба.

Список источников

1. Уголовное право. Особенная часть в 2 т. Том 1: учебник для вузов / И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2020. С.212.

2. Казакова В.А., Кораблёва С.Ю. Статья 169 Уголовного кодекса Российской Федерации - имитация защиты предпринимательской деятельности // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2020. №4. С.928.
3. Решитов А.М. Уголовно-правовая норма об ответственности за кадастровый подлог (СТ. 170.2 УК РФ) требует доработки // ЮП. 2021. №3 (98). С.117.
4. Кузнецов А.В. Проблемы освобождения от уголовной ответственности в соответствии с примечанием 3 статьи 178 уголовного кодекса РФ // Общество: политика, экономика, право. 2016. №1. С.59.
5. Максимов С. В., Утаров К. А. Уголовная политика в сфере защиты конкуренции: цели и возможности. Монография / Под ред. В. П. Заварухина. М.: ИПРАН РАН. 2018. С. 36.
6. Деревягина, О. Е. К вопросу об освобождении от уголовной ответственности за преступное ограничение конкуренции (ст. 178 УК РФ) // Национальная безопасность / Nota Bene. 2021. № 4. С. 1-13.
7. Иващенко К.А. Проблемы самовоспроизводства картелей // Российское конкурентное право и экономика. 2018. № 4 (16). С. 20.

References

1. Criminal law. Special part in 2 volumes. Volume 1: textbook for universities / I. Ya. Kozachenko, G. P. Novoselov. 2nd ed., revised. and additional. Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. P. 212. (In Russ.)
2. Kazakova V.A., Korableva S.Yu. Article 169 of the Criminal Code of the Russian Federation - imitation of protection of entrepreneurial activity. *Bulletin of St. Petersburg State University.* Iss 14. Law. 2020. No. 4:928. (In Russ.)
3. Reshitov A.M. The criminal law norm on liability for cadastral forgery (Article 170.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) requires improvement. *YuP.* 2021. No. 3 (98):117. (In Russ.)
4. Kuznetsov A.V. Problems of exemption from criminal liability in accordance with Note 3 of Article 178 of the Criminal Code of the Russian Federation*. Society: politics, economics, law*. 2016. No. 1: 59. (In Russ.)
5. Maksimov S.V., Utarov K.A. Criminal policy in the field of competition protection: goals and opportunities. Monograph / Ed. V. P. Zavarukhina. M.: IPRAN RAS. 2018: 36. (In Russ.)
6. Derevyagina O. E. On the issue of exemption from criminal liability for criminal restriction of competition (Article 178 of the Criminal Code of the Russian Federation). *National Security / Nota Bene*. 2021. No. 4: 1-13. (In Russ.)
7. Ivashchenko K.A. Problems of self-reproduction of cartels. *Russian competition law and economics*. 2018. No. 4 (16):20 (In Russ.)

Информация об авторах

Василенко Н.А. – старший преподаватель, адвокат
Цымлянская О. А. – кандидат юридических наук, доцент

Information about the authors

Vasilenko N. A.– Senior Lecturer, Lawyer
Tsymlyanskaya O.A. – Candidate of Law, Associate Professor

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.02.2024; одобрена после рецензирования 22.02.2024; принята к публикации 26.02.2024. The article was submitted 08.02.2024; approved after reviewing 22.02.2024; accepted for publication 26.02.2024

Научная статья
УДК 343.9
DOI: https://orcid.org/0000-0003-4607-5086

Проблемы реализации конституционных гарантий при производстве осмотра мобильных устройств в рамках уголовного судопроизводства

© Демидченко Ю.В., 2024

Юрий Викторович Демидченко
Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, Ростов-на-Дону, Россия. ydemid_76@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено проблемам реализации конституционных гарантий при проведении осмотра мобильных устройств в рамках уголовного судопроизводства, а также необходимости процессуальной регламентации порядка осмотра и изъятия сведений, находящихся в мобильном устройстве.

Ключевые слова: осмотр мобильного устройства, осмотр телефона, конституционные гарантии, следственное действие

Для цитирования: Демидченко Ю.В. Проблемы реализации конституционных гарантий при производстве осмотра мобильных устройств, в рамках уголовного судопроизводства // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 3 (166). С.85-88

Original article

Problems of implementing constitutional guarantees when inspecting mobile devices in criminal proceedings

Yury V. Demidchenko
Rostov Branch of Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article studies the problems of implementing constitutional guarantees during the inspection of mobile devices within the framework of criminal proceedings, as well as the need for procedural regulation of the procedure for inspection and seizure of information contained in a mobile device.

Keywords: inspection of a mobile device, inspection of a phone, constitutional guarantees, investigative action

For citation: Demidchenko Yu.V. Problems of implementing constitutional guarantees when inspecting mobile devices in criminal proceedings. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.3 (166):85-88 (In Russ.)

Конституция РФ каждому гарантирует право на неприкосновенность частной жизни, право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Эти права являются естественными и неотъемлемыми и могут быть ограничены судом при наличии на то оснований и в порядке, установленном процессуальным законодательством.

Существование и развитие демократического государства возможны в условиях, при которых издаваемые органами федеральной власти и уже действующие нормативные акты не противоречат основному закону государства.

Обозначенные выше конституционные гарантии направлены на запрет вторжения в частную жизнь, а таже получение доступа к передаваемой гражданами информации с применением портативных электронных устройств, третьими лицами, при отсутствии на то законных оснований. Современные портативные электронные устройства, к которым, исходя из специфики складывающихся отношений в рамках уголовного судопроизводства, мы относим мобильны телефоны, смартфоны, планшеты, позволяют хранить достаточно большой массив персональных данных, доступ к которым ограничивается их владельцем различными способами защиты, имеющимися в портативном электронном устройстве функциями.

В определенных обстоятельствах содержащиеся в портативном электронном устройстве сведения могут относиться к предмету доказывания по уголовному делу. Однако, как показывает анализ теории и правоприменительной практики, отсутствует единство мнений в соблюдении конституционных прав граждан при получении сведений, содержащихся в портативном электронном устройстве, в рамках проводимых следственных действий.

Ряд авторов указывает на то, что сведения, содержащиеся в мобильном устройстве, могут быть получены для целей доказывания по уголовному делу только при добровольном согласии владельца либо на основании судебного решения [3, с. 102; 4, с. 11; 7, с. 125]. По мнению других ученых, исследовавших рассматриваемую проблему, судебное решение не требуется при осмотре портативного электронного устройства [6, с. 97; 2, с. 100]. Третьи указывают на правомерность доступа к информации, содержащейся в мобильном устройстве, – соблюдение уголовно-процессуальной процедуры его изъятия [5, с. 30].

Проведенный нами опрос сотрудников следственных подразделений МВД и следственного комитета в основном подтвердил результаты, к которым пришла в своем исследовании Гаас Н. Н. [5, с. 30].

Вместе с тем, в рамках исследования был проведен опрос адвокатов, условно разделенных на две группы: первую составили адвокаты, принимающие участие в защите подозреваемых (обвиняемых) и не проходивших службу в системе правоохранительных органов, вторую группу составили бывшие сотрудники следственных подразделений, которые получили статус адвоката и осуществляют практику по уголовным делам в качестве защитника. В результате опроса 86 % первой группы респондентов указывали на наличие нарушения конституционных прав лица при осмотре портативного электронного устройства без разрешения на то суда, оставшиеся 14 % отметили нецелесообразность обжалования действий должностных лиц органов предварительного расследования, несмотря на то, что и они видят прямое нарушение конституционных гарантий при производстве осмотра сведений, хранящихся в мобильных устройствах, в рамках уголовного судопроизводства. Вторая группа обозначенных нами адвокатов в 67% случаях указала на нарушение конституционных гарантий в исследуемом вопросе.

Как мы видим, в условиях правовой неопределенности подвергнутые нами опросу участники досудебного производства занимают ту позицию, которая им выгодна исходя из выполняемых ими функций. Такая позиция сторон весьма оправдана, сотрудники следственных подразделений исходят из требований уголовно-процессуального законодательства, который не содержит указания на необходимость получения согласия суда на осмотр мобильного устройства, а также позиции Конституционного суда, который в своем определение от 25 января 2018 г. № 189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» не усматривает в исследуемых правоотношениях нарушение конституционных прав гражданина и не требуется вынесение специального судебного решения о проведении осмотра и экспертизы абонентских устройств, изъятых при проведении следственных действий в целях получения информации, которая имеет значение для уголовного дела. Вместе с тем, Суд предоставляет возможность обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ действий и решения следователя при производстве осмотра мобильного устройства, если лицо посчитает, что причинили ущерб его конституционным правам.

Если проанализировать сущность обстановки, при которых производится осмотр данных, содержащихся в портативном электронном устройстве, то можно сказать, что в большинстве случаев следователь действует в обстановке, не терпящей отлагательства, когда необходимо проявить наступательность в организации расследования, направленной на установление соучастников, следов преступления в кратчайшие сроки. Следователю не только необходимо процессуально верно зафиксировать факт обнаружения и изъятия портативного электронного устройства, но и сведений, содержащихся в нем, так как они могут быть уничтожены дистанционно с привязанных к осматриваемому объекту устройств, а получение согласия суда на проведение осмотра данных мобильного устройства может повлечь за собой утрату доказательственной информации по уголовному делу.

В данном контексте позиция Конституционного Суда РФ вполне обоснована, но, представляется, все же должна быть пересмотрена. Так как ограничение любого конституционного права возможно только при осуществлении судебного контроля за обоснованностью и законностью деятельности должностных лиц государственных органов.

Портативное электронное устройство, к которому мы отнести мобильное устройство, смартфон, планшет, есть предмет, который может быть идентифицирован по своим общим и частным признакам, содержащий в своей памяти данные, как относящиеся к охраняемым Конституцией РФ правам и свободам человека и гражданина, так и неохраняемым, что существенно отличает рассматриваемый предмет от других предметов и документов, подвергающихся осмотру в ходе уголовного судопроизводства.

Разграничить в момент изучения данные, содержащиеся в мобильном устройстве, смартфоне, планшете, невозможно, так как для этого необходимо открыть и проанализировать находящуюся в устройстве информацию. Поэтому считаем, что судебный контроль за законностью проведения осмотра портативного электронного устройства должен присутствовать при каждом случае осмотра сведений, содержащихся в нем.

Практика расследования уголовных дел показывает, что осмотр мобильного устройства может проводиться как самостоятельное следственное действие (осмотр предмета), так и в рамках других следственных действий, предусмотренных УПК РФ.

Во всех случаях осмотра портативного электронного устройства можно выделить его внешний осмотр, с указанием общих и частных признаков, проводимый по общим правилам осмотра предметов [8, с. 61], и осмотр данных, содержащихся в самом устройстве.

Относительно второго выделенного нами осмотра в уголовно-процессуальной науке нет единой точки зрения о порядке его производства. Ряд авторов указывают, что осмотр данных телефона – это часть следственного действия и судебное разрешение на изучение и изъятие информации, хранящейся в мобильном устройстве, не нужно [5, с.30]. Другие ученые полагают, что в УПК РФ отсутствуют нормы, регламентирующие проведение извлечения данных из электронных устройств [1, с. 24].

Согласиться с данными точками зрения весьма трудно, исходя из положений ч.1 ст.176 УПК РФ осмотр предметов производится в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. В связи с чем мы предлагаем относить портативные электронные устройства к предметам, которые, как было сказано выше, имеют свои внешние идентификационные признаки и содержат в своей памяти сведения, имеющие значение для уголовного дела.

При проведении следственных действий и обнаружении портативных электронных устройств должностное лицо, его проводящее, описывает обнаруженный предмет в соответствии с требованиями УПК РФ и по правилам, разработанным криминалистикой. В случаях, не терпящих отлагательства, когда необходимо получить данные, хранящиеся в портативном электронном устройстве, должностное лицо, проводящее следственное действие, должно завершить производство следственного действия, при котором было обнаружено портативное электронное устройство, и провести его осмотр как отдельное следственное действие, либо дать поручение о проведении осмотра портативного электронного устройства члену следственно-оперативной группы, либо произвести вызов следователя на место проведения следственного действия и дать отдельное поручение о проведении осмотра обнаруженного объекта. Во всех случаях осмотра портативного электронного устройства необходимо участие специалиста, которого необходимо предупредить об уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ.

Исходя из нашей позиции о судебном контроле при осмотре данных, находящихся в портативном электронном устройстве, должностному лицу, проведшему данное следственное действие в условиях, не терпящих отлагательства, необходимо уведомлять суд по правилам, предусмотренным ч. 5 ст. 165 УПК РФ. При осмотре портативного электронного устройства в отсутствии условий, не терпящих отлагательств, должностное лицо должно получить разрешение суда на его осмотр в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 165 УПК РФ.

Для процессуального закрепления вышеобозначенной процедуры предлагаем дополнить ч. 2 ст. 29 УПК РФ пунктом 4.1, сформулировав его следующим образом: «о производстве осмотра портативного электронного устройства (мобильного устройства, смартфона, планшета)». Дополнить ч. 5 ст. 165 УПК РФ после слов «В исключительных случаях, когда производство осмотра жилища, ….» следующими словами «……осмотра портативного электронного устройства (мобильного устройства, смартфона, планшета),…».

В исследовании сформулирован предмет, который подвергается особым правилам осмотра, поэтому в УПК РФ необходимо закрепить уголовно-процессуальную процедуру осмотра портативного электронного устройства (мобильного устройства, смартфона, планшета).

Поддерживая предложение Гаас Н. Н. о необходимости дополнения УПК РФ новым следственным действием и разработкой процессуального порядка осмотра мобильного устройства [5, с. 31] считаем необходимым изменить название статьи, предлагаемой Гаас Н. Н., и дополнить процессуальный порядок производства осмотра исследуемого нами предмета. Предлагаем назвать статью «Осмотр данных, содержащихся в портативном электронном устройстве (мобильном устройстве, смартфоне, планшете)», указать, что основанием производства осмотра данных, содержащихся в портативном электронном устройстве (мобильном устройстве, смартфоне, планшете), является наличие достаточных данных полагать, что в нем могут находиться сведения, которые могут иметь значение для уголовного дела, расширить круг субъектов, имеющих право проводить осмотр портативного электронного устройства, к которым, помимо следователя, следует отнести сотрудника органа дознания, дознавателя. Осмотр данных, содержащихся в портативном электронном устройстве (мобильном устройстве, смартфоне, планшете), проводится на основании решения суда. Участие специалиста в осмотре данных, содержащихся в портативном электронном устройстве, обязательно. Лица, участвующие в проведении осмотра данных, содержащихся в портативном электронном устройстве (мобильном устройстве, смартфоне, планшете), предупреждаются об уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ.

Включить в перечень объектов, которые могут быть подвергнуты осмотру до возбуждения уголовного дела, предусмотренных ч. 2 ст. 176 УПК РФ, портативные электронные устройства (мобильное устройство, смартфон, планшет).

В ч. 2 ст. 177 УПК РФ после слов: «Осмотр следов преступления….» включить «… осмотр данных, содержащихся в портативном электронном устройстве (мобильном устройстве, смартфоне, планшете)».

Предоставить следователю право самостоятельно принимать решение об участии понятых при осмотре данных, содержащихся в портативном электронном устройстве (мобильном устройстве, смартфоне, планшете), что закрепить в ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ.

Список источников

1. Багмет А.М., Скобелин С.Ю. Извлечение данных из электронных устройств как самостоятельное следственное действие // Право и кибербезопасность. 2013. № 2.
2. Багмет А.М., Скобелин С.Ю. Пределы ограничения конституционных прав граждан в ходе осмотра сотовых телефонов участников уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2017. № 6.
3. Бикмиев Р.Г., Бурганов Р.С. Выемка и осмотр электронных устройств // Уголовное право. 2018. № 1.
4. Бычков В.В. Соблюдение прав граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений при проверке сообщений о преступлениях и в ходе их расследования // Российский следователь. 2013. № 24
5. Гаас Н.Н. Осмотр изъятого мобильного устройства: проблемы правоприменения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 4
6. Земцова С.И. Участие специалиста в раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ: Дис. … канд. юрид. наук. М., 2017
7. Черепанова Л.В. О процессуальных проблемах осмотра, копирования электронного сообщения до возбуждения уголовного дела // Алтайский юридический вестник. 2017. № 3 (19)
8. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара, 2004

References

1. Bagmet A.M., Skobelin S.Yu. Extracting data from electronic devices as an independent investigative action. *Law and cybersecurity*. 2013. No. 2. (In Russ.)
2. Bagmet A.M., Skobelin S.Yu. Limits of restrictions on the constitutional rights of citizens during the inspection of cell phones of participants in criminal proceedings. *Criminal Law*. 2017. No. 6. (In Russ.)
3. Bikmiev R.G., Burganov R.S. Seizure and inspection of electronic devices. *Criminal law.* 2018. No. 1. (In Russ.)
4. Bychkov V.V. Respect for the rights of citizens to privacy, personal and family secrets, secrecy of correspondence, telephone conversations, postal, telegraph and other messages when checking reports of crimes and during their investigation. *Russian investigator*. 2013. No. 24 (In Russ.)
5. Gaas N.N. Inspection of a seized mobile device: problems of law enforcement. *Bulletin of the Ural Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2019. No. 4 (In Russ.)
6. Zemtsova S.I. Participation of a specialist in the detection and investigation of crimes related to the illegal trafficking of narcotic drugs, psychotropic and potent substances: Dis. ...cand. legal Sci. M., 2017 (In Russ.)
7. Cherepanova L.V. On procedural problems of inspection, copying of an electronic message before initiating a criminal case. *Altai Legal Bulletin.* 2017. No. 3 (19) (In Russ.)
8. Shafer S.A. Investigative actions. Grounds, procedural order and evidentiary value. Samara, 2004

Информация об авторе

Ю.В. Демидченко – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права

Information about the author

Yu.V. Demidchenko – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of the Criminal Procedure Law

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 23.01.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 26.02.2024. The article was submitted 23.01.2024; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 26.02.2024

Научная статья
УДК 343.8

О несовершенстве уголовно-исполнительного законодательства в части реализации права на юридическую помощь осужденных к лишению свободы

© Д.С. Исакова, 2024

Дарья Сергеевна Исакова
УФСИН России по Сахалинской области, г. Южно-Сахалинск, Россия. mxkx@yandex.ru

Аннотация. Осуществление осуждённым к лишению свободы конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи на практике претерпевает множество проблем. Российским законодательством установлено право осужденных на свидания с адвокатами и иными лицами, имеющими право её оказывать. Однако по поводу термина «иные лица» нет никаких пояснений на законодательном уровне. Исходя из этого считаем необходимым определить перечень таких лиц и среди них предусмотреть представителей некоммерческих организаций, имеющих высшее юридическое образование. Касаемо требований к помещению и его условиям для проведения свиданий осуждённого с адвокатами, иными лицами, которые имеют право на оказание юридической помощи, по нашему мнению, наблюдаются недоработки законодателя, в связи с чем в статье сформулированы предложения по изменению законодательства.

Ключевые слова: юридическая помощь, адвокат, осуждённый, свидание, исправительное учреждение, представитель администрации исправительного учреждения, уголовно-исполнительное законодательство, представители некоммерческих организаций

Для цитирования: Исакова Д.С. О несовершенстве уголовно-исполнительного законодательства в части реализации права на юридическую помощь осужденных к лишению свободы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. №3(166). С.89-92

Original article

On the imperfection of the penal enforcement legislation in terms of the exercising of the right to legal assistance of persons sentenced to imprisonment

Darya S. Isakova
Federal Penitentiary Service of Russia for the Sakhalin region, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia. mxkx@yandex.ru

Abstract: The exercise of the constitutional right to receive qualified legal assistance by a person sentenced to imprisonment in practice undergoes many problems. Russian legislation establishes the right of convicts to meet with lawyers and other persons who have the right to provide it. However, there is no explanation at the legislative level regarding the term "other persons". Based on this, we consider it necessary to determine the list of such persons and among them to provide representatives of non-profit organizations with higher legal education. With regard to the requirements for the premises and its conditions for conducting visits of the convicted person with lawyers, other persons who have the right to provide legal assistance, in our opinion, there are shortcomings of the legislator, in connection with which the article formulates proposals for changing the legislation.

Keywords: legal assistance, lawyer, convict, date, correctional institution, representative of the correctional institution administration, penal enforcement legislation, representatives of non-profit organizations

For citation: Isakova D.S. On the imperfection of the penal enforcement legislation in terms of the exercising of the right to legal assistance of persons sentenced to imprisonment. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.3 (166):89-92 (In Russ.)

Ч. 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации [1] провозглашает право каждого на получение квалифицированной юридической помощи. Поэтому Федеральная служба исполнения наказаний несёт на себе бремя по созданию и обеспечению всех необходимых условий с целью реализации данного конституционного положения.

Бесспорно, что, находясь в местах лишения свободы, указанное право для осуждённых представляет собой особую ценность, особенно для тех, кто имеет низкий уровень образованности и не способен сам защищать свои законные права и интересы.

Среди осуждённых распространено ложное убеждение о том, что администрация исправительного учреждения обязана предоставить квалифицированную юридическую помощь, должна приглашать адвоката, иных уполномоченных лиц, в том числе для того, чтобы составлять исковые заявления

в суд, которые подаются против самой же администрации, обеспечить присутствие адвоката, когда происходит рассмотрение материала об его привлечении к мерам дисциплинарной ответственности.

Исходя из смысла ч. 1 ст. 12 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) [2] администрация исправительного учреждения должна осуществить предоставление осужденным информации о том, какими правами они наделены, какие обязанности на них возложены, а также о порядке и условиях отбывания наказания. Но на ней не лежит обязанность по подготовке документов процессуального характера для дальнейшего обращения в рамках гражданского или административного судопроизводства. А также администрации исправительного учреждения не консультирует по правовым вопросам, которые не имеют отношения к условиям отбывания наказания.

В обязанности администрации исправительного учреждения не входит: оповещение адвоката осужденного или иного лица, правомочного оказывать квалифицированную юридическую помощь, о том, что осуждённому предъявлено дисциплинарное обвинение, уведомлять о времени и месте рассмотрения вопроса относительно применения дисциплинарного взыскания.

В соответствии с положениями уголовно-исполнительных норм, лица, которые лишены свободы, могут в целях получения юридической помощи обращаться к услугам адвокатов, а также юридическим услугам иных лиц, имеющим право её оказывать (п. 8 ст. 12 и ч. 4 ст. 89 УИК РФ).

Полагаем, что к «иным лицам» относятся представители некоммерческих организаций, имеющих высшее юридическое образование, ввиду того что на сегодняшний день наблюдается активность общественных наблюдательных комиссий по контролю за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания (далее – комиссии). На законодательном уровне работа указанных комиссий детально регулируется Федеральными законами от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об общественной палате Российской Федерации» [3], от 10.06.2008 № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» [4]. Комиссии проводят общественный контроль, непосредственно прибыв в места принудительного содержания, рассматривая предложения, обращения, заявления и жалобы самих осужденных, сторонних лиц, владеющих информацией о том, что их права были нарушены [5, с.298].

В научных кругах существует мнение о том, что если иное лицо принимает участие со стороны защиты, то свидание предоставляется при условии наличия соответствующего определения или постановления суда и документа, которое удостоверяет личность [6, с.172]. На наш взгляд, закрепление такого положения в действующем законодательстве приведёт к увеличению нагрузки судов.

Наиболее приемлемым вариантом считаем предложение М.М. Попович [7, с.73], который предлагает видоизменять не порядок допуска рассматриваемых лиц, а их перечень.

Как было отмечено ранее, поскольку в законодательстве нет указания на то, кого следует относить к «иным лицам», то предлагается к ним также относить представителей некоммерческих организаций помощи осужденным, имеющих высшее юридическое образование и доверенность на представление их интересов [8, с.346].

Однако стоит упомянуть о функционировании юридических клиник, открываемых при высших учебных заведениях, преследующих цель оказывать правовую помощь и просвещать население по правовым вопросам, которые также обладают правом осуществлять бесплатную юридическую помощь осуждённым к лишению свободы. Сущность их деятельности заключается в том, что они предоставляют минимум правовых знаний осуждённым, дают информацию о средствах защиты, к которым они могут прибегнуть. Однако если осуждённый обладает низким уровнем образования, он не сможет определить, какие из них будут действенными в его случае. По этой причине автор полагает, что такую помощь вряд ли можно назвать квалифицированной.

Далее рассмотрим вопрос относительно предоставления свиданий, на которые имеют право все осужденные, вне зависимости от их поведения и условий отбывания наказания.

Право на предоставление свиданий настолько возведено в ранг необходимых для осуждённого, что, даже если последний заболел инфекционным заболеванием и находится на карантине, это не является обстоятельством, ограничивающим его предоставление. В судебной практике известен случай, когда осуждённый находился в тяжёлом состоянии в период пандемии коронавирусной инфекции, но апелляционный суд решил, что такое состояние не составляет основание, влекущее отказ в предоставлении свидания.

В соответствии с подп. 2 п. 1 ст. 7 и п. 1 ст. 26 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 24.07.2023) "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" [9] (далее - Закон об адвокатуре) установлено оказание бесплатной юридической помощи гражданам РФ, в тех случаях, которые предусмотрены Федеральным законом от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [10] (далее – Закон о бесплатной юридической помощи). В указанных ситуациях её предоставление является не правом, а выступает обязанностью адвоката.

Необходимо подчеркнуть, что осужденные непосредственно не указаны в Законе о бесплатной юридической помощи в качестве субъекта получения бесплатной юридической помощи, исключение составляют несовершеннолетние осуждённые. Таковыми они будут являться, если будет установлена их принадлежность к категории лиц, закреплённых в ст.20 Закона о бесплатной юридической помощи. Но на практике возникают сложности относительно установления статуса осуждённого в качестве, например, малоимущего, порой это объективно невозможно. Видится необходимым законодательно закрепить соответствующий механизм.

Для того чтобы исключить разнообразные подходы к трактовке механизма осуществления права осужденного к лишению свободы на бесплатную юридическую помощь, предлагаем изложить ч. 8 ст. 12 УИК РФ в новой редакции: «8. Для получения квалифицированной юридической помощи, осужденные имеют право обращаться к услугам адвокатов, а также иных лиц, имеющих право на оказание такой помощи, представителей некоммерческих организаций помощи осужденным, имеющих высшее юридическое образование, в том числе на бесплатной основе в случаях, определённых в Федеральном законе «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации [11, с.137].

Исследуя вопрос об оказании бесплатной юридической помощи лицам, осужденным к лишению свободы, выделим ряд трудностей, связанных с процессом их предоставления.

А.М. Смирнов [12, с.171] в качестве основных выделяет следующие:

- отсутствие возможности организовать встречу осужденного для оказания юридической помощи с адвокатом, когда он находится в процессе этапирования;
- невозможность встречи с клиентом, который находится в местах лишения свободы, в выходные и праздничные дни, в течение которых зачастую с осуждённым могут возникнуть неблагоприятные события, которые тоже могут потребовать оказание оперативной юридической помощи;
- отсутствие в исправительном учреждении на месте представителя администрации, который уполномочен на подписание документов, необходимых для прохождения на режимную территорию;
- иные случаи, когда представители администрации исправительных учреждений необоснованно препятствуют встречи адвоката с осужденным.

Кроме того, отдельно стоит остановиться на экономическом аспекте оказания бесплатной юридической помощи рассматриваемой категории лиц. Оплата труда и компенсации расходов адвокатов, которые участвуют в государственной системе бесплатной юридической помощи, производится из бюджета соответствующего региона. Помимо этого, адвокатам за счет средств адвокатской палаты предоставляется дополнительное вознаграждение. В любом случае речь идёт о незначительных суммах, поэтому зачастую к оказанию такой помощи привлекаются молодые специалисты, которые не имеют ещё такого уровня опыта, как зрелые. Это обстоятельство, на наш взгляд, напрямую влияет на качество оказываемой помощи.

Вместе с тем не всегда именно размер материального вознаграждения является причиной для того, чтобы адвокат не принимал участие в оказании бесплатной юридической помощи, непривлекательность данного процесса обусловлена тем, что для получения оплаты своего труда адвокату необходимо подготовить и предоставить отчётность, что занимает время.

Итак, определённо, оплата труда адвокатов, осуществляющих оказание бесплатной юридической помощи, должна соответствовать рыночной стоимости юридических услуг и ставкам, которые устанавливаются федеральными нормативными актами для адвокатов по назначению в уголовном судопроизводстве.

Осуждённый может инициировать, чтобы свидание с адвокатом осуществлялось без присутствия посторонних лиц, при отсутствии возможности их прослушивать третьими лицами, без использования каких-либо технических средств, предназначенных для прослушивания. Вместе с тем законом не запрещено визуально вести наблюдение за процессом свидания осужденного и адвоката.

Законодательство устанавливает запрет на пронос технических средств связи, технических средств (устройств), имеющих возможность осуществлять киносъемку, аудио- и видеозапись, на территорию места содержания под стражей.

На практике свидания проводятся в разного типа помещениях, даже тех, которые предназначены для длительных свиданий, но они не отличаются безопасностью, так как даже не содержат устройства тревожной сигнализации.

Исходя из этого, автору близка позиция С.Н. Сухарева [6, с.173], который предлагает законодательно регламентировать требования к помещению для проведения свиданий осужденных с адвокатами и лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, а именно: должны соответствовать санитарным требованиям, иметь средства связи и тревожной сигнализации, оснащены копировально-множительной техникой и персональным компьютером без выхода в сеть Интернет.

С целью решения проблем, обозначенных в настоящей статье, требуется детальное нормативно-правовое закрепление механизма по предоставлению осужденным к лишению свободы юридической помощи как на платной основе, так и бесплатно.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс».
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 24.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.12.2023) // СПС «Консультант Плюс».
3. Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ (ред. от 13.06.2023) "Об Общественной палате Российской Федерации" // СПС «Консультант Плюс».
4. Федеральный закон от 10.06.2008 № 76-ФЗ (ред. от 05.12.2022) "Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания" (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.06.2023) // СПС «Консультант Плюс».
5. Дуничева Т. А. Право осужденных на получение юридической помощи: субъекты и особенности осуществления // Молодой ученый. 2023. № 47 (494).
6. Сухарев С.Н. Рассогласованность норм уголовно-исполнительного законодательства при реализации прав осужденных на юридическую помощь // Право и государство: теория и практика. 2020. №10
7. Попович, М. М. Оказание юридической помощи лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы // Вестник Российской правовой академии. 2017. № 1.
8. Исакова Т.И. К вопросу об иных лицах, имеющих право на оказание юридической помощи // Вестник науки 2023. №11 (68).
9. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 24.07.2023) "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" // СПС «Консультант Плюс».
10. Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. от 25.12.2023) "О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) // СПС «Консультант Плюс».
11. Жиляев Р.М., Сайфуллин Р.Р. Бесплатная юридическая помощь как гарантия защиты прав и законных интересов осужденных к лишению свободы // Социально-политические науки. 2018. №2.
12. Смирнов А.М. Вопросы предоставления осужденным к лишению свободы бесплатной юридической помощи и пути их решения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. №2

References

1. The Constitution of the Russian Federation (ad. by popular vote on December 12, 1993). Consultant Plus
2. Criminal Executive Code of the Russian Federation dated 01/08/1997 No. 1-FZ (as amended on 06/24/2023) (as amended and supplemented, entered into force on 12/11/2023) // SPS "Consultant Plus".
3. Federal Law of April 4, 2005 No. 32-FZ (as amended on June 13, 2023) "On the Public Chamber of the Russian Federation" // SPS "Consultant Plus". (In Russ.)
4. Federal Law of June 10, 2008 No. 76-FZ (as amended on December 5, 2022) "On public control over the provision of human rights in places of forced detention and on assistance to persons in places of forced detention" (as amended and additional., entered into force on 06/04/2023) // SPS "Consultant Plus". (In Russ.)
5. Dunicheva T. A. The right of convicts to receive legal assistance: subjects and features of implementation. *Young scientist*. 2023. No. 47 (494). (In Russ.)
6. Sukharev S.N. Inconsistency in the norms of penal legislation in the implementation of the rights of convicts to legal assistance. *Law and State: Theory and Practice.* 2020. No. 10 (190). (In Russ.)
7. Popovich, M. M. Providing legal assistance to persons serving a sentence of imprisonment. *Bulletin of the Russian Legal Academy*. 2017. No. 1. (In Russ.)
8. Isakova T.I. On the issue of other persons who have the right to provide legal assistance. *Bulletin of Science.* 2023. No. 11 (68). (In Russ.)
9. Federal Law of May 31, 2002 No. 63-FZ (as amended on July 24, 2023) "On advocacy and advocacy in the Russian Federation" // SPS "Consultant Plus". (In Russ.)
10. Federal Law of November 21, 2011 No. 324-FZ (as amended on December 25, 2023) "On free legal assistance in the Russian Federation" (entered into force on January 1, 2024) // SPS "Consultant Plus".
11. Zhilyaev R.M., Saifullin R.R. Free legal assistance as a guarantee of protecting the rights and legitimate interests of those sentenced to imprisonment. *Socio-political sciences.* 2018. No. 2. (In Russ.)
12. Smirnov A.M. Issues of providing free legal assistance to those sentenced to imprisonment and ways to solve them. *Humanitarian, socio-economic and social sciences.* 2021. No. 2 (In Russ.)

Информация об авторе

Д. С. Исакова – помощник начальника управления по правовой работе - начальник юридической службы

Information about the author

D.S. Isakova – Assistant to the Head of the Legal Work Department – Head of the Legal Service

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The authors declare no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 04.02.2024; одобрена после рецензирования 22.02.2024; принята к публикации 26.02.2024. The article was submitted 04.02.2024; approved after reviewing 22.02.2024; accepted for publication 26.02.2024

Научная статья
УДК 343

Эволюция применения биометрических технологий в сфере криминалистического распознавания личности, на примере исследований кисти руки человека (от дактилоскопии до васкулярной идентификации)

© О.И. Лозинский, 2024

Олег Иванович Лозинский
Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия. oleg.lozz@yandex.ru

Аннотация. В статье изложены характеризующая информация и результаты авторского анализа проявлений эволюционных процессов развития и повышения эффективности применения биометрических технологий в сфере криминалистического распознавания личности, на примере исследований кисти руки человека (от дактилоскопии до васкулярной идентификации). В публикации приводятся наиболее значимые положения (теоретического и эмпирического характера) содержания методологии названных биометрических технологий, дается оценка их криминалистической значимости (научной и эмпирической) в сфере криминалистического распознавания личности.

Ключевые слова: криминалистическое распознавание личности по венозному рисунку кистей; биометрические технологии; дактилоскопия; папиллярные узоры; васкулярная идентификация; мультибиометрические системы; биометрический шаблон; бинаризация; корреляция; цифровая фильтрация; дискретизация

Для цитирования: Лозинский О.И. Эволюция применения биометрических технологий в сфере криминалистического распознавания личности, на примере исследований кисти руки человека (от дактилоскопии до васкулярной идентификации) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 3 (166). С.93-99

Original article

The evolution of the use of biometric technologies in the field of forensic personality recognition using the example of human hand research (from fingerprinting to vascular identification)

Oleg I. Lozinsky
South Russia Institute of Administration – the Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service, Rostov-on-Don, Russia. oleg.lozz@yandex.ru

Abstract. The article presents the characterizing information and the results of the author's analysis of the manifestations of the evolutionary processes of development and increasing the effectiveness of the use of biometric technologies in the field of forensic personality recognition, using the example of studies of the human hand (from fingerprinting to vascular identification). The publication presents the most significant provisions (theoretical and empirical) of the content of the methodology of these biometric technologies, and assesses their forensic significance (scientific and empirical) in the field of forensic personality recognition.

Keywords: forensic identification of personality by venous brush pattern; biometric technologies; fingerprinting; papillary patterns; vascular identification; multibiometric systems; biometric template; binarization; correlation; digital filtering; sampling

For citation: Lozinsky O.I. The evolution of the use of biometric technologies in the field of forensic personality recognition, using the example of human hand research (from fingerprinting to vascular identification). *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.3 (166):93-99 (In Russ.)

Возможность обоснованного и достоверного криминалистического распознавания личности постоянно находится в сфере интересов и повышенного внимания правоохранительных и других специализированных государственных органов. Подавляющее большинство преступных проявлений всегда носили и носят преимущественно субъективный характер, т.е. и планируются и реализуются конкретными людьми, которые, в свою очередь, имеют индивидуальные биометрические характеристики, позволяющие установить (распознать) их личность. Эффективная возможность достоверного криминалистического распознавания личности правонарушителя позволит профильным государственным органам организовать и реализовывать антикриминалистическое противодействие более избирательно (где-то даже на уровне профилактики), с меньшей необходимостью применения мер, связанных с

ограничением граждан в конституционных правах и т.п., при этом деятельность специализированных государственных органов будет намного эффективнее, результативнее, а процесс ее реализации будет намного безопаснее как для окружающих, так и для самих сотрудников.

Возможность достоверного установления личности субъекта, причастного к противоправной деятельности (либо потенциально имеющего к ней отношение), дает профильным государственным органам определенные преимущества (либо уравнивает ситуацию и шансы в процессе противодействия) и делает их деятельность по оказанию противодействия криминальным структурам и личностям более предметной, более целенаправленной и, как следствие, более эффективной.

Успешность криминалистического распознавания личности очень во многом связана с таким криминалистически важным процессом как следообразование (во всем его многообразии), его изучением (исследованием), эмпирическим применением и реализацией (в форме экспертных выводов в соответствующем заключении по экспертизе, которое, в свою очередь, является объективным доказательством по уголовным делам: судебно-медицинские экспертизы, в т.ч. и по результатам ДНК-анализа, по биологическим объектам (кровь, потожировое вещество, сперма, слюна и т.п.); судебно-портретные экспертизы; экспертизы по фотоснимкам, видеоизображениям и т.п.); различного рода судебно-трассологические экспертизы и др.).

Рассмотрим названные процессы, связанные с криминалистическим распознаванием личности, на таком уже заслуженном (более ста лет исследований и эмпирического применения), проверенном и устоявшемся биометрическом методе как дактилоскопическое исследование.

Метод основан на том (упрощенно), что при соприкосновении человеческой кожи с поверхностями (довольно часто совершенно случайно, неумышленно) за счет имеющихся на ней потожировых выделений на этих поверхностях остаются в различной степени видимости (однако легко обнаруживаемые, фиксируемы и изымаемые экспертом, специалистом для последующего исследования) рельефные следы (в соответствии с индивидуальным рисунком кожи человека, преимущественно ладоней и пальцев рук), по которым можно распознать (в результате проведения сравнительного экспертного анализа) лицо, их оставившее (наиболее информативными являются папиллярные узоры на ногтевых фалангах пальцев рук).

Классификация папиллярных узоров еще в конце XIX века стала основой первой системы криминалистической регистрации – дактилоскопической (позволила создать картотеку дактилоскопических карт правонарушителей, существенно облегчившую их последующее распознавание).

В настоящее время развитие и совершенствование данного метода (появление новых направлений исследований, расширение возможностей уже имеющихся алгоритмов) напрямую связаны с совершенствованием соответствующих технических возможностей исследований (улучшение параметров уже имеющегося оборудования, появление нового и т.п.) и методологической базы исследований особенностей рельефа и внутренней структуры папиллярных узоров рук (их отображений в процессе следообразования), позволяющих проводить микроскопические исследования папиллярных узоров с целью выявления их еще более индивидуальных особенностей. Кроме того, дактилоскопия активно и эффективно используется в комплексных поисково-информационных системах (функционирующих с учетом применения в работе нескольких биометрических параметров, используя их избирательно или системно).

Области использования дактилоскопии (в быту, коммерции, сфере контроля безопасности и др.) обширны: оплата покупок с использованием сканеров; доступ к электронной карте; электронные подписи; защита информации в компьютерных системах и сетях; замки, сейфы оборудованные сканерами (открываются прикосновением определенного пальца); системы учета рабочего времени; и др.

В научной литературе существует множество формулировок понятия дактилоскопия (схожих в главном и имеющих многочисленные трактовки и нюансы). Обобщенно названное понятие можно определить следующим образом: дактилоскопия – раздел трасологии (по другим мнениям: отрасль, раздел криминалистической техники; отдельное направление криминалистики в общем), изучающий папиллярные узоры кожи человека (преимущественно рук (пальцев, ладоней); ног (пальцев, стоп)), средства и методы их обнаружения, фиксации, изъятия и исследования, в целях криминалистического распознавания человека по следам, обнаруженным на месте происшествия [1].

Продолжая настоящее исследование, предлагается кратко рассмотреть и охарактеризовать биологическую основу рассматриваемого метода. Биологической основой метода являются научные разработки, связанные с изучением общих и специфических особенностей кожи человека.

Структурно кожа человека состоит из двух слоев:

- эпидермиса (надкожницы) – наружный (внешний) слой;
- дермы (собственно кожи) – внутренний слой.

Дерма, в свою очередь, состоит из: сосочков (от лат. papilla – сосок, имеют форму конусообразных возвышений), давших название «папиллярные линии», расположенных в верхней части дермы.

Над слоем сосочков, повторяя его рисунок - узор (уже в эпидермисе), располагаются специфические возвышения в виде гребешков - папиллярные линии [2].

При этом более узкопрофильное научное направление дактилоскопии, занимающееся исследованием формы и особенностей расположения пор, получило название пороскопии (от греч. poros – «отверстие» и skopeo – «смотрю»), а исследованием специфических особенностей ребер (краев) линий и узоров занимается профильный раздал, называемый эджескопией (от английского edge – «край», «граница») [2].

Необходимо отметить, что папиллярные линии (узоры), ставшие на длительное время своеобразным «биологическим паспортом» человека, способом его регистрации, аутентификации, идентификации (что справедливо и сейчас, даже при наличии более совершенных – «продвинутых» методов криминалистического распознавания личности), характеризуются следующими фундаментальными (для метода) свойствами, являющимися следствием анатомо-физиологического строения кожи на ладонях рук и подошвах ног человека:

- индивидуальность (нет людей с абсолютно одинаковыми папиллярными узорами пальцев рук (ногтевых фаланг));
- устойчивость (формируются при внутриутробном развитии, не поддаются возрастным изменениям, сохраняются некоторое время после смерти человека);
- восстанавливаемость (возвращаются к прежнему внешнему виду после случайных или умышленных (шлифовка) поверхностных повреждений кожи;
- прилипаемость, адгезивность (лат. adhaesio – «прилипание») (при взаимодействии потожировое вещество с ладоней рук переходит на поверхность предмета, копируя детали кожного рельефа) [3].

Папиллярные узоры пальцев (ногтевых фаланг) имеют следующие разновидности (в зависимости от их конфигурации):

- дуговые (линии расположены поперек подушечки пальца, изгибаются в средней его части в виде дуги, которая своей вершиной обращена в сторону кончика пальца; бывают: простые, шатровые, пирамидальные, елкообразные, ложно-завитковые и др., в них нет дельт);
- петлевые (формируются не менее чем тремя линиями; основная линия идет с одной стороны пальца, изгибается в виде петли и затем возвращается на туже сторону, при этом по конфигурации образуется дельта (по сходству с буквой гр. алф. - дельтой Δ); содержат только одну дельту; бывают: простыми, половинчатыми, изогнутыми, замкнутыми, параллельными, встречными и др.;
- завитковые (самые сложные) (середина узора может иметь разную специфику конфигурации, например, в виде: эллипса, завитка петли, круга и т.п.; создают две дельты; бывают: простые (круг, овал); спирали; петли-спирали; улитки; изогнутые петли с двумя дельтами и др.) [4].

Наряду с перечисленными (общими), имеются и частные признаки узора (специфические особенности каждой папиллярной линии): раздвоение (слияние) линий (вилка); начало (окончание) линий; соединение двух линий (мостик); овал (глазок); фрагмент линии; точка; крючок; разрыв линии и др.

Также выделяют необычные отпечатки пальцев (для примера):

- дисплазия (от лат. dysplssia); заболевание, связанное с неправильным развитием органов и тканей; проявляется в форме фрагментации папиллярных гребней (представляют собой отдельные фрагменты, разные по форме и размерам, а должны выглядеть как непрерывные линии);
- атипичные папиллярные узоры (от греч. typikos – «образцовый», «примерный»; «а» – частица отрицания); не соответствующие известным типам;
- врожденные уродства кистей (полидактилия (шестипалость); врожденная деформация пальцев; атрофия пальцев; синдактилия (сращивание пальцев); сопровождаются особенностями папиллярных узоров;
- поврежденные папиллярные узоры: последствия травмирования (рубцы на коже и изменение папиллярных узоров под их воздействием и вокруг них в процессе заживления); изменения папиллярных узоров вследствие ожога (обморожения) (рубцы от заживления, следы заживления удаленной омертвевшей ткани и их последствия);
- изменения папиллярных узоров вследствие заболеваний кожи («дерматоз», пораженные участки, высыхание и шелушение кожи и т.п.) [5].

На всем протяжении развития дактилоскопии в научном сообществе неоднократно возникали споры и обсуждения по поводу того, для чего в ходе эволюции у человека развились такие столь уникальные образования как папиллярные узоры. За более чем столетний период по этому поводу периодически преобладали различные точки зрения, в настоящее время большинство ученых в данной области придерживаются мнения о том, что рельеф папиллярных узоров увеличивает чувствительность поверхностей кожи, которые он покрывает (в частности поверхностей пальцев рук).

При этом совсем недавно израильскими генетиками был выявлен такой феномен как адерматоглифия – полное отсутствие у людей папиллярных линий на пальцах рук и ног, на ладонях и ступнях. Причиной указанной биологической деформации послужил имеющийся у данной группы людей своеобразный дефект белка кератин-14, который возникает и развивается у человека вследствие генетических заболеваний еще в период внутриутробного развития и созревания (и прогрессирует в последующем). В настоящее время диагностировано два способствующих этому достаточно редких генетических заболевания (синдром Негели; пигментная ретикулярная дерматопатия). В процессе регрессии названных генетических заболеваний врожденные генетические аберрации вызывают гибель клеток (а в дальнейшем препятствуют их ремиссии и восстановлению) эпидермиса (поверхностного слоя кожи), в результате чего человек рождается без папиллярного узора на соответствующих частях тела (а в дальнейшем он не возникает и не восстанавливается) [5,6].

Данный феномен был выявлен и обоснованно подтвержден в ходе клинического обследования (и изучения его результатов) членов пяти семей из Швейцарии (никто из них не имеет папиллярных линий). В процессе изучения их генетических профилей (в трех поколениях, все без папиллярных узоров) было выявлено и клинически подтверждено наличие у них мутации в гене SMARCAD (последствия названной мутации проявлялись не только в отсутствии папиллярных линий, но и в отсутствии чувствительности подушечек пальцев рук, потере осязания, отсутствии на кистях рук и стопах ног потовых желез, утолщении кожи ладоней и стоп, и в других аномальных проявлениях (данная мутация является очень редкой, таких людей в мире немногим более двадцати человек) [6].

Подводя предварительный итог первой части настоящего исследования, можно уверенно констатировать, что дактилоскопия по-прежнему остается одним из более применяемых и эффективных биометрических методов распознавания человека. При этом, как показывают результаты проведенного исследования, она не статична, а продолжает динамично развиваться и совершенствоваться (в области методологии как качественно, так и количественно, в значительной степени за счет совершенствования и расширения спектра используемой криминалистической техники, ну и, естественно, за счет огромного накопленного более чем за столетие методологического и эмпирического опыта).

Продолжая настоящее исследование, есть основания с особым научным удовлетворением отметить, что папиллярные узоры – это не единственная идентифицирующая характеристика, которую благодаря техническому прогрессу и совершенствованию научной методологии можно установить в процессе исследования биометрических особенностей кистей рук человека.

Так, на современном этапе (преимущественно за счет развития научно-технического прогресса, хотя и методологический интерес к этому имелся) большое развитие получил такой относительно новый для отечественной криминалистики метод использования биометрических технологий как распознавание человека по венозному рисунку кистей рук.

В процессе васкулярного (лат. vascularis – «сосудистый») распознавания в качестве идентифицирующей характеристики используется уникальный для каждого человека сосудистый (венозный) рисунок кистей рук (определяется генетическим кодом и влиянием внешних факторов в ходе внутриутробного развития эмбриона; одна из наиболее устойчивых и безопасных биометрических характеристик, применяемых для распознавания личности) [9].

Для пояснения сути метода необходимо сделать экскурс в его биологическую составляющую (служащую базовой содержательной основой).

Так, сосуды (артерии, вены, капилляры) являются каналами транспортировки крови (кислорода и питательных веществ) к органам и тканям организма и параллельно выполняют функции по удалению (выведению) из него продуктов жизнедеятельности (метаболизма, дыхательного процесса, регенерации, распада и др.):

- артерии (самые крупные сосуды (с наибольшим диаметром канала транспортировки)); расположены глубоко в тканях тела и практически (за редким исключением) не подходят к поверхности кожи; по артериям обогащенная кислородом кровь транспортируется от сердца к органам и тканям организма;

- вены (сосуды среднего диаметра); выполняют основную функцию, связанную с обеспечением обратной транспортировки насыщенной углекислым газом крови от тканей и органов организма к сердцу; подразделяются на два вида: глубокие (располагаются параллельно артериям, по их ходу и выполняют только указанную основную функцию); поверхностные (расположены ближе к поверхности кожи в подкожной клетчатке; кроме основной функции по транспортировке крови, обеспечивают также реализацию дополнительной функции, связанной с терморегуляцией кожных тканей и покровов);

- капилляры (самые маленькие и самые многочисленные сосуды, пронизывают все общие (мышечные и др.) ткани и ткани органов организма человека; подразделяются в зависимости от функциональной принадлежности (по аналогии) на артериолы и венулы [10].

Продолжая далее наш биологический экскурс, необходимо отметить, что транспортировка (циркуляция) посредством крови кислорода и углекислого газа (от сердца к органам и тканям и обратно) становится возможной только с использованием гемоглобина (сложный белок, содержащий железо; находится в высокоспециализированных клетках крови – эритроцитах):

- оксигемоглобин (образуется при соединении кислорода с гемоглобином в капиллярах легких; данной формой гемоглобина насыщена кровь в артериях);
- дезоксигемоглобин (восстановленный гемоглобин; гемоглобин, который уже отдал кислород тканям);
- карбгемоглобин (соединение гемоглобина с углекислым газом; содержится в венозной крови, в промежутке после капиллярной сети тканей и до легких) [11].

Продолжая настоящее исследование и возвращаясь к его инструментальной, содержательной части, следует отметить, что рассматриваемый метод васкулярного распознавания базируется на химико-биологических процессах, связанных с поглощением обескислороженным гемоглобином (содержащимся в венах) инфракрасных лучей (в процессе реализации соответствующего вида экспертной фотосьемки).

В окончательной фазе данного процесса вены проявляются в виде темного рисунка на фоне остального цифрового фотографического изображения (рисунок сугубо индивидуален; проявляется и фиксируется путем фотографирования в инфракрасном свете; наиболее пригодны для метода кисти рук – малый слой подкожного жира и очень насыщенный, сложный рисунок вен, позволяющий произвести наиболее обоснованное распознавание по построенной цифровой модели). Сам процесс распознавания состоит из создания шаблона для конкретного лица, а затем сверки его с шаблонами, имеющимися в базе.

Методологически обосновано и эмпирически апробировано два (основных) метода получения (в т.ч. и для криминалистических целей) изображения вен кисти руки (ладонной стороны): в процессе отражения (Reflection); в процессе пропускания ИК-света (Transmission):

- метод отражения: все компоненты устройства находятся на одной плоскости (нет необходимости помещать кисть руки внутрь устройства); ИК-диоды располагаются симметрично вокруг камеры и настраиваются на необходимый угол с учетом расстояния ладони от камеры; перед объективом помещается ИК-фильтр, пропускающий длину волны в ИК-спектре, которую излучают диоды;
- метод пропускания (с тыльной стороны кисти руки устанавливается подсветка (излучатель); камера с фильтром помещается со стороны ладони и принимает ИК-излучение от подсветки, прошедшее через кисть руки (процесс однотипен с рентгеном, флюраграфией и т.п., в результате получается наиболее качественное по детализации изображение) [12].

Следующий этап заключается в создании биометрического шаблона (на основании данных, полученных в первой фазе экспертного процесса), в ходе его реализации производится:

- выделение области интереса и многоуровневая фильтрация исходного изображения (применяются алгоритмы цифровой обработки сигналов на основе дискретного преобразования);
- бинаризация (все изображения приводятся к единому виду, уменьшается влияние различной фокусировки и контрастности изображений); производится выделение линий вен;
- извлечение признаков и выделение характерных особенностей (полученное изображение делится на участки дискретизации, указываются координаты контрольных точек, производится запись в файл, являющийся математической моделью - шаблоном);
- файл с координатами особых точек венозного рисунка (шаблон) помещается в базу, а исходное изображение ладони удаляется без возможности восстановления.

Последующий этап (распознавание) состоит в проведении сравнительного анализа полученного шаблона (васкулярного изображения) с шаблонами, имеющимися в базе, с использованием (по выбору эксперта): алгоритма корреляции; алгоритма предвыборки (с применением для ускоренной выборки «хешкода», содержащего глобальные особенности шаблона) [12].

К преимуществам (отличительным особенностям) васкулярного распознавания можно отнести: объективность и достоверность (все методологически обоснованно и эмпирически подтверждено, процент ошибки близок к нулю); бесконтактность (от испытуемого ничего не требуется, нет необходимости сдавать для исследования какой-либо биологический материал, не требуется совершать какие-либо действия по указанию эксперта, не требуется даже помещать руку в устройство; перед проведением исследования испытуемому не требуется проводить какие-либо подготовительные мероприятия или от чего-либо воздерживаться); эмпирическое удобство реализации метода (простота процесса получения данных, отсутствие необходимости в громоздком оборудовании, быстрая обучаемость профильных специалистов и т.п.); высокая надежность (устойчивость к подделке и имитации); процесс сканирования практически не подвержен влиянию внешних факторов; устойчивость результатов (сосудистый рисунок вен кистей рук не подвержен влиянию от последствий заболеваний и возрастных изменений), легкая внедряемость на прикладном уровне (применяется в автоматизированных систе-

мах (мультифакторных, мультибиометрических), использующих для распознавания одновременно несколько биометрических характеристик (существенно дополняет идентификационную информацию при совместном использовании с системами дактилоскопирования, а также с системами, сканирующими сетчатку, роговицу глаза); стоимость системы соизмерима со стоимостью других биометрических систем и др. [13, 14].

Подводя итоги настоящего исследования, необходимо отметить, что имеются все объективные основания признать научную и эмпирическую позитивность процессов, связанных с научно-техническим прогрессом, расширением методологической базы использования биометрических технологий для нужд криминалистического распознавания личности и выразить авторское мнение о том, что названные благотворные и плодотворные процессы дадут в руки представителей правоохранительных и других специализированных государственных органов новые криминалистические «инструменты» для повышения эффективности и результативности борьбы с преступностью и террористическими угрозами.

Список источников

1. Сидорова С.В. Дактилоскопия в криминалистике: исторический анализ и современные тенденции // Аллея науки. 2018. № 9 (25). С. 26-31.
2. Саутич Я.Г., Смушкин А.Б. Дактилоскопия в расследовании серийных убийств // Инновационная наука. 2022. № 8-2. С. 31-33.
3. Долгов А.А., Безпалый Ю.В. Опыт производства исследований, связанных с восстановлением и дактилоскопией кистей рук от неопознанных трупов // Судебная медицина. 2019. Том 5. № 15.
4. Семин Д.В., Вязов С.С. Криминалистическая дактилоскопия (доказательственные возможности в уголовном судопроизводстве) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 492
5. Ревякин Н.Ю. Инновационные возможности дактилоскопии при расследовании преступлений // Юридические науки. 2021. № 4. с. 129-133.
6. Хегетов Н.Н., Лабов С.В. Дактилоскопические исследования на современном этапе // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2022. Вып. 4. С. 37-41.
7. Тимиров М.Г., Меркулова Т.Г. Современные возможности дактилоскопического установления личности (инновации метода) // Судебная экспертиза. 2022. № 4. С. 89-95.
8. Ильясов М.Н., Хатанян М.Г. Папиллярные узоры ногтевых фаланг пальцев рук, как биологический паспорт человека // Аллея науки. 2020. № 7. С. 44-47.
9. Дворниченко В.Н., Слуцкий С.П. Возможности васкулярной идентификации, методологические основы // Закон и право. 2020. № 3. С.119-122.
10. Романенко Н.А. Идентификация личности при отсутствии возможности исследования изображения лица //Судебная медицина. 2016. Т. 2. № 2. С. 163-166.
11. Алферова А.С., Важенко М.Д. Венозный рисунок кистей как источник возможностей криминалистической идентификации личности преступника // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 493. С. 104-107.
12. Ручкин С.Ю., Савоев М.Н. Васкулярная идентификация, возможности эмпирической реализации // Известия Тульского государственного университета. 2022. Вып. 2. С. 76-81.
13. Душаков С.Н., Середа М.Ю. Методологические исследования идентификационных возможностей биометрических характеристик кистей рук человека // Юридические науки. 2022. № 1. С. 94-97.
14. Маркин Д.П. Идентификация человека по биометрическим характеристикам, на примере распознавания по венозному рисунку кистей рук // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 61-64.
15. Писарев Д.Ю. Проблемные вопросы биометрической идентификации в раскрытии преступлений // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 2. С. 326-329.

References

1. Sidorova S.V. Fingerprinting in criminalistics: historical analysis and modern trends. Alley of Science. 2018. No. 9 (25):26-31. (In Russ.)
2. Sautich Ya.G., Smushkin A.B. Fingerprinting in the investigation of serial murders. *Innovative Science*. 2022. No. 8-2:31-33. (In Russ.)
3. Dolgov A.A., Bezpaly Yu.V. Experience in the production of research related to the restoration and fingerprinting of hands from unidentified corpses. *Forensic medicine*. 2019. V. 5. No. 15: 178-180. (In Russ.)
4. Semin D.V., Elm S.S. Forensic fingerprinting (evidentiary possibilities in criminal proceedings). *Bulletin of Tomsk State University*. 2022. No. 492: 94-98(In Russ.)
5. Revyakin N.Yu. Innovative possibilities of fingerprinting in the investigation of crimes. *Legal sciences*. 2021. No. 4: 129-133. (In Russ.)

6. Hegetov N.N., Labov S.V. Fingerprinting studies at the present stage. *Izvestiya TulSU*. *Economic and legal sciences*. 2022. Iss.4:37-41. (In Russ.)
7. Timirov M.G., Merkulova T.G. Modern possibilities of fingerprint identification (innovations of the method). *Forensic examination*. 2022. No. 4:89-95. (In Russ.)
8. Ilyasov M.N., Khatanyan M.G. Papillary patterns of the nail phalanges of the fingers, as a biological passport of a person. *Alley of Science*. 2020. No. 7: 44-47. (In Russ.)
9. Dvornichenko V.N., Slutsky S.P. Possibilities of vascular identification, methodological foundations . *Law and Right*. 2020. No. 3:119-122. (In Russ.)
10. Romanenko N.A. Identification of a person in the absence of the possibility of studying the image of a face. *Forensic medicine.* 2016. Vol. 2. No. 2: 163-166. (In Russ.)
11. Alferova A.S., Vazhenko M.D. Venous brush drawing as a source of possibilities for criminalistic identification of a criminal. *Bulletin of Tomsk State University.* 2022. No. 493:104-107. (In Russ.)
12. Ruchkin S.Yu., Savoev M.N. Vascular identification, possibilities of empirical realization. *Bulletin of Tula State University*. 2022. Iss. 2:76-81. (In Russ.)
13. Dushakov S.N., Sereda M.Yu. Methodological studies of identification capabilities of biometric characteristics of human hands. *Legal sciences*. 2022. No. 1: 94-97. (In Russ.)
14. Markin D.P. Identification of a person by biometric characteristics, using the example of recognition by the venous pattern of the hands. *Bulletin of Tomsk State University.* 2023. No. 497:61-64. (In Russ.)
15. Pisarev D.Y. Problematic issues of biometric identification in crime detection. *Gaps in Russian legislation*. 2018. No. 2:326-329 (In Russ.)

Информация об авторе

О.И. Лозинский – кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права

Information about the author

O.I. Lozinsky - Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Procedural Law

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 24.12.2023; одобрена после рецензирования 20.01.2024; принята к публикации 26.01.2024. The article was submitted 24.12.2023; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 26.02.2024

Научная статья
УДК 343

Современная криминалистическая одорология и ее доказательственные возможности в раскрытии и расследовании преступлений (на примере ольфакторной экспертизы)

© О.И. Лозинский, А.Р. Клевец, 2024

Олег Иванович Лозинский[1], Анастасия Романовна Клевец[2]
[1,2] Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия
[1] oleg.lozz@yandex.ru
[2] aklevets7@gmail.com

Аннотация. В статье изложены исторический экскурс и современные подходы к понятиям, сущности и содержанию криминалистической одорологии и ее доказательственным возможностям в раскрытии и расследовании преступлений.

Результатом исследования стали выводы о том, что, несмотря на всю специфичность ольфакторной экспертизы, она является действенным механизмом достоверной криминалистической идентификации лиц, причастных к противоправной деятельности, а заключение по ее результатам заслуженно имеет статус объективного доказательства в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: криминалистическая одорология; ольфакторная экспертиза; хроматографический анализ; аэрозольно-криогенный метод; кинологи; запаховые следы; обонятельные рецепторы; собаки-биодетекторы; биоиндикатор; газовый анализатор; хроматограф; адсорбция; масс-спектрометр; химическая экстракция

Для цитирования: Лозинский О.И., Клевец А.Р. Современная криминалистическая одорология и ее доказательственные возможности в раскрытии и расследовании преступлений (на примере ольфакторной экспертизы) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 3 (166). С.100-106

Original article

Modern forensic odorology and its evidentiary capabilities in the detection and investigation of crimes (using the example of olfactory examination)

Oleg I. Lozinsky[1], Anastasia R. Klevets[2]
[1,2] South Russia Institute of Administration – the Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service, Rostov-on-Don, Russia
[1] oleg.lozz@yandex.ru
[2] aklevets7@gmail.com

Abstract. The article presents a historical digression and modern approaches to the concepts, essence and content of forensic odorology and its evidentiary capabilities in the detection and investigation of crimes. The result of the study was the conclusion that, despite all the specificity of olfactory examination, it is an effective mechanism for reliable forensic identification of persons involved in illegal activities, and the conclusion based on its results deservedly has the status of objective evidence in criminal proceedings.

Keywords: forensic odorology; olfactory examination; chromatographic analysis; aerosol cryogenic method; cynologists; odor traces; olfactory receptors; dogs-bio detectors; bio indicator; gas analyzer; chromatograph; adsorption; diffusion; mass spectrometer; chemical extraction

For citation: Lozinsky O.I., Klevets A.R. Modern forensic odorology and its evidentiary capabilities in the detection and investigation of crimes (using the example of olfactory examination). *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.3 (166):100-106 (In Russ.)

Современное общественное развитие, имеющее в целом положительные вектор и динамику, по прежнему сопровождается довольно напряженным состоянием криминогенной обстановки, обусловленным как высоким уровнем и широким спектром общеуголовной преступности, так и существенным повышением уровня и расширением спектра террористических угроз и преступности, направленной против общественной и государственной безопасности.

В борьбе с любыми преступными проявлениями, если не удалось решить проблему на этапе профилактики и преступные намерения фактически реализовались, перед правоохранительными и

другими специализированными государственными органами возникает ряд задач, требующих четкого, быстрого и максимально возможного эффективного разрешения, заключающихся в раскрытии и расследовании преступления, а также в предупреждении его вероятного рецидива. Наиболее радикальной мерой для одновременного разрешения названных задач является установление, идентификация и задержание фигуранта преступной деятельности (как для привлечения его к ответственности за совершенное, так и для пресечения его возможной дальнейшей неправомерной деятельности).

Следует признать, что в большинстве случаев уровень «криминальных знаний и навыков» в области криминалистики у криминального сообщества повысился (книги, кинофильмы, общение с другими лицами (в т.ч. и в местах лишения свободы) по вопросам их идентификации и задержания и др.). Многие из лиц, склонных к нарушению закона, знают о дактилоскопии и нежелательности оставления отпечатков пальцев на месте преступления, знают, на бытовом уровне, о трасологии (отпечатки обуви, определении холодного оружия по раневому каналу и др.), о баллистике (о возможности определения огнестрельного оружия по стреляным из него пулям и гильзам) и даже о ДНК-анализе (определении фигуранта по крови, сперме, слюне и другим жидкостям организма человека) и т.п.

В связи с этим, потенциальные преступники в настоящее время стали более осведомленными, оснащенными, изощренными и скрытными. Методы и технические возможности совершения одних и тех же преступлений постоянно совершенствуются, специфика работы правоохранительных и других профильных структур, в т.ч. при осмотре места происшествия, им известна, что позволяет не оставлять либо «профессионально» скрывать (уничтожать) следы противоправного деяния (в процессе его совершения или по его окончании). Классические следы преступления (рук, ног, жидкостей и т.п.) встречаются на месте происшествия все реже, что существенно осложняет работу криминалистов и требует в этой сфере не стандартных (общеизвестных) подходов, а чего-то иного, о чем еще не знают «оппоненты» или не научились этому противодействовать (либо не смогут в ближайшее время противодействовать в связи с отсутствием для этого методов и средств).

Таким относительно новым, а скорее менее известным «широкой публике» является биометрический метод распознавания личности – криминалистическая одорология, нашедший эмпирическую реализацию в процессе ольфакторной (от лат. olfactorius – благовонный, душистый) экспертизы. Данная экспертиза уже достаточно давно является общепризнанной и входит в перечень судебных экспертиз, заключения по которым, потенциально, признаются объективными доказательствами в уголовном судопроизводстве [1].

Упрощенно, криминалистическая одорология представляет собой процесс идентификации лица по запаховым следам (оставшимся на месте преступления), под которыми понимаются пахнущие летучие выделения, происходящие из жидкостей человеческого организма (потожировое вещество, кровь, сперма и др.). Указанные запаховые следы (чаще всего потожировое вещество) могут оставаться на предметах одежды подозреваемого (обвиняемого), потерпевшего и даже потенциального свидетеля, на мебели (как на обивке, матерчатых чехлах, так и на полированных частях), в автомашинах (сидения, подлокотники, рычаги и панель управления и др.), на различного рода аксессуарах и бытовых приборах, книгах, бумажных документах, посуде и т.п.

Ольфакторная экспертиза (считается одним из самых точных и надежных инструментальных методов анализа) проводится уже на протяжении более чем 50 лет, но в силу специфики методики (применение собак-биодетекторов) и используемого для исследования материала (запахового следа) считается, на фоне других экспертиз, достаточно редкой (во многом связано с отсутствием на первоначальном этапе развития метода в необходимом количестве специалистов профильной квалификации (экспертов); следователей (дознавателей), знающих о методе и умеющих правильно изымать с места происшествия и консервировать запаховые следы; профильных экспертных учреждений, необходимого числа специально обученных собак-биодетекторов и др. (в т.ч. и с учетом названных причин отсутствовала должная степень популяризации метода среди субъектов уголовного судопроизводства – следователей (дознавателей), прокурорских работников, судей).

Развитие исследуемого метода началось еще в 1960-е гг. и связано с именем выдающегося советского криминалиста А.И. Винберга (в 1965 г. ввел понятие «криминалистическая одорология»; под его руководством проводились первые эксперименты в рамках одорологии как научного направления; предложил способы изъятия, использования и консервации запаховых следов; получил авторское свидетельство на использование данного метода (изобретение позволяло и позволяет использовать собаку-биодетектор практически через любое время (многие годы, нередко 15-25 лет, после консервации запаха), что в дальнейшем создало возможность, нередко единственную, для раскрытия преступлений «прошлых лет») (имеются подтверждающие примеры как криминалистического (возможность проведения экспертизы), так и уголовно-процессуального характера (на основании заключений по ольфакторным экспертизам через указанные сроки по ранее нераскрытым уголовным делам в отношении установленных лиц выносились обвинительные приговоры, которые вступили в законную силу и были реализованы) [2].

Криминалистический эмпирический опыт расследования преступлений, с учетом запаховых следов, позволяет выделить несколько схем - алгоритмов возможной идентификации лица, причастного к противоправной деятельности: следование собаки от места преступления до местонахождения названного лица; следование собаки от отдельных предметов, оставленных этим лицом, к нему; определение данного лица из ряда модельных пахучих проб.

Два первых алгоритма входят в специфику оперативно-розыскной деятельности, а третий алгоритм (в мировой практике является отдельным следственным действием) в России составляет суть судебно-одорологической (ольфакторной) экспертизы (выводы заключения по которой являются объективными доказательствами в уголовном судопроизводстве).

Развитие одорологии идет по двум направлениям: использование собак-биодетекторов (приоритетное); использование технических устройств (газовые анализаторы, хроматографы, масс-спектрометры и др.). Однако в вопросах идентификации (распознавания) человека по запаховым следам имеющиеся технические устройства гораздо менее эффективны, чем биодетекторы (способны улавливать весь запаховый спектр и распознавать лицо не только по групповой принадлежности, а персональной индивидуальности). Перспективные устройства, разрабатываемые на основе метода химической экстракции церамидов - класса веществ, ответственных за индивидуальность запаха человека, могут сместить этот баланс в свою сторону, однако на настоящее время эмпирически апробированных их образцов в широкой практике нет.

Ольфакторные экспертизы в России достаточно востребованы (в связи с их эффективностью и высокой надежностью результатов), о чем свидетельствует ежегодный рост показателей их применения (производятся более чем в 200 экспертно-криминалистических учреждениях (преимущественно в структурных подразделениях МВД России) по всей стране): 2020 г. - 2428, 2021 г. - 2609, 2022 г. – 2642, 2023 г. – 2804 (эффективность экспертиз настолько велика, что более трети заключений дают результат в виде раскрытия преступления, т.е. установления причастного к его совершению лица, не говоря уже об усилении за счет полученного заключения уже имеющейся доказательственной базы) [3].

Продолжая исследование, следует отметить, что запах – это неотъемлемое свойство объектов (различного происхождения: животного, растительного, минерального), выражающееся в динамике (различной степени интенсивности) регулярного выделения молекул (частиц) вещества из него во внешнюю среду.

Понятие «запах» имеет двойное содержательное значение (в зависимости от того, как и откуда на это смотреть):

- «запах» характеризует объективное свойство вещества (материального объекта), сопровождающее процесс испарения его микрочастиц в окружающую среду; микрочастицы вещества выделяются из него постоянно, но с различной степенью интенсивности (зависит от структуры вещества и условий окружающей среды); в ходе указанного процесса образуется запаховый след;
- «запах» характеризует (вызывает и отражает) свойства субъективного характера, возникающие у живого существа (применительно к изучаемой методике – человека, животного), имеющего органы обоняния, когда микрочастицы вещества – источника запаха вместе с воздухом попадают на рецепторы органа обоняния и воздействуют на него.

Таким образом, запах, подобно звуку и цвету, относится к факторам воздействия, оказывающим влияние на органы чувств непосредственно (схематично – улавливается и воспринимается носом (обонятельными органами) и обрабатывается головным мозгом; обоняние – присуще только живому организму; приборные средства (достаточно чувствительные и избирательные для того, чтобы объективно и эффективно служить для анализа спектра запахов человека) на настоящий момент отсутствуют, по крайней мере в прикладной доступности) [4].

Важнейшим для криминалистики свойством запаха является его индивидуальность (человек способен различать сотни различных запахов: духов, вин (сомелье), продуктов питания и много другого). При этом запах самого человека фактически является его химической подписью.

Выделяемое потовыми железами любого человека потожировое вещество имеет индивидуальный запах (существенную часть которого составляют испарения масляной кислоты, фракция которой С12-С26 генетически индивидуальна для каждого конкретного человека). При этом (что важно для криминалистической одорологии) возможность и степень восприятия запаха зависят от барьерной концентрации вещества – одоранта, которая определяется числом молекул в единице объема (обычно в куб. см) (для примера, собака почувствует запах масляной кислоты с концентрацией 9 000 молекул на куб. см воздуха, а человек, только при концентрации 7 000 000 000 молекул на куб. см воздуха). В среднем, чувствительность собаки к запахам в миллион раз выше, чем у человека [5].

Запаху присущи определенные физические свойства:

- летучесть (способность вещества испаряться – переходить из твердого или жидкого состояния в газообразное);

- растворимость (способность компонентов - носителей запаха растворяться в эпителии органов обоняния (позволяет воспринимать и распознавать запах));
- адсорбция (способность оставаться на удерживающих запах предметах);
- диффузия (проникновение частиц одного вещества в другое; например, насыщение материалов обуви и одежды частицами носителями запаха человека);
- рассеянность (способность запаховых следов рассеиваться в определенном пространстве, при увеличении объема которого уменьшается концентрация одоранта);
- делимость (разделение исходного следа запаха на несколько дочерних, обладающих всеми характеристиками исходного источника);
- подвижность структуры (позволяет пахучим веществам достигать обонятельных рецепторов биодетектора с воздушными потоками) [5].

Как уже отмечалось, для производства ольфакторной экспертизы используются собаки-биодетекторы (органы обоняния имеют площадь 250 - 400 кв. мл и состоят из 125 - 224 миллионов обонятельных клеток; могут различать до 2 миллионов запахов, включая смешанные запахи (чувствуют их по отдельности, что сравнимо с видимой человеком гаммой цветов); различают концентрацию, силу, возраст (свежесть) запахов; запаховая память позволяет идентифицировать запахи, схожие по составу) [5].

Любой вывод эксперта по названной экспертизе (категорический положительный; категорический отрицательный; вероятный; вывод о невозможности дать ответы на поставленные вопросы) должен быть подтвержден прилагаемыми материалами (сравнительные таблицы, этограммы - описание поведения биодетектора, видеофиксация процесса исследования).

Время, необходимое для производства экспертизы, вполне комфортное – от 4 до 7 рабочих дней (само взятие пробы занимает 1,5 - 3 часа). После взятия пробы объекты возвращаются следователю в первоначальном виде, что позволяет исследовать их другими способами.

Степень надежности и достоверности выводов ольфакторной экспертизы составляет 0,999999 (при участии в исследовании четырех собак-биодетекторов, дающих одинаковые результаты) [5].

Между тем, по мнениям, обсуждаемым в среде представителей профильного научного сообщества, в вопросах методологии и эмпирической реализации одорологического метода можно выделить проблемные вопросы в следующих аспектах: естественно-научном, техническом, процессуальном, этическом и тактическом.

Естественно-научный и технический аспекты заключаются в том, что с учетом специфики исследуемой методики, несмотря на вышеприведенные доводы, в научной среде до настоящего времени сохранились противники одорологического метода, которые, не обосновывая объективно свою позицию, утверждают, что вопрос об индивидуальности и относительной неизменяемости запаха человека должным образом не исследован и не подтвержден.

При этом результаты более чем полувековых исследований биологов, медиков, биохимиков, а также результаты эмпирических исследований кинологов создали обоснованную теоретически и в прикладном плане подтвержденную методологическую базу, позволяющую однозначно мотивированно утверждать, что запах человека индивидуален и относительно неизменен, что, в свою очередь, находит подтверждение и в ходе криминалистической практики.

Запаховый след человека (важный источник личностной информации) имеет достаточно сложный состав (с неограниченным многообразием запаховых компонентов – местные запахи (конкретных мест тела); индивидуальный совокупный запах обнаженного тела; общий запах (с учетом запаха одежды, профессионального запаха, парфюмерии, косметики, лекарственных препаратов, курительных смесей и т.п.), что, само по себе, обеспечивает и гарантирует его индивидуальность и создает возможность установить и распознать правонарушителя по оставленным им запаховым следам (содержат индивидуальные и групповые специфические признаки).

Процесс обнаружения, изъятия и сохранения (консервации) запаховых следов имеет свою специфическую технологию (позволяет многие годы сохранять запаховые следы пригодными для эмпирической реализации криминалистического распознавания):

- применяется адсорбент (лоскут хлопчатобумажной ткани размером 10х15 см); хранится в стерильной стеклянной банке емкостью 0,5 л, плотно закрытой крышкой (стеклянной, металлической);
- процесс: извлеченный (с использованием пинцета) из банки адсорбент прикладывают к поверхности предмета носителя запаха; сверху адсорбент накрывают фольгой и слегка ее прижимают; через 1-1,5 часа фольга удаляется, адсорбент помещается в банку, которая плотно закрывается, опечатывается и снабжается этикеткой (на которой указываются: принадлежность к уголовному делу, время и обстоятельства изъятия и консервации) [6].

В настоящее время данный процесс вышел на новый технический уровень. Разработана и внедряется на прикладном уровне лабораторная установка для подготовки запаховой пробы к хромато-

графическому анализу (применяется аэрозольно-криогенный метод концентрации летучих компонентов с целью идентификации человека по запаху).

Одорологический метод уже более полувека признан научным и высокоэффективным в сфере криминалистического распознавания человека. Ольфакторная экспертиза внесена в список научно признанных экспертных исследований, широко используется, ее заключение является объективным доказательством в уголовном судопроизводстве.

С учетом изложенного, представляется, что естественно-научный и технический аспекты в настоящее время по факту разрешены и происходит процесс их методологической и эмпирической эволюции с целью увеличения и расширения прикладных возможностей использования ольфакторной экспертизы (исследования) в уголовном процессе и оперативно-розыскной деятельности (упрощение самой процедуры, повышение ее техногенной составляющей, расширение материальной базы за счет увеличения количества профильных экспертных учреждений и т.п.).

Тактический аспект одорологического метода заключается в определении сути прикладного процесса выборки (осуществления распознавания), в т.ч. и с учетом эмпирического опыта, обеспечивающего объективность, достоверность, убедительность и наглядность результатов. На настоящее время выработаны определенные тактические приемы проведения одорологической выборки:

- применение в процессе выборки только собак-биодетекторов (специально отобранных и подготовленных только для этого);
- использование унифицированных предметов-запахоносителей (тех, на которые переносится запах с объекта, – лоскут хлопчатобумажной ткани, детские пеленки и т.п.);
- минимальное участие в процессе кинолога (использование пластиковых перчаток; принятие максимальных мер, обеспечивающих отсутствие посторонних запахов и внешних раздражителей, минимальное количество и лаконичность команд и т.п.);
- неоднократное повторение выборки с переменой мест предъявляемых объектов и разными собаками (для максимальной эффективности и достоверности результатов необходимо четыре и более собак-биодетекторов) и др. [6].

Итоговое заключение должно включать детальное описание результатов, условий и процесса выборки (а также видеофиксацию названных действий и обстоятельств).

С учетом изложенного, и тактический аспект, также, представляется полностью сложившимся, отработанным и решенным.

Продолжая настоящее исследование необходимо уделить внимание такому неоднозначному аспекту исследуемой методики, как этическому. В данном случае противники исследуемого метода приводят доводы: об унижении достоинства личности, подвергаемых процессу выборки по запаху с использованием собаки (человек как бесправный объект исследования); о безнравственности привлечения для участия в выборке статистов (не имеющих отношения к противоправному деянию), предъявляемых собаке одновременно с подозреваемым (обвиняемым).

Исследуя данный аспект, необходимо признать, что в данных аргументах определенная доля объективности имеется. Однако названные этические проблемы и противоречия имелись на первичном этапе становления исследуемого метода. В настоящее время предъявлять собакам-биодетекторам для выборки людей непосредственно никакой необходимости нет, так как процесс выборки реализуется без участия подозреваемого или обвиняемого по стандартным запахоносителям (фигуранты при этом могут наблюдать за всем процессом со стороны).

Таким образом, названные проблемные моменты этического аспекта преодолены на настоящее время в связи с эволюционным развитием методологии и прикладной составляющей исследуемой криминалистической биотехнологии.

Ранее имевшиеся проблемные аспекты процессуального характера, преимущественно основанные на том, что уголовно-процессуальный закон не упоминает служебную собаку (собаку-биодетектор) как источник получения доказательств, а сам запах (его молекулы) в связи с невозможностью их визуального наблюдения следователем, понятыми и другими участниками уголовного судопроизводства, доказательствами не являются, в настоящее время также разрешены.

Очевидно, что с учетом эволюции криминалистических методик и экспертных возможностей, в т.ч. и за счет развития технических средств в данной сфере, доступный круг объектов - потенциальных доказательств будет постоянно расширяться (при этом некоторые их доказательственные свойства могут не восприниматься непосредственно, а подтверждаться только при помощи технических и других средств). Кроме того, следует признать, что уголовно-процессуальный закон в каждый конкретный момент не может содержать исчерпывающий перечень технико-криминалистических средств и тактических приемов собирания и исследования доказательств.

При этом, как это уже отмечалось в рамках настоящего исследования, ольфакторная экспертиза внесена в список научно признанных экспертных исследований, широко используется, ее заключение является объективным доказательством в уголовном судопроизводстве.

Интересным фактом является то, что, несмотря на генетическую подоплеку результатов ольфакторного исследования, его выводы и выводы ДНК-анализа не являются абсолютно взаимообусловленными. При этом они действительно не могут противоречить друг другу и опровергать друг друга. Однако, как показывает криминалистическая и следственная практика, возможности ольфакторной экспертизы, особенно в сложных ситуациях, гораздо больше и шире, чем возможности ДНК-анализа (т.е. ольфакторная экспертиза даст конкретный, однозначно трактуемый результат, а исследование ДНК-анализа даст либо вероятностный ответ, либо вообще «распишется» в невозможности получения ответа по представленным образцам (при этом его вероятностный ответ не сможет находиться в противоречии с однозначным ответом ольфакторной экспертизы)).

Ольфакторная экспертиза, в отличие от ДНК-анализа (сторонника «чистых» проб), позволяет объективно и эффективно исследовать сложносоставные смеси (сочетания) потожировых следов и следов крови, происходящих от нескольких лиц. Мало того, она даже приветствует сложную смесь, в особенности если другие биологические следы находятся поверх искомого и «консервируют» его, препятствуя его испарению и выветриванию. Как уже отмечалось, наслоения биоматериалов от нескольких (нескольких десятков) лиц не создают для собаки-биодетектора запаховый «коктель», она продолжает чувствовать не смесь, а каждый запах в отдельности в виде их спектра (посторонние запахи не мешают ей выделять, определять и отслеживать искомый запах).

Также ольфакторная экспертиза имеет подтвержденные преимущества перед ДНК-анализом при необходимости исследования деградированного биологического материала (не сохранившего клеточных структур). Нередко, по различным причинам, генетический материал представляется для проведения ДНК-анализа в ненадлежащем виде, когда, например, гнилостные и другие изменения препятствуют его производству (причины могут быть различны: материал был изначально обнаружен и изъят в таком состоянии; материал был получен надлежащего качества, однако в связи с неправильным изъятием, упаковкой и хранением поступил экспертам в уже непригодном для исследования виде и т.п.). Названные обстоятельства препятствием для проведения ольфакторной экспертизы не являются, даже деградированный биологический материал сохраняет достаточное количество запаховых компонентов, присущих и идентичных запаховым компонентам живого организма.

Еще более интересной является сфера применения ольфакторного метода, изначально недоступная ДНК-анализу, – установление различения монозиготных близнецов, которые имеют идентичную последовательность нуклеотидов информативного участка ДНК и не различимы при ДНК-анализе.

Данная задача может быть решена только в процессе реализации ольфакторного метода, чему имеются положительные примеры в криминалистической практике (в отношении подозреваемых, обвиняемых) [7].

Так, в ноябре 2016 г. в городе Н. по месту жительства была изнасилована и убита гражданка С.. Вместе с ней был убит ее малолетний ребенок. На месте происшествия были обнаружены орудия преступления – молоток и бытовой нож со следами крови потерпевших. Через некоторое время по подозрению в совершении указанных преступлений были задержаны два брата-близнеца Н. и К.. ДНК-анализ потожировых выделений на орудиях убийства, предметах мебели, а также биологических жидкостей подтвердил причастность к преступлениям обоих братьев (как представлялось следствию), ведь ДНК-анализ их не различал (причастны один или оба, установить было невозможно, очевидцы отсутствовали). При этом братья не отрицали своего присутствия на месте преступления, однако каждый из них утверждал, что все преступные действия совершил не он, а его брат, а он сам только присутствовал при этом (изнасилование и убийства произошли в ходе совместного распития спиртных напитков, а затем ссоры одного из них с хозяйкой дома, когда она не захотела удовлетворить его сексуальные требования). В результате братьям вменили совершение преступлений «группой лиц по предварительному сговору». В суде первой инстанции в отношении каждого из братьев состоялся обвинительный приговор (при этом каждый из них продолжал настаивать на своей непричастности к совершению инкриминированных преступлений). Когда братья обжаловали приговор в кассационном порядке, все полагали, что они хотят использовать факт невозможности разделения их ролевого участия в совершении преступлений для того, чтобы «поломать» дело в суде. Однако судом для разрешения противоречия и восполнения пробела в доказывании была назначена судебная ольфакторная экспертиза, результаты которой оказались полной неожиданностью как для следствия, гособвинения, так и для суда. Брат К. оказался действительно не причастен к совершению преступлений. Первоначально было установлено, что у него не было полового контакта с гражданкой С., а затем было установлено, что и на орудиях убийства отсутствует его запаховый след. С учетом изложенного приговор был отменен, а в дальнейшем уголовное преследование в отношении брата К. было прекращено с реализацией права на реабилитацию (стал свидетелем – очевидцем в отношении брата Н.) [7].

Подводя итоги настоящего исследования, имеются основания констатировать, что одорологический метод (ольфакторная экспертиза), несмотря на доводы сомневающихся (при всем уважении к их позиции), уже достаточно давно (более полувека) сформировался и оформился с точки зрения науч-

но-теоретической базы, прошел эмпирическое апробирование, выдержал проверку временем и благодаря постоянному совершенствованию окончательно обрел прикладное значение для уголовного судопроизводства. Ольфакторная экспертиза заняла достойное место в списке судебных экспертиз, а ее заключение, вне всяких сомнений, приобрело статус объективного доказательства по уголовному делу (нередко единственного). Хочется выразить авторское мнение о том, что судебная ольфакторная экспертиза и в дальнейшем будет оставаться действенным биометрическим механизмом, способствующим раскрытию преступлений и расследованию уголовных дел.

Список источников

1. Лукманов И.А. Галяутдинов Р.Р. Особенности развития криминалистической одорологии // Меридиан. 2020. № 12 (46). С. 1-4.
2. Боровик О.С. Актуальные проблемы криминалистической одорологии // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 4. С. 21-25.
3. Бигуняк Д.Э., Халиуллина А.Ф. Проблемы применения «нестандартных» специальных знаний при расследовании убийств, связанных с применением гражданского огнестрельного оружия: криминалистическая одорология // Аллея Науки. 2020. № 11 (50).
4. Левашова О.В. Применение метода криминалистической одорологии при раскрытии и расследовании преступлений: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 4. С. 637-644.
5. Канунник А.И., Русяева Ю.О. Становление и развитие криминалистической одорологии // Вестник Пензенского государственного университета. 2023. № 4. С. 63-67.
6. Долженко Н.И., Гуськова Д.А. Этический аспект проблематики криминалистической одорологии // Юридические науки. 2022. № 10-3 (73). С. 67-69.
7. Кусмарцева А.А., Рывкин С.Ю. Особенности исследования запаховых следов человека // Моя профессиональная карьера. 2020. Т. 2. № 10. С. 104-111.

References

1. Lukmanov I.A. Galyautdinov R.R. Features of the development of forensic odorology. *Meridian*. 2020. No. 12 (46): 1-4. (In Russ.)
2. Borovik O.S. Actual problems of forensic odorology. *Trends in the development of science and education.* 2021. No. 4: 21-25. (In Russ.)
3. Bigunyak D.E., Khaliullina A.F. Problems of applying "non-standard" special knowledge in the investigation of murders involving the use of civilian firearms: forensic odorology. *Alley of Science.* 2020. No 11 (50). (In Russ.)
4. Levashova O.V. Application of the method of forensic odorology in the detection and investigation of crimes: problems and prospects. *Actual problems of the state and law.* 2023. Vol. 7. No. 4:637-644. (In Russ.)
5. Kanunnik A.I., Rusyaeva Yu.O. Formation and development of forensic odorology. *Bulletin of the Penza State University.* 2023. No. 4: 63-67. (In Russ.)
6. Dolzhenko N.I., Guskova D.A. The ethical aspect of the problems of criminalistic odorology. *Legal Sciences.* 2022. № 10-3 (73): 67-69. (In Russ.)
7. Kusmartseva A.A., Ryvkin S.Yu. Features of the study of human odor traces. *My professional career.* 2020. Vol. 2. No. 10: 104-111 (In Russ.)

Информация об авторах

О.И. Лозинский – кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права
А.Р. Клевец – студентка пятого курса специалитета юридического факультета

Information about the authors

O.I. Lozinsky – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Procedural Law
A.R. Klevets – Fifth-Year Student of the Faculty of Law

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 08.01.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 26.02.2024. The article was submitted 08.01.2024; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 26.02.2024

Научная статья
УДК 343

Эволюция «традиционных» и генерация новых способов сокрытия ранее совершенных и совершающихся преступлений как форма организации (реализации) противодействия их раскрытию и расследованию

© О.И. Лозинский, М.А. Фалюш, 2024

Олег Иванович Лозинский[1], Мария Александровна Фалюш[2]
[1,2] Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия
[1] oleg.lozz@yandex.ru
[2] Alliur4@gmail.com

Аннотация. В статье проанализированы способы сокрытия ранее совершенных и совершающихся преступлений как формы организации (реализации) противодействия их выявлению, установлению, регистрации, раскрытию и расследованию, приведен качественный причинно-следственный анализ тенденций к росту латентной преступности (сохранения ее на прежнем, высоком уровне, несмотря на принимаемые профильными государственными структурами меры. Результатом проведенного исследования стали выводы и предложения, которые, по мнению авторов, могут содействовать положительному разрешению имеющихся в названной сфере проблемных вопросов.

Ключевые слова: противодействие расследованию, сокрытие преступлений, подготовка преступления, фальсификация доказательств, инсценировка, маскировка, дезинформация, уничтожение улик, сокрытие преступлений от учета, сокрытие следов преступления, сокрытие преступлений потерпевшими, латентная преступность

Для цитирования: Лозинский О.И., Фалюш М.А. Эволюция «традиционных» и генерация новых способов сокрытия ранее совершенных и совершающихся преступлений как форма организации (реализации) противодействия их раскрытию и расследованию // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 3 (166). С. 107-113

Original article

The evolution of "traditional" and the generation of new ways to conceal previously committed and ongoing crimes as a form of organizing (implementing) counteraction to their disclosure and investigation

Oleg I. Lozinsky[1], Maria A. Falyush[2]
[1,2] South Russia Institute of Administration – the Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service, Rostov-on-Don, Russia
[1] oleg.lozz@yandex.ru
[2] Alliur4@gmail.com

Abstract. The article analyzes the methods of concealment of previously committed and ongoing crimes as a form of organization (implementation) of countering their identification, establishment, registration, disclosure and investigation, provides a qualitative causal analysis of trends in the growth of latent crime (maintaining at the same high level despite the measures taken by relevant government agencies. The result of the study is conclusions and proposals that, according to the authors, can contribute to a positive resolution of problematic issues existing in this area.

Keywords: counteraction to the investigation, concealment of crimes, preparation of crimes, falsification of evidence, staging, disguise, disinformation, destruction of evidence, concealment of crimes from accounting, concealment of traces of crime, concealment of crimes by victims, latent crime

For citation: Lozinsky O.I., Falyush M.A. The evolution of "traditional" and the generation of new ways to conceal previously committed and ongoing crimes as a form of organizing (implementing) counteraction to their disclosure and investigation. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.3 (166):107-113 (In Russ.)

На современном этапе поступательное общественное развитие, имеющее объективные предпосылки и позитивный характер, несмотря на принимаемый и реализуемый профильными государственными структурами комплекс мер, по-прежнему сопровождается довольно высоким уровнем преступности и напряженным состоянием криминогенной обстановки, как за счет общеуголовной преступно-

сти, так и за счет повышения уровня и расширения спектра террористических угроз и преступности, направленной против безопасности общества и государства.

При этом результаты профильной статистики, других форм аналитики, социальных опросов и других форм мониторинга общественного мнения свидетельствуют о том, что уровень (как количественный, так и качественный) латентной преступности, преступной деятельности по различным причинам сокрытой от учета (как в связи с должностными преступлениями, так и в большинстве случаев в результате пассивной позиции потерпевших, утративших, во многом, веру в эффективность, результативность и справедливость «официального пути» разрешения криминогенной ситуации через обращение в правоохранительные органы), умышленно сокрытой преступности (в результате направленных на это умышленных действий либо бездействия заинтересованных лиц) значительно (по некоторым оценкам, в определенных криминогенных сферах в разы) превышает количественный уровень учтенной преступности, а тем более преступлений, «дошедших до суда с обвинительным приговором».

Причины высокого уровня латентной преступности очень во многом имеют социальную подоплеку (в некоторых случаях вплоть до состояния субкультуры), и винить в этом только правоохранительные органы (и другие специализированные государственные органы) было бы не совсем правильно. Причастным к сферам практической реализации правоохранительной деятельности в уголовном судопроизводстве хорошо известно, как «долог и тернист, а иногда и не однозначен» путь от заявления о совершенном преступлении до обвинительного приговора (а каков этот путь, если преступление есть, а заявления, по любым причинам, нет, …; а что делать, если это, ко всему, еще и дело частного обвинения …). Это с одной стороны, но есть еще и другая сторона, связанная с умышленной деятельностью (как в форме действий, так и бездействия), направленной на сокрытие преступлений (на этапе их подготовки, организации и реализации – как препятствие их выявлению) и на оказание противодействия следственным и другим профильным государственным органам (также в т.ч. путем различных форм сокрытия) (на этапах возбуждения и расследования уголовного дела – как препятствие учету преступления, его раскрытию и расследованию).

Деятельность профильных (правоохранительных и других специализированных) государственных органов направлена (преимущественно ориентирована) на оказание противодействия локальной и организованной преступности и улучшение за счет этого общей криминогенной обстановки. При этом данная деятельность, упрощенно, состоит из двух основных компонентов: предотвращение преступлений (весь спектр профилактических мер, включая не процессуальные возможности оперативно-розыскной деятельности); обеспечение неотвратимости наказания за совершенные преступления (меры по факту уже совершенного преступления; весь спектр мер в рамках уголовного судопроизводства, от возбуждения уголовного дела, мер пресечения, до обвинительного приговора и его практической реализации).

При этом любому практику в данной сфере понятно, что сам по себе факт наличия противоправного деяния, увы, не влечет гарантированность привлечения совершившего его лица к уголовной ответственности. Одним из важнейших условий эффективной реализации механизмов уголовного судопроизводства является наличие, возможность получения и оформления в уголовно-процессуальном порядке объективных доказательств (в достаточном количестве) – о наличии факта (события), состава преступления, причастности к его совершению привлекаемого к уголовной ответственности лица и других обстоятельствах, предусмотренных УПК РФ.

С учетом изложенного, для профильных государственных органов любые источники достоверной доказательственной информации об обстоятельствах совершения противоправного деяния представляют повышенный интерес и ценность (в особенности, если данную информацию можно реализовать и закрепить посредством производства определенного следственного действия и приобщить к материалам уголовного дела его протокол; даже если это информация другого уровня, она все равно будет полезной для отработки версий обстоятельств совершения преступления, особенно, если эта версия не является единственной и однозначной).

Говоря о доказательственной информации, подразумеваются сведения двух типов (на двух разных этапах): инициирующие расследование (момент первичной осведомленности профильных органов о самом факте противоправного деяния); способствующие раскрытию и расследованию преступления (в период производства предварительного расследования по уголовному делу). Первая категория информации для настоящего исследования даже является более интересной, так как именно она знаменует грань между латентностью и учтенностью преступления. Вторая категория информации тоже очень важна, но там она уже не является первичной и единственной, здесь сокрытие информации и ее выявление, это уже грань и процесс профессионального противостояния следственных органов и правонарушителей (это не «ноль», здесь, как говорится, возможны варианты …, бывают и успехи и неудачи; получилось – доказательственная база усилилась, не получилось – имеются другие доказательства и надо предпринимать иные меры для усиления доказательственной позиции) [1].

Продолжая настоящее исследование, необходимо сделать небольшое лингвистическое отступление и дать понятийное определение (с разъяснением смыслового содержания») термину «сокрытие» (слово «сокрытие» является смысловым синонимом слов «скрыть», «утаить», «спрятать» и имеет несколько значений). «Сокрыть» это значит: спрятать; не дать возможности другим заметить, обнаружить; сделать что-либо невидимым, недоступным взору, заслонить, закрыть, замаскировать (от непосредственного обнаружения визуально или выявления другим путем); утаить что-либо; сохранить в тайне; уничтожить (замаскировать) внешние признаки (проявления) чего-либо, чтобы оно не было выявлено; придать чему-то внешнюю ложную «окраску», чтобы не была выявлена его истинная суть; умышленно дезинформировать кого-либо о чем-либо, не дав понять его истинный смысл (содержание) и т.п. [2].

Как это уже отмечалось, существенная доля преступных проявлений носит скрытый характер и не попадает в поле зрения профильных структур (что, естественно, несет большие социальные риски и негативные последствия в различных сферах, взаимосвязь с которыми иногда в прямой постановке и не усматривается, например, в демографической, мировоззренческой (социальные ценности, приоритеты и иное)).

Сильно не углубляясь в причинно-следственные связи, можно обозначить ряд социальных рисков (постоянно реализуемых последствий) данной ситуации:

- субъекты противоправной деятельности приобретают опыт безнаказанного совершения правонарушений;
- сокрытие факта преступления (как основание ухода от ответственности) приводит к рецидиву (повторное совершение одним и тем же лицом однотипных преступлений, а иногда и переход к систематическому совершению более тяжких преступлений);
- наличие значительного числа преступных деяний, оставленных без должного внимания со стороны профильных структур (в связи с отсутствием информации о факте их совершения), ощутимо понижает уровень функциональной эффективности и профпригодности этих структур (как с позиции их внутренней функциональности, так и с позиции их оценки гражданами и обществом в целом);
- высокий уровень латентности преступности и низкая раскрываемость значительной части учтенных преступлений влекут снижение уровня доверия к профильным структурам, в той или иной степени, отвечающим за снижение и подконтрольность уровня криминогенной обстановки;
- описываемая ситуация является одной из объективных предпосылок для самоорганизации «преступного мира» (там, где осталось много безнаказанных локальных противоправных проявлений, возникают различного рода преступные сообщества, формируются организованные преступные группы (ОПГ) и т.п.;
- снижение уровня правопорядка, правосознания, правовой культуры и потенциальная готовность населения обращаться за помощью («в поисках правды, справедливости и возмездия»), «куда угодно», минуя государственные правоохранительные и другие специализированные структуры и др.;
- еще большее размежевание в глазах людей таких и так далеко не однородных и неоднозначных понятий как «закон» и «справедливость» (вплоть до создания проявлений субкультуры, когда они вообще противопоставляются друг другу, с констатацией того, что «… в правоохранительных структурах правды не найдешь, по крайней мере в приемлемые сроки, и за справедливостью и возмездием надо идти в криминальные (полукриминальные) структуры или к криминальным авторитетам – к людям «из народа», «хоть и не дружащим с законом, но с обостренным чувством справедливости», неким «благородным разбойникам»), (названная позиция «зреет» не только на бытовом, обывательском, местном уровне, отражается в местном «фольклоре», но и не редко пропагандируется, например, в кинематографе, ориентированном на массового зрителя) и др. (данная ситуация, представляется не просто негативной, но и опасной как в ментальном плане, так и на практике; отечественный исторический опыт уже не раз показывал, что придание криминальным структурам подобного имиджа и заигрывание с ними в этом плане не к чему хорошему не приводило) [3].

Немного отойдя от «лирики», следует признать, что проблемы сокрытия преступлений и противодействия их расследованию имеют и достаточно объективные, более реальные причины и проявления.

Например, сокрытие факта противоправного деяния может являться результатом:

- неготовности потерпевшего обратиться в профильные структуры (по причине: стыда; боязни огласки, создания себе некомфортных реакций и обстановки со стороны внешнего окружения, членов семьи; неверия (во всей его многогранности) в правоохранительные структуры, самоубеждения в малозначительности причиненного ущерба (физического, морального, материального) и т.п.;
- оказания морального давления, угроз, применения физического насилия (угрозы его применения, вплоть до угрозы жизни) по отношению к потерпевшему (близким ему людям), угрозы причинения ему (им) имущественного вреда и т.п. со стороны лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, или по их инициативе (поручению);

- целенаправленных действий (умышленного бездействия) со стороны злоумышленников (других лиц, по их инициативе, просьбе, приказу и т.п., в т.ч. и в связи с взаимной заинтересованностью), направленных на исключение возможности выявления, установления и учета факта противоправного деяния (создания препятствий в его раскрытии и расследовании) и др. [3].

Продолжая настоящее исследование, представляется необходимым рассмотреть наиболее типичные способы сокрытия противоправной деятельности, используемые различного рода злоумышленниками (в конкретных ситуациях эти способы могут реализовываться тем или иным образом, так как возможности их эмпирического использования довольно многогранны и во многом ограничиваются лишь финансово-техническими возможностями и фантазией их применителя).

Одним из таких способов является фальсификация, которая должна способствовать введению в заблуждение субъектов (контрольно-надзорной, криминалистической деятельности, следственных органов и др.).

Фальсификация (схематично) подразделяется на фальсификацию показаний и фальсификацию материальных объектов.

Фальсификация показаний возможна в форме: активной (ложные показания, донос); пассивной (умолчание); лжесвидетельства; создания ложного алиби и т.п.

Фальсификация материальных объектов возможна в форме: подделки документов (полной, частичной); частичного уничтожения документов (с целю изменения их вида, содержания); создания ложных следов и потенциальных вещественных доказательств; подмены (дублирования) объектов; частичного изменения (уничтожения) объекта с целью изменения его внешнего вида (придания ему вида, свидетельствующего о его другом назначении) и т.п.

Еще одним способом сокрытия противоправной деятельности является инсценировка, под которой предлагается понимать искусственное создание заинтересованным лицом (другими лицами, по его инициативе) обстановки, не соответствующей фактически произошедшему на определенном месте событию.

При этом инсценировка может преследовать следующие цели:

- создание видимости совершения в определенном месте другого преступления и сокрытие признаков подлинного события;
- создание видимости произошедшего на данном месте события, не имеющего криминального характера, для сокрытия совершенного противоправного деяния;
- создание видимости совершенного преступного деяния для сокрытия фактов аморального поведения, беспечности и других проступков, не имеющих криминального характера;
- создание ложного представления об отдельных деталях фактически совершенного преступления или об отдельных элементах его состава: инсценировка совершения преступления другим лицом, в другом месте, в другое время, в иных целях и по другим мотивам и т.п. [4].

Продолжая исследование, рассмотрим далее такой способ сокрытия преступной деятельности как маскировка, под которой понимаются действия (совокупность средств, приемов и т.п.), направленные: на сокрытие самого факта события; на искажение представлений о событии (если его факт перестал быть тайной): о его времени, месте, количественных и качественных показателях, его участниках, объектах - носителях информации; на сокрытие истинных намерений в отношении кого-то (чего-то) [5].

Маскировка – это не фальсификация, она не направлена на фактическое искажение (изменение) каких-либо объектов (событий). Она носит не активный, а активно-пассивный характер и направлена именно на сокрытие, а не на искажение фактического положения дел (например – скрыть часть чего-то, чтобы большее казалось меньшим или другим; при этом сам скрываемый объект остается неизменным.

Маскировку, например, может характеризовать конфиденциальное, негласное, скрытое проведение каких-либо действий, направленных на введение контрагента в заблуждение (иногда открыто, более явно, с привлечением внимания, производятся какие-то действия имитационного характера, для того чтобы оппонент сконцентрировал на них свое внимание и пропустил, оставил без внимания и оценки, идущие параллельно с ними другие фактические действия).

Далее предлагается рассмотреть такой радикальный способ сокрытия признаков преступной деятельности как уничтожение, под которым понимаются действия, в результате которых происходит полное исчезновение материального объекта, информации и т.п. (либо исчезновение комплекса их существенных элементов при невозможности их восстановления). Сущность уничтожения заключается в том, что оно направлено не на изменение структуры объекта, а на его полную или частичную (отдельных значимых компонентов) ликвидацию.

Уничтожение бывает полным или частичным. Объект, подвергнутый полному уничтожению, не влечет каких-либо дальнейших связей (он исчез, перестал существовать, восстановление его невоз-

можно). Частичное уничтожение объекта таких последствий не влечет и может являться подготовительным этапом для дальнейшей фальсификации.

После реализации уничтожения субъекты криминалистической деятельности фактически лишены возможности получения информации об объекте и использования ее в целях расследования.

Еще одним способом сокрытия проявлений преступной деятельности является дезинформация, под которой понимается введение в заблуждение кого-либо путем сообщения им заведомо ложной информации или же доведение им этих сведений в результате непреднамеренной ошибки (добросовестного заблуждения). То есть дезинформация возможна как в результате умышленных, так и не преднамеренных действий (при условии, что сообщающее информацию лицо убеждено в ее достоверности). Дезинформация направлена на искажение информационного объекта (не материального).

Продолжая исследование необходимо отметить, что с учетом различного рода обстоятельств по конкретному уголовному делу сокрытие может рассматриваться как: часть состава преступления; отдельное преступление; деяние - элемент криминалистической характеристики преступления (но не элемент его состава).

В зависимости от указанного, сокрытие как элемент может входить в состав характеристики противоправного деяния в нескольких формах:

- сокрытие как вид преступления, предусмотренного конкретной статьей УК РФ (тесно контактирует с другими элементами криминалистической характеристики и непосредственно влияет на них (вплоть до определяющего значения), относится к обстоятельствам, подлежащим доказыванию);
- сокрытие как элемент состава преступления (преимущественно объективной стороны) (включается в механизм совершения противоправного деяния; относится к обстоятельствам, подлежащим доказыванию (зависит от предмета преступного посягательства, механизма совершения противоправного деяния и личности злоумышленника));
- сокрытие как элемент только криминалистической характеристики преступления (относится к обстоятельствам, подлежащим установлению; влияет на эффективность расследования противоправной деятельности; может соотноситься по времени и обстоятельствам с оказанием противодействия расследованию, или являться частью механизма совершения преступления) [6].

Как уже отмечалось, действия, направленные на сокрытие преступной деятельности, могут носить как форму активного противодействия расследованию в виде: уговоров, подкупа, шантажа, угроз насилием, попытки повлиять на расследование с использованием средств массовой информации, интернет-ресурсов и т.п., так и форму пассивного противодействия расследованию, в виде: уклонения от участия в расследовании, выезде лиц в другие регионы и страны, симуляции болезней и т.п.

Необходимо отметить, что названные факты не часто находят отражение в материалах уголовных дел. Объясняется это тем, что законно и обоснованно возбужденное уголовное дело, потенциально, должно быть расследовано в достаточно жесткие процессуальные сроки и направлено для рассмотрения по существу в суд. При этом документальная фиксация (например, в показаниях кого-либо) таких фактов влечет необходимость их расследования и дачи им правовой оценки – в форме «бумажного» процессуального решения (либо в рамках расследуемого уголовного дела, либо о выделении материалов в отдельное производство). Все это увеличивает объемы работы и сроки следствия по делу и, в большинстве случаев, приводит к «нулевому» результату (показания меняются, заявления «забираются» и т.п., при этом в большинстве случаев это либо деяния не криминального уровня, либо малозначительные составы, либо составы частного обвинения)). С учетом того, что расследуемое уголовное дело является у следователя далеко не единственным (в производстве у одного следователя может одновременно находиться и двадцать и более уголовных дел (различных категорий) и материалов доследственных проверок), не всякий готов (как говорится, «из ложно понятых интересов службы») идти на названные траты времени и сил с очень сомнительным процессуальным результатом.

Как показывают результаты настоящего исследования, проблема сокрытия преступлений, противодействия их раскрытию и расследованию очень во многом носит социально-субъективный, ментальный (воспитанный на жизненном опыте) характер (высокая латентность преступности; неготовность значительной части потерпевших «афишировать» совершение в отношении них противоправных действий в правоохранительных органах; наличие в правоохранительных органах проблемы сокрытия преступлений от учета (в подавляющем большинстве случаев даже не по коррупционным мотивам, а из-за желания «контролировать объемы поступающей работы в рамках реально выполнимых»; неверие (на бытовом уровне) части населения в справедливость, эффективность и оперативность деятельности профильных структур; допустимость для части населения решения проблемных вопросов в правоохранительной сфере в обход профильных государственных структур, либо самим (самоуправно), либо через негосударственные, а иногда полукриминальные и криминальные структуры и др. [7].

Наличие качественной нормативно-правовой базы, безусловно, является положительным моментом, однако венцом всему служит правоприменительная практика, которая реализуется конкретными людьми в отношении конкретных людей, и субъективный характер ее реализации со временем является одним из основных источников формирования описанной правовой ментальности.

При этом некоторые положения возможного алгоритма нормализации ситуации давно известны:

- «единообразное толкование и исполнение законов в сфере уголовного судопроизводства» (авторы не являются сторонниками прецедентного права, но определенное соотнесение текущей судебной практики и сложившейся, в т.ч. и в области назначения наказания, должно быть; при этом эта практика должна быть общей, а не зависеть от региона);
- «полнейшая безальтернативность государству в области монополии на законное применение насилия» (заигрывание с развитием различного рода частных детективных и охранных агентств, служб безопасности коммерческих и других негосударственных структур, к не чему хорошему не привело, а напротив, очень во многом послужило «на пользу» для легализации организованных преступных группировок, создания частных силовых структур, а порой, в финансово обеспеченных коммерческих структурах, и частных «мини армий»; в некоторых регионах на местном уровне эти структуры настолько сильны и влиятельны, что могут противопоставлять себя правоохранительным органам и пытаться «подменять» их в качестве альтернативы (по некоторым оценкам, на текущий момент в названных структурах работает более миллиона человек; зачастую это люди с боевым и профессиональным опытом военной и другой службы, «не нашедшие себя на гражданке»);
- максимально возможная «неотвратимость наказания за совершенные противоправные деяния» (на первоначальном этапе даже не за счет ужесточения наказания, а за счет максимально возможного вывода «из тени» латентной преступности; при этом профильные структуры должны быть готовы (по всему спектру этого понятия) и мотивированы «принять» этот объем, учесть его и отработать до принятия по нему законных и обоснованных процессуальных решений);
- «повышение правовой культуры населения» (обо всех противоправных деяниях, в особенности о тех, которые носят криминальный характер, должно заявляться в правоохранительные органы – никакого «перетерпим», никакого «спуска на тормозах под ноль», никакого самосуда, никакого решения вопроса «по понятиям»; указанное должно стать делом принципа, а со временем войти в ментальность; понятно, что указанное возможно только при наличии «обратной связи» с профильными государственными структурами, руководство которых должно получить соответствующие однозначно трактуемые указания, исполнение которых должно контролироваться на самом высоком уровне; при этом рост преступности (в форме статистических данных) на данном этапе должен перестать быть негативным показателем; преступность должна снижаться не за счет ее сокрытия, в т.ч. от учета, а за счет ее естественной убыли в связи со снижением уровня криминогенной ситуации; кроме того, при этом должна быть обеспечена действенная государственная защита потерпевшим, свидетелям, другим участникам уголовного судопроизводства).

Указанный перечень может быть продолжен путем соответствующих консультаций и опросов.

Подводя итоги настоящего исследования, хочется выразить авторские пожелания и уверенность в том, что меры, необходимые для преодоления причин латентности и сокрытия преступлений, возможностей криминальных структур оказывать скрытое противодействие следствию, будут последовательно реализовываться, что приведет к повышению правовой культуры гражданского общества, усилению позиций профильных государственных структур в борьбе с преступности, и, как следствие, к снижению криминальной активности и повышению уровня правопорядка.

Список источников

1. Кондин А.И. Квалификация сокрытия преступлений от учета // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 3 (48). С. 208-212.
2. Тищенко Ю.Ю. К вопросу о мотивах сокрытия преступлений потерпевшими // Право и государство: теория и практика. 2022. № 11 (115). С. 202-204.
3. Гафаров Э.С. Детерминация латентной организованной преступности // Форум молодых ученых. 2021. № 6 (58). С. 206-209.
4. Эндерс А.И. Особенности противодействия сокрытию следов преступления путем поджога // Общество и право. 2021. № 2 (76). С. 80-84.
5. Барнев Н.С. О способах совершения сокрытия преступлений, посягающих на культурные ценности // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 1. С. 188-195.
6. Поляков В.В. Структура и содержание способа совершения высокотехнологичных преступлений // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 1. С. 27-39.
7. Косынкин А.А. Инсценировка как форма противодействия расследованию преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник Челябинского государственного университета. «Право». 2021. № 129. С. 78-80.

References

1. Kondin A.I. Qualification of concealment of crimes from accounting. *Bulletin of Omsk University. The series "Law"*. 2016. No. 3 (48): 208-212. (In Russ.)
2. Tishchenko Yu.Yu. On the issue of motives for concealing crimes by victims. *Law and the state: theory and practice*. 2022. No. 11 (115): 202-204. (In Russ.)
3. Gafarov E.S. Determination of latent organized crime. *Forum of young scientists*. 2021. No. 6 (58): 206-209. (In Russ.)
4. Enders A.I. Features of countering the concealment of traces of a crime by arson. *Society and law*. 2021. No. 2 (76): 80-84. (In Russ.)
5. Barnev N.S. On ways to commit concealment of crimes encroaching on cultural values. *Legal policy and legal life*. 2023. No. 1:188-195. (In Russ.)
6. Polyakov V.V. Structure and content of the method of committing high-tech crimes. *Russian law: education, practice, science*. 2023. No. 1: 27-39. (In Russ.)
7. Kosynkin A.A. Staging as a form of counteraction to the investigation of crimes in the field of computer information. *Bulletin of the Chelyabinsk State University. "Law."* 2021. No. 129:78-80 (In Russ.)

Информация об авторах

О.И. Лозинский – кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права
М.А. Фалюш – студентка пятого курса специалитета юридического факультета

Information about the authors

O.I. Lozinsky – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Procedural Law
M.A. Falyush – Fifth-Year Student of the Faculty of Law

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.01.2024; одобрена после рецензирования 13.02.2024; принята к публикации 26.02.2024. The article was submitted 13.01.2024; approved after reviewing 13.02.2024; accepted for publication 26.02.2024

Научная статья
УДК 343.72

Преступления, связанные с робототехникой, как новая угроза национальной безопасности России

© Семенцова И. А., Жорницкая Е. А., 2024

Ирина Анатольевна Семенцова [1], Екатерина Александровна Жорницкая [2]
[1] Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)» в г. Ростове-на-Дону; Филиал Московского университета им. С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия. irina_semen@inbox.ru
[2] Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)» в г. Ростове-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия. e.zhornitskaya@yandex.ru

Аннотация. В научном исследовании авторы поднимают вопросы использования робототехники как средства и орудия совершения преступления, рассматривают ряд проблемных аспектов этой сферы, а также возможные пути их устранения. В заключение предлагаются положения по совершенствованию российского уголовного законодательства, а также дополнению существующей разъяснительной правоприменительной практики более новыми материалами, что позволит оптимизировать современный правоприменительный процесс, сделав его более совершенным.

Ключевые слова: роботизация, киберпреступления, уголовная ответственность, уголовно-правовая квалификация, искусственный интеллект, уголовное право

Для цитирования: Семенцова И.А., Жорницкая Е.А. Преступления, связанные с робототехникой, как новая угроза национальной безопасности России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. №3(166). С.114-118

Original article

Crimes related to robotics as a new threat to Russia's national security

© Sementsova I.A., Zhornitskaya E.A., 2024

Irina A. Sementsova [1], Ekaterina A. Zhornitskaya [2]
[1] Rostov Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, Rostov-on-Don; Branch of Moscow Witte University in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia. irina_semen@inbox.ru
[2] Rostov Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia. e.zhornitskaya@yandex.ru

Abstract. In research, the authors consider the use of robotics as a means and instrument for committing a crime, examine a number of problematic aspects of this area, as well as possible ways to eliminate them. In conclusion, provisions are proposed for improving Russian criminal legislation, as well as supplementing existing explanatory law enforcement practice with newer materials, which will improve law enforcement process.

Keywords: robotization, cybercrimes, criminal liability, criminal law qualification, artificial intelligence, criminal law

For citation: Sementsova I.A., Zhornitskaya E.A. Crimes related to robotics as a new threat to Russia's national security. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.3 (166):114-118 (In Russ.)

Современная объективная реальность развивается с учетом требований, которые диктует процесс цифровизации. Множество государственных органов с 2019 года перешли в дистанционный формат, который значительно облегчил гражданам возможность решения определенных вопросов. Таким образом, можно смело утверждать о формировании нового цифрового пространства.

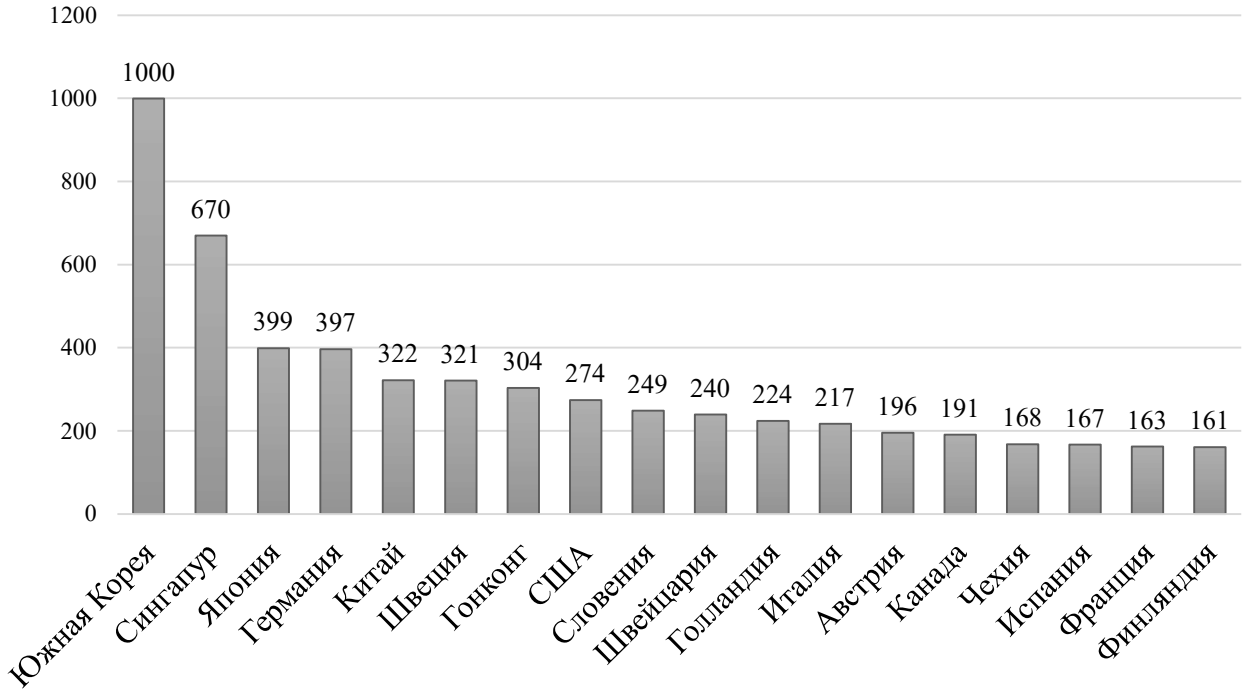
Как показывает практика, появление новых объектов в жизни человека, как правило, порождает как положительные, так и отрицательные последствия. В качестве последних особо следует выделить использование человеком технологий искусственного интеллекта в преступных целях, одной из которых является робот как относительно автономный объект, представляющий собой физическую оболочку для искусственного интеллекта.

Появление робототехники как отдельной отрасли промышленности произошло еще во времена существования Советского Союза, когда только предпринимались попытки по оптимизации производства и облегчения труда наемных рабочих. Однако в связи с закономерной эволюцией общества и

общественного сознания данная отрасль стала пронизывать все большее количество сфер жизнедеятельности человека.

Важно отметить и тот факт, что робототехника в Российской Федерации стала набирать свою популярность относительно недавно, чем и обусловлено достаточно низкий уровень ее развития (рисунок 1).

Рисунок 1. Плотность роботов в промышленности на 2022 год



Соответственно, что касается развития отрасли робототехники и ее практического применения в Российской Федерации, то данные показатели остаются на крайне низком уровне (индекс составляет 6 роботов на 10 000 персонала), что обуславливается рядом объективных причин:

1) достаточно поздний вход в отрасль робототехники;
2) ограничения по поставке комплектующих деталей и технологий создания роботов, вызванные введением санкций;
3) отсутствие законодательного обрамления данной отрасли;
4) недостаточный уровень мер поддержки от государства;
5) дефицит рабочей силы и другие причины.

Как уже отмечалось, внедрение в жизнь человека новых объектов и технологий зачастую порождает не только положительные, но и отрицательные последствия, одним из которых является рост такого вида преступности.

Наиболее актуальным вопросом в области применения робототехники является вопрос юридической ответственности, который пока еще не получил соответствующих ответов в законодательстве России, весьма актуален вопрос разработки нормативно-правового регулирования данной сферы.

Так, Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года [1] закрепляет следующее: требуется дальнейшая проработка механизмов гражданско-правовой, уголовной и административной ответственности в случае причинения вреда системами искусственного интеллекта и робототехники, имеющими высокую степень автономности.

В процессе исследования вопроса об ответственности за деяния, связанные с робототехникой, авторы могут сделать заключение о том, что робот может использоваться в качестве орудия преступления, средства совершения преступления, и это на сегодняшний день нашло свое отражение в правоприменительной практике, то есть можно говорить о реальной возможности их использования человечеством. Также в науке, как отечественной, так и зарубежной, ведутся многочисленные дискуссии о правосубъектности робота, следовательно, и придания ему статуса субъекта преступления.

По мнению автора, с этим нельзя не согласиться по причине того, что робот, как и юридическое лицо, не создается самостоятельно по своей воле, а является объектом совместной или самостоятельной деятельности физического лица. По этой причине данная концепция не является совершенной даже несмотря на то, что облегчает процесс осуществления правосудия, но как упомянуто ранее, действия в процессе работы юридических лиц всегда относятся к действиям индивида или группы людей [2].

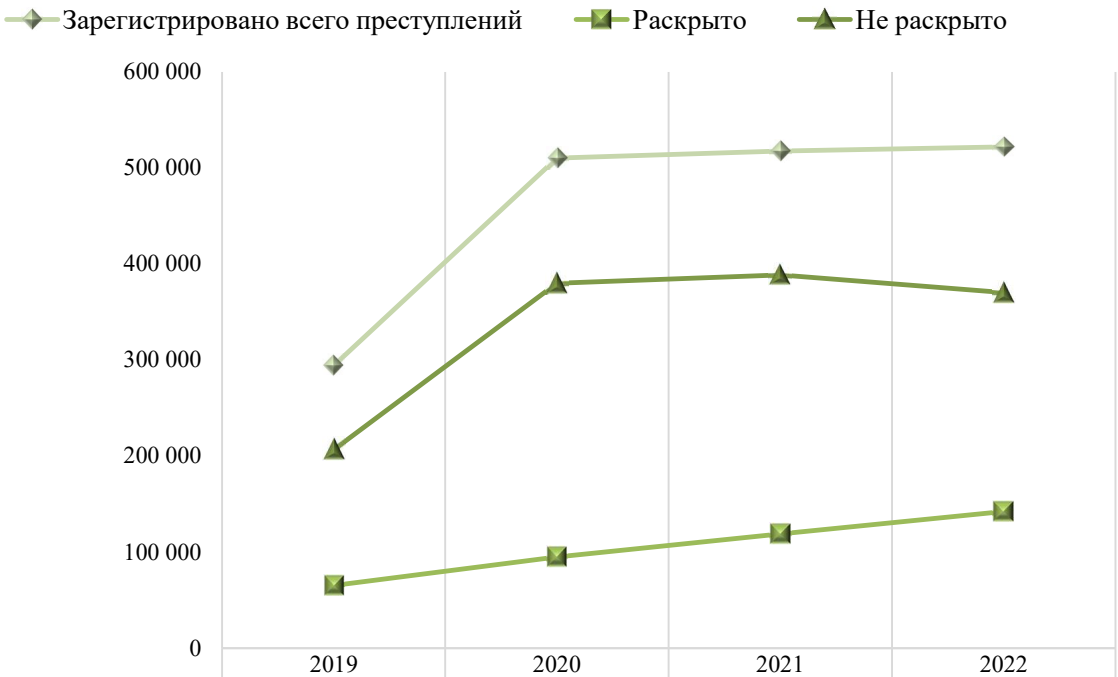
Рассмотрим категорию преступлений, в которых роботы выступают средством совершения преступления. И как правило, в качестве такового выступает компьютер. Соответственно, видится целесообразным охарактеризовать ст. 159.6 Уголовного кодекса РФ [3], где продукты искусственного интеллекта могут эффективно использоваться в качестве средства совершения деяния. Непосредственным объектом данного состава выступают общественные отношения, связанные с отношениями собственности, вне зависимости от ее формы, дополнительным объектом выступают правоотношения, связанные с компьютерной информацией.

Объективной стороной является хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации. Так, в российской практике уже известны случаи, когда кибермошенники с помощью вредоносных программ-ботов похищают персональные данные и вымогают деньги. В данном примере средством является вирус «TeaBot», который маскируется под популярные Android-приложения, а после скачивания получает доступ к смартфону жертвы [4].

Отметим, что ст. 159.6 УК РФ уже косвенно предполагает возможное использование искусственного интеллекта, например, в случае отождествления его с компьютерным вирусом. Ведь, если говорить о его применении как самообучаемого вируса, который с помощью запрограммированных навыков будет осуществлять противоправные операции с информацией, то в таком случае добавление квалифицирующего состава в данную статью, по нашему мнению, не будет эффективным на практике.

Подтверждение высказанной позиции авторы считают необходимым проиллюстрировать статистическими материалами, предоставленными на Рисунке 2.

Рисунок 2. Сведения о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации



	2019	2020	2021	2022
Зарегистрировано всего преступлений	294 409	510 396	517 722	522 065
Раскрыто	65 238	94 942	118 920	142 384
Не раскрыто	206 594	379 830	388 607	370 179

Помимо использования робототехники в качестве средства совершения преступления стоит охарактеризовать возможность их применения в качестве орудия преступления. Первым случаем использования роботов в качестве орудия является убийство, произошедшее в США, когда рабочий, занятый на автоматизированном предприятии, выполнявшем покрасочные работы для автомобильной индустрии, пострадал от применения к нему робототехники. В результате нарушения программы, отвечающей за координацию автоматических манипуляторов, одного из роботов, последний вместо дверцы захватил шею рабочего и причинил смерть путем удушения [5].

Мы полагаем, что подобные действия могут быть положены в основу программного обеспечения робота, который в таких случаях приобретает статус орудия преступления.

Российская практика также знакома с использованием роботов в качестве орудия преступления. Так, в 2018 году боевики банды «Сунженский джамаат» во главе с Лечи Гадамаури планировали с помощью беспилотного летательного аппарата взорвать здания территориального ФСБ или МВД Сунженского района [6], один из участников данной группировки умышленно ездил в г.Грозный с целью найти в городе оператора по управлению БПЛА.

Использование роботов, как военных, так и не предназначенных для военных целей, возможно не только в военное время в зоне боевых действий, но и в мирное время, что подтверждает высокую степень общественной опасности, и, как правило, общественно опасные последствия наступают именно в местах больших скоплений людей, в качестве подтверждения приведем пример из зарубежной практики, когда в Мексике (г. Мехико) был зафиксирован факт выстрела беспилотником в скопление людей во время проведения массового мероприятия [7].

Стоит отметить, что в России подобной практики пока что нет, что является положительным, однако в условиях современной ситуации подобные деяния могут происходить в общественных местах и на территории Российской Федерации. В этой связи хочется упомянуть о случаях, когда из-за неполадок в программной работе объектов робототехники был причинен существенный вред здоровью человека, также известны случаи, когда при попытках ликвидации БПЛА был нанесен ущерб объектам инфраструктуры. Например, 23 августа 2023 года Москва подверглась атаке беспилотников, в результате которой пострадала одна из башен комплекса «Москва-Сити», а также несколько пятиэтажных зданий вблизи комплекса [8].

В заключении авторы приходят к выводу о том, что уголовное законодательство на сегодняшний значительно отстает от технического прогресса. Также хотелось бы предложить ввести в качестве квалифицирующего признака использование объектов робототехники. В качестве альтернативы можно предложить наделить ранее указанные объекты (БПЛА и т.п.) статусом оружия путем внесения соответствующих изменений в ст. 2 ФЗ «Об оружии», что расширит перечень предметов некоторых преступлений против общественной безопасности.

Для решения вопроса о современной модернизации уголовного законодательства мы полагаем, что необходимо разработать текст с разъяснениями Верховным Судом РФ, где получат свою регламентацию ряд проблемных вопросов, касающихся квалификации «хакерских» атак с использованием элементов искусственного интеллекта по ст. 159.6 УК РФ, а также будут детально проработаны вопросы о принадлежности некоторых изделий робототехники к категории предметов, используемых в качестве оружия.

Список источников

1. Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 35. 31.08.2020. Ст. 5593.
2. Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2019. Право. №3. С. 461–476.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Кибермошенники с помощью вредоносных ПО похищают персональные данные и вымогают деньги // URL: https://argumenti.ru/opinion/2021/06/726445.
5. Грачева Ю.В., Арямов А.А. Роботизация и искусственный интеллект: уголовно-правовые риски в сфере общественной безопасности // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 6(115). С. 169-178.
6. Террокоптер: как бандиты с помощью беспилотного летательного аппарата хотели взорвать МВД и ФСБ // URL: https://ria.ru/20180207/1514160209.html?ysclid=lpe8woedpy181523850
7. Дрон выстрел толпы, размахивающей флагом гей-прайда на параде прайда в Мехико // URL:https://elements.envato.com/ru/cenital-drone-shot-of-a-crowd-waving-the-gay-pride-D2ST649

8. Дрон попал в здание в «Москва-Сити» // URL: https://www.rbc.ru/politics/23/08/2023/64e5b7759a79474c1af1909a

References

1. Decree of the Government of the Russian Federation dated 19.08.2020 No. 2129-r "On approval of the Concept for the development of regulation of relations in the field of artificial intelligence and robotics technologies for the period up to 2024". *Collection of Legislation of the Russian Federation*. No. 35. 08.31.2020. Art. 5593.
2. Mosechkin I. N. Artificial intelligence and criminal liability: problems of the formation of a new type of crime subject. *Bulletin of St. Petersburg University*. 2019. Law. No. 3: 461-476.
3. Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ (ed. dated 08/04/2023). *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 1996. No. 25. Art. 2954.
4. Cybercriminals using malware steal personal data and extort money. Access mode: https://argumenti.ru/opinion/2021/06/726445
5. Gracheva Yu.V., Aryamov A.A. Robotization and artificial intelligence: criminal legal risks in the field of public security. *Current problems of Russian law*. 2020. T. 15, No. 6(115):169-178
6. The terrorist helicopter: how bandits with the help of an unmanned aerial vehicle wanted to blow up the Interior Ministry and the FSB. Access mode: https://ria.ru/20180207/1514160209.html?ysclid=lpe8woedpy181523850
7. Drone shot of a crowd waving a gay pride flag at a pride parade in Mexico City. Access mode: https://elements.envato.com/ru/cenital-drone-shot-of-a-crowd-waving-the-gay-pride-D2ST649
8. The drone hit the building in Moscow City. Access mode: https://www.rbc.ru/politics/23/08/2023/64e5b7759a79474c1af1909a

Информация об авторах

Семенцова И. А. – кандидат юридических наук, доцент
Жорницкая Е. А. – обучающаяся

Information about the authors

Sementsova I.A. – Candidate of Law, Associate Professor
Zhornitskaya E. A. – 5th year Student

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.02.2024; одобрена после рецензирования 21.02.2024; принята к публикации 26.02.2024. The article was submitted 06.02.2024; approved after reviewing 21.02.2024; accepted for publication 26.02.2024

Научная статья
УДК 343.72

Актуальные вопросы предупреждения и противодействия несанкционированному доступу к информации в сети Интернет

© Семенцова И.А., Фоменко А.И., Шабаева А. Е., 2024

Семенцова Ирина Анатольевна[1], Фоменко Андрей Иванович [2], Шабаева Алина Евгеньевна [3]
[1] Филиал Московского университета им. С.Ю. Витте в г. Ростов-на-Дону; Южный Университет (ИУБиП), Ростов-на-Дону, Россия. irina_semen@inbox.ru
[2] Южный Университет (ИУБиП), Ростов-на-Дону, Россия. fomenko3007@mail.ru
[3] Южный Университет (ИУБиП), Ростов-на-Дону, Россия. shabaeva.alya@mail.ru

Аннотация. В данной статье исследуются вопросы противодействия и предупреждения несанкционированному доступу к информации в сети Интернет. Известно, что глобальная сеть Интернет предоставила новые возможности для совершения преступлений, а соответственно, появлению и развитию уровня цифровой преступности. В связи с этим авторы сосредотачивают особое внимание на проблемных аспектах как превентивной, так и правоприменительной деятельности, связанной с минимизацией уровня преступлений в интернет-среде. В заключение отмечаются возможные эффективные меры по устранению и разрешению отмечаемых в данном научном исследовании проблем.

Ключевые слова: информатизация, компьютерные преступления, несанкционированный доступ, охрана информации, информационные ресурсы, противодействие преступности, криминология

Для цитирования: Семенцова И.А., Фоменко А.И., Шабаева А.Е. Актуальные вопросы предупреждения и противодействия несанкционированному доступу к информации в сети Интернет // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. №3(166). С.119-123

Original article

Current issues of preventing and countering unauthorized access to information on the Internet

© I.A. Sementsova, A.I. Fomenko, A.E. Shabaeva, 2024

Irina A. Sementsova [1], Andrey I. Fomenko [2], Alina E. Shabaeva [3]
[1] Branch of Moscow Witte University in Rostov-on-Don; Southern University (IMBL), Rostov-on-Don, Russia. irina_semen@inbox.ru
[2] Southern University (IMBL), Rostov-on-Don, Russia. fomenko3007@mail.ru
[3] Southern University (IMBL), Rostov-on-Don, Russia. shabaeva.alya@mail.ru

Abstract. This article examines the issues of countering and preventing unauthorized access to information on the Internet. It is known that the global Internet has provided new opportunities for committing crimes, and accordingly the emergence and development of the level of digital crime. In this regard, the authors focus special attention on the problematic aspects of both preventive and law enforcement activities related to minimizing the level of crimes in the Internet environment. In conclusion, possible effective measures to eliminate and resolve the problems noted in this scientific study are noted.

Keywords: informatization, computer crimes, unauthorized access, information resources, crime control, criminology

For citation: Sementsova I.A., Fomenko A.I., Shabaeva A.E. Current issues of preventing and countering unauthorized access to information on the Internet. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.3 (166):119-123 (In Russ.)

Отталкиваясь от международного опыта, чтобы снизить преступную деятельность в сети Интернет, правоохранительным органам необходимо активно использовать меры профилактического характера.

Факторы, характеризующие современное состояние информационной безопасности, нашли свое закрепление на уровне концептуальных документов государства:

– использование информационно-коммуникационных технологий для подрыва суверенитета государств;

– вмешательство специальных служб иностранных государств в российское информационное пространство;

– распространение ложной информации в целях дестабилизации общественно-политической ситуации в Российской Федерации;

– призыв к осуществлению экстремистской деятельности;

– пропаганда наркотических веществ;

– легализация доходов, полученных преступным путем, за счет использования информационно-коммуникационных технологий [1].

В марте 2022 года Национальный координационный центр по компьютерным инцидентам при ФСБ России сообщил о массированных компьютерных атаках на web-приложения в российском сегменте интернета и выпустил рекомендации по их защите. По данным экспертов, потери России от кибератак составляют порядка 600 млрд руб., при этом в ближайшие годы они могут достигнуть 1,5 трлн руб., а число киберпреступлений может увеличиваться ежемесячно на 3-4% [2].

Это потребовало принятие дополнительных мер, среди которых и возложение на соответствующих должностных лиц федеральных органов исполнительной власти, высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, государственных фондов, государственных корпораций и иных организаций полномочий по обеспечению информационной безопасности соответствующих ведомств, в том числе по обнаружению, предупреждению и ликвидации последствий компьютерных атак, реагированию на компьютерные инциденты.

Кроме этого, с 1 января 2025 года в России указанным ведомствам запрещается использовать средства защиты информации, происходящие из недружественных стран [3].

Следует отметить, что для некоторых лиц деятельность по намеренному нарушению чужих прав становиться неким хобби в интернете или даже образом жизни. Для того чтобы общество могло свободно развиваться с помощью современных высоких технологий в своей стране, государству просто необходимо постоянно совершенствовать законодательную базу в сфере обеспечения информационной безопасности. Предпринимателям гораздо выгодней вкладывать деньги в развитие информационных технологий той страны, которая заботится о безопасности электронного бизнеса. В последнее время в России наметились перемены в сторону обеспечения сохранности и развития информационно-правовых аспектов.

Разработка и продуктивная реализация комплекса превентивных мер, направленных на решение задач уголовной политики, вопросов в сфере криминологической проблематики, не могут быть осуществлены без мониторинга развития и прогнозируемых оценок политических, социально-правовых, экономических и других реалий мирового и регионального характера.

Профессор В. В. Лунеев отмечает, что сегодня криминологических закономерностей множество, однако среди них ученый-криминолог акцентирует внимание на интенсивной глобализации, в том числе на ее криминальной составляющей, в связи с чем борьба с преступностью должна предусматривать и глобализационную стратегию. В своем фундаментальном труде ученый резюмирует, что выбор использования тех или иных закономерностей зависит от эффективности управления, анализа и прогноза конкретных руководителей, представителей политической, экономической и научной элит, однако он должен соответствовать реальным отечественным социальным процессам, учитывающим ментальные их особенности [4, с.143].

Следует отметить, что потенциал глобализационных процессов достаточно велик и определяем тенденциями к интеграции в различных сферах социума, в т.ч. товаров и услуг, решением общемировых проблем, миграционными потоками, относительной прозрачностью границ, доступностью транс-магистральных перевозок, информационными ресурсами и мобильными средствами, к сожалению, негативные импульсы криминала международного, межрегионального характера не могут не воздействовать на современного индивида.

Особая роль в системе превентивных мер общей профилактики принадлежит социально-правовому контролю. Однако его эффективность в современном российском обществе незначительна. Вместе с этим, процессы коммерциализации общественных отношений, корреспондирующие с негативными тенденциями уровня жизни значительной части населения, способствуют генерации в сознании индивидов статуса социальной несправедливости, которая в условиях системного кризисного состояния государственного аппарата является социальной базой для организованной преступности. В условиях недостаточного качества юридической техники законотворческого процесса и системного несовершенства правоприменения существует угроза распространения стереотипа безнаказанности совершения антиобщественного поведения.

Криминологи сегодня отмечают, что нацеленность общих профилактических мер должна быть не только в плоскости снижения уровня отдельных видов и групп криминальных деяний, а формирования позитивного правосознания, положительного общественного мнения граждан о деятельности правоохранительных органах, системе правосудия, повышения уровня усвоения антикриминальных представлений, спада антиобщественной пораженности отдельных социальных слоев.

В этой связи представляют интерес результаты исследований С. Коэна и Г. Шпрангера. В частности, С. Коэн пришел к выводу о том, что социальные формации, имеющие деградирующий характер, влекут изменения идентификационных характеристик личности, становится одобряемой подмена социально значимых ценностей асоциальными установками. По мнению Г. Шпрангера, значительно придают отрицательный заряд социальным отклонениям спад производства, обнищание населения, девальвация правовых норм и правил [5, с.274].

Особенности правосознания как правового феномена заключаются не только в формировании представлений о действующей системе правового регулирования и психологическом восприятии правового бытия, но и в формировании внутренних установок. А принцип законности трансформирует правовые чувства в поведенческие акты.

Чтобы измерить эффективности функционирования деятельности органов исполнительной власти и судебной системы, необходимо ссылаться на критерии состояния законности.

Так, согласно федеральной программе развития судебной системы до 2024 года в качестве индикатора эффективности реализации документа определена тенденция увеличения числа граждан, положительно характеризующих работу судов. А в соответствии с Указом Президента России от 4 февраля 2021 года №68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации регламентирующим оценку эффективности деятельности высших региональных должностных лиц» [6], основным показателем правоприменения является доверие граждан.

В научной литературе принято квалифицировать меры по предупреждению интернет-преступлений на три группы: правовые, организационно-технические и криминалистические.

Существует ряд проблем, препятствующих расследованию и предупреждению преступлений в киберпространстве:

– несовершенство уголовного законодательства России в сфере борьбы с интернет-преступлениями;
– нехватка узконаправленных экспертов в правоохранительных органах;
– отсутствие методического материала – наработок;
– несогласованность уголовно-процессуального законодательства России – неясно, что следует принимать в качестве доказательств электронных следов преступления.

Желаемый результат не всегда можно достичь, прибегая только к правовым мерам сдерживания, а лишь в совокупности с мерами организационно-технического характера для защиты интересов общества, личности и государства в киберпространстве от противоправных посягательств на них.

Наиболее актуальной проблемой для нашего государства является отсутствие должного кадрового обеспечения правоохранительных органов. Применение комплексных аппаратных и программных мер может положительно повлиять на борьбу с интернет-преступлениями. Также используется аппаратный метод, который позволяет сократить количество киберпреступлений через установку идентификаторов личности, источники бесперебойного питания и устройств экранирования аппаратуры.

Программные методы защиты предназначаются для непосредственной защиты информации. Для защиты информации при ее передаче обычно используют различные методы шифрования данных. Не стоит забывать об аналитической работе, которая является неотъемлемым методом по борьбе с интернет-преступлениями. Можно выделить три взаимоопыляемых уровня анализа:

1. Стратегический анализ – исследование общих проблем и формирование требований для обеспечения информационной безопасности.
2. Тактический анализ – результативное исследование, направленное на изучение специфики преступлений в данной сфере.
3. Оперативный анализ – анализ конкретного частного случая, способствующий изобличению преступников, определению их непосредственных целей и мотивов.
4. Аналитическая деятельность позволяет на основе полученных рекомендаций реализовать мероприятия, нейтрализующие выявленные опасности:

– ужесточение уголовного законодательства за киберпреступления;
– формирование у населения понимания опасности и противозаконности соответствующих деяний;
– проведение целевых мероприятий и распространение информации об успешной борьбе с рассматриваемой преступностью;
– формирования киберэтики цифровых компетенций взаимодействия в сети интернет.

Изложенная проблематика, ставящая задачу поиска определения причин и условий формирования социально-правового фона позитивного правосознания, к сожалению, не была решена в полной мере.

Основы государственной политики Российской Федерации в сфере правовой грамотности и правосознания граждан, в качестве основных фактов, формирующих позитивное правосознание, определяют:

- эффективность и профессионализм судебных и правоприменительных органов;
- характер и качество воспитательного процесса;
- уровень образования, предусматривающий развитие у учащихся правовых основ.

Но этого недостаточно, необходимо разработать и реализовать дополнительные меры для формирования позитивного правосознания, поскольку несовершеннолетние продолжают активно участвовать в несанкционированных митингах.

Таким образом, представляется важным переосмыслить комплекс факторов, детерминирующих современную вариативность поведенческих правовых стереотипов, их взаимосвязь с соблюдением требований законности и влиянием на формирование позитивного правосознания граждан.

Чтобы трансформировать социально-экономические государственно-правовые институты, необходимо изучить их содержания, объяснить генезис таких процессов, попытки пересмотра доктринальных подходов к правопониманию и ценностей правовых норм.

Многие ученые специалисты уверенны, что повышение киберэтики населения будет значительно эффективнее, чем покупка защитного оборудования. Не стоит забывать про индивидуальную профилактику, которая оказывает целенаправленное воздействие на конкретный субъект. К наиболее действенным мерам относятся:

– формирование у данного лица понимания неотвратимости наказания;

– осуществление мероприятий, вынуждающих лицо к добровольному отказу от совершения противоправных действий;

– насаждение в группах криминальной направленности взаимного недоверия и страха перед неизбежным разоблачением;

– формирование цифровых компетенций у лиц – получателей услуг в сети Интернет.

Квинтэссенцией организационных мер по минимизации криминогенных детерминантов антиобщественного деструктивного поведения в сети Интернет должны являться как всеобъемлющее обучение телекоммуникационным технологиям в сфере индустриального Интернета и информационной безопасности, так и обеспечение образования сотрудников правоохранительных органов IT-технологиям для раскрытия и расследования сложных компьютерных преступлений.

Учитывая оценки масштабов угроз, исходящих от деструктивного антиобщественного поведения в сети Интернет, предпосылки уголовно-правового инструментария защиты общественных отношений позволяют сделать вывод о необходимости введения положений, регламентирующих уголовную ответственность за:

– противоправное завладение сведениями, доступ к которым осуществлялся посредством сети Интернет, а также несанкционированное присвоение материальных информационных источников, связанное с целевой установкой на использование сведений;

– IT-алгоритмизацию компьютерных продуктов, сопряженную с процессом разработки, получения, эксплуатацией и обращением виртуальных программных схем, направленную на внедрение посредством сети Интернет, а также компьютерных устройств удаленного криминального влияния; приобретение вредоносных компьютерных программ для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации.

Исследуемый феномен приобретает признаки повседневного социального явления, в том числе связанного с информационным восприятием окружающей действительности, при определенных условиях манипулирующего воздействия в виде, например, «фейковых сведений», что дезориентирует личность в механизме общественно опасного поведения.

В числе основных превентивных направлений технологического характера предлагается перепрофилирование в сфере отечественного производства, вектором которого является избирательное использование зарубежных технологических средств и технологий в области телекоммуникационного оборудования, позволяющее минимизировать воздействие деструктивных сил, находящихся в других странах.

Исследуемая разновидность преступлений обладает высокой степенью латентности, учитывая проблемы подготовки кадров, способных на высоком уровне проводить компьютерно-технические экспертизы, а также недостаточная проработанность уголовного законодательства, криминогенная детерминация деструктивного поведения в интернет-пространстве будет носить усиливающий характер.

По нашему мнению, в целях приведения российского уголовного законодательства (ст.ст. 272-274 УК РФ) в соответствие с положениями Конвенции Совета Европы 2001г. «О киберпреступности» [7, с.129] необходимо изложить ч. 1 ст. 272 УК РФ в следующей редакции:

Статья 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации».

1. Неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, а также неправомерный перехват компьютерной информации, т.е. информации, содержащейся в компьютерной системе, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование информации, нарушение работы компьютерной системы, - наказывается...

Мы также полагаем, что необходимо обеспечить взаимодействие всех субъектов, призванных обеспечивать безопасность России на региональном, национальном и международном уровнях, основой для которого может послужить разработка и принятие соответствующего международного соглашения.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 05.07.2021, № 27 (часть II), ст. 5351.
2. Центр кибербезопасности ФСБ сообщил об атаках на российские web-приложения // URL: https://www.interfax.ru/digital/828015
3. Указ Президента Российской Федерации от 01.05.2022 № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 02.05.2022, № 18, ст. 3058.
4. Лунеев В. В. Эпоха глобализации и преступность / Ин-т государства и права РАН. М. Норма, 2007.
5. Шпрангер Эдуард. Формы жизни: Гуманитарная психология и этика личности / Пер. А.К. Судакова. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 400 с.
6. Указ Президента Российской Федерации от 04.02.2021 № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 08.02.2021, № 6. ст. 966.
7. Левашова О.В., Витюк А.А. Положения Конвенции Совета Европы о кибербезопасности // Закон и право. 2021. № 11

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 02.07.2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 05.07.2021, No. 27 (Part II), Article 5351 (In Russ.)
2. The FSB Cyber Security Center reported attacks on Russian web applications. Access mode: https://www.interfax.ru/digital/828015 (In Russ.)
3. Decree of the President of the Russian Federation dated 05.01.2022 No. 250 "On additional measures to ensure information security of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 05.02.2022, No. 18, Art. 3058(In Russ.)
4. Luneev V. V. The era of globalization and crime / Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. M.: Norm, 2007 (In Russ.)
5. Spranger Eduard. Forms of life: Humanitarian psychology and ethics of personality / Per. A.K. Sudakova. M.: "Canon+" ROOI "Rehabilitation", 2014. 400 p. (In Russ.)
6. Decree of the President of the Russian Federation dated 02.04.2021 No. 68 "On assessing the effectiveness of the activities of senior officials of the constituent entities of the Russian Federation and the activities of executive bodies of the constituent entities of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 02.08.2021, No. 6. Art. 966. (In Russ.)
7. Levashova O.V., Vityuk A.A. Provisions of the Council of Europe Convention on Cybersecurity. Law and Right. 2021. No. 11: 128-130 (In Russ.)

Информация об авторах

Семенцова Ирина Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент
Фоменко Андрей Иванович – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой
Шабаева Алина Евгеньевна – магистрант

Information about the authors

Sementsova Irina A. – Candidate of Law, Associate Professor
Fomenko Andrey I.– Candidate of Law, Head of the department
Shabaeva Alina E. – Master Degree Student

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 04.02.2024; одобрена после рецензирования 19.02.2024; принята к публикации 26.02.2024. The article was submitted 04.02.2024; approved after reviewing 19.02.2024; accepted for publication 26.02.2024

Политические институты, процессы, технологии

Научная статья
УДК 323

**Современная аграрная политика России:
проблемы развития инфраструктуры**

© С.М. Инжижоков, А.Ш. Самгуров, 2024

Инжижоков Сафарби Мухамедович,[1] Самгуров Анзор Шихарбиевич[2]
[1,2] Южно-Российского института управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия
[1] injijokov@yandex.ru
[2] samgurov-anzor@mail.ru

Аннотация. В статье выявляются инфраструктурные и социально-экономические проблемы реализации современной аграрной политики Российской Федерации. Целью исследования являлось проведение политического анализа проводимой в Российской Федерации государственной аграрной политики, выявление проблем ее реализации и разработка рекомендаций по совершенствованию аграрной политики современной России. Исследования проводилось с опорой на объективные факты и логико-аналитический инструментарий научного познания, что способствовало получению новых научных представлений о механизмах реализации аграрной политики. В ходе исследования выявлен ряд проблем реализации государственной аграрной политики. К ним можно отнести структурно-функциональные, демографические, экономические, институциональные, социо-культурные и др. Определены приоритетные направления государственной поддержки агропромышленного сектора, и разработаны предложения по совершенствованию государственной аграрной политики.

Ключевые слова: аграрная политика, продовольственная безопасность, аграрный сектор, импортозамещение

Для цитирования: Инжижоков С.М., Самгуров А.Ш. Современная аграрная политика России: проблемы развития инфраструктуры // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 3 (166). С.124-129

Original article

**Modern agricultural policy of Russia:
problems of infrastructure development**

Injizhokov Safarbi M.[1], Samgurov Anzor Sh.[2]
[1,2] South Russia Institute of Administration – the Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service, Rostov-on-Don, Russia
[1] injijokov@yandex.ru
[2] samgurov-anzor@mail.ru

Abstract. The article identifies infrastructural and socio-economic problems of the implementation of the modern agrarian policy of the Russian Federation. The purpose of the study is to conduct a political analysis of the state agrarian policy pursued in the Russian Federation, identify problems of its implementation and develop recommendations for improving the agrarian policy of modern Russia. Research is conducted based on objective facts and logical and analytical tools of scientific knowledge, which contributed to obtaining new scientific ideas about the mechanisms of implementation of agricultural policy. The study reveals a number of challenges in the implementation of the state agrarian policy, which include structural and functional, demographic, economic, institutional, socio-cultural ones, etc. Priority areas of state support for the agro-industrial sector are identified and proposals are developed to improve the state agrarian policy.

Keywords: agricultural policy, food security, agricultural sector, import substitution

For citation: Injizhokov S.M., Samgurov A.Sh. Modern agrarian policy of Russia: problems of infrastructure development. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.3 (166):124-129 (In Russ.)

Аграрная политика занимает важнейшее место в современных политических процессах, так как напрямую или опосредованно влияет на политическую стабильность, экономическое и социальное развитие как отдельных сельскохозяйственных территорий, так и экономики России в целом. От эффективности реализации аграрной политики зависит продовольственная безопасность любого государства.

Россия и раньше находилась в трудных условиях перехода к рыночной экономике, социально-политических реформ, связанных с политической модернизаций, кризисных явлений и технологического отставания, прежде всего в аграрной сфере. В настоящее время все это усугубилось внешним политическим давлением в политической сфере и санкционными практиками в экономической.

Кризисные явления в условиях глобализации приобретают мультипликационный эффект, особенно это касается продовольственных рынков, где экономические угрозы дополняются демографическими, экологическими и климатическими [1]. Поэтому обеспечение населения продуктами питания является многофакторной проблемой, а обеспечение продовольственной безопасности становится приоритетной задачей практически всех правительств мира.

Проблема обеспечения продовольствием была всегда доминирующей по сравнению с целым рядом других проблем и всегда носила политическую направленность. Нехватка продуктов питания, голод зачастую вызывали дестабилизацию политической системы. Достаточно вспомнить голодные бунты, например, Бостонский хлебный бунт 1713 года, Марш женщин на Версаль 1789 года, Картофельные бунты в Российской империи(1834 и 1840-44 гг.), Соляные бунты, Марокканские бунты 1981 года, Беспорядки в Южной Африке в 2021 году, восстания и др. Также продовольственные проблемы могут стать триггером массовых беспорядков, как это было в Новочеркасске в 1962 году.

Обеспечение питанием населения имеет множество проблем как природно-климатического, технологического, экономического и социально-политического характера. Одной из проблем является демографическая, связанная с процессами урбанизации. Как пишет Абрамова И.Е., «подавляющее количество людей на текущий момент – люди города, оторванные от земли и не производящие продуктов питания. Таким образом, за сто лет баланс изменился в сторону увеличения потребителей и уменьшения производителей продуктов питания» [2].

Перепись населения 2021 года показало доминирование удельного веса городского населения над сельским. В городской местности проживает 75% населения, в сельской – 25 %.

Данный дисбаланс и отток населения из аграрной сферы во многом объясняются снижением привлекательности сельскохозяйственного труда и снижением инвестиционной привлекательности и предпринимательской активности в аграрном секторе.

Одним из главных факторов оттока населения из села выступает экономический, связанный с трудоустройством в сельской местности. В настоящее время основными работодателями здесь являются крупные агрохолдинги, которые не всегда приоритет отдают трудоустройству местных жителей, так как внедрение инновационных агротехнологий требует больших затрат на обучение и подготовку высококвалифицированных кадров, поэтому их кадровая политика направлена в основном на привлечение уже подготовленных специалистов, которые с учетом сезонности работают вахтовым методом.

Сельская местность существенно отстает от городских территорий и по условиям проживания, наличию экономической, социальной и социокультурной инфраструктуры. Поэтому привлечение инвесторов во многом связано с этими социальными и инфраструктурными проблемами на селе. Для реализации инвестиционных проектов бизнесу недостаточно простого создания рабочих мест, необходимо развивать социальную инфраструктуру, культурную жизнь, здравоохранение, образование на селе, заниматься воспитанием молодежи и прочими социальными вопросами. А это долгосрочные и капиталоемкие затраты. Зато в долгосрочной перспективе гарантируется стабильное получение прибыли при наличии стабильности, эффективного местного самоуправления, образованного, культурного и здорового населения. К сожалению, добросовестные инвесторы и предприниматели сами находится в зоне риска: их добросовестность и основательность делает их менее конкурентными, поскольку увеличение затрат на инфраструктуру, на социальную жизнь села и на производство безопасной продукции снижает прибыльность в краткосрочной перспективе [3].

Инфраструктура в составе агропромышленного комплекса занимает важное место. Инфраструктура – отрасли экономики, научно-технических знаний, социальной жизни, которые непосредственно обеспечивают производственные процессы и условия жизнедеятельности общества.

Термин «инфраструктура» – строение, расположение. Применимо к АПК у данного понятия есть несколько трактовок. Некоторые понимают под инфраструктурой только систему производственного обслуживания, видя ее назначение в создании общих условий производства», в «обеспечении деятельности основного производства.

Производственная инфраструктура обеспечивает сельскохозяйственное производство. Она неразрывно входит в единую систему производства и потребления, обмена и распределения. Без нее сельскохозяйственные предприятия априори не могут осуществлять свою деятельность. Она направлена на увеличение темпов производства, сохранение качества и устранение потерь сельскохозяйственной продукции.

Традиционно в состав производственной инфраструктуры АПК включают:

– систему складских помещений и хранилищ сельхозпродукции;

– элеваторы;

– транспортные и энергетические сети (включая газоснабжение);
– предприятия водоснабжения и водоотведения;
– систему мелиорации и ирригации;
– фитоконтроль и ветеринарное обслуживание;
– предприятия, обеспечивающие материально-техническое снабжение сектора АПК;
– производства по переработке сельскохозяйственного сырья;
– тарное хозяйство;
– предприятия по производству и калибровке семенного материала и др.

Объекты производственной инфраструктуры АПК включают в себя:

1) капитальные здания и сооружения, обслуживающие сельское хозяйство;
2) электрические, телефонные сети, системы водо- и газоснабжения;
3) инженерно-строительные объекты (силосные башни, парники, теплицы, оросительные и осушительные сооружения, ремонтные мастерские, внутрихозяйственные дороги, мосты и др.).

Стабильность работы агропромышленного комплекса зависит от эффективности формирования его производственной инфраструктуры.

Институциональная инфраструктура – отрасли, регулирующие процессы экономики, направленных на обеспечение оптимальной деятельности объектов народного хозяйства. В нее входят государственный аппарат экономического регулирования, кредитно-финансовая сфера, учреждения, обеспечивающие управление народным хозяйством района, страны. Особенностью институциональной инфраструктуры является то, что она обслуживает другие отрасли в виде управляющей подсистемы, при этом самостоятельной отраслью она не является.

Экологическая инфраструктура включает сооружения и объекты, предназначенные для реализации мер, направленных на охрану окружающей среды в процессе производства (очистительные сооружения, ресурсосберегающие технологии).

Таким образом, инфраструктура АПК обеспечивает эффективную деятельность предприятий, занятых в производстве и переработке продукции сельского хозяйства. Все элементы инфраструктуры решают такие важные задачи как формирование производственных комплексов, предоставление сектору АПК квалифицированных кадров, охрана окружающей среды, совершенствование материально-технического снабжения, развитие служб ремонта и обслуживания техники, организация информационного, финансового, агрохимического, зооветеринарного и фитосанитарного обслуживания. Для решения данных задач необходимо проводить мероприятия, нацеленные на их достижение, в комплексе, так как проведение отдельных мер не дает ожидаемого эффекта. Необходим системный подход к развитию всех отраслей АПК, который обеспечит воздействие комплекса мероприятий на рациональное использование природных, трудовых и материально-технических ресурсов с применением достижений научно-технического прогресса.

Большое значение имеет уровень жизни населения сельских территорий. Одновременно снижение уровня доходов населения влечет за собой и снижение покупательской активности. Молодое население уезжает из села еще и потому, что, во-первых, они ограничены в источниках дохода, во-вторых, лишены множества социальных благ. Одним из основных способов заработать в сельской местности – это занятие сельскохозяйственной деятельностью, которая в силу своей рискованности не всегда приносит ожидаемого дохода. Кроме того, негативно сказывается и определённая депривация в различных социальных сферах на селе: культура, образование, здравоохранение, спорт и др.

Поэтому инвестирование в аграрный сектор должно осуществляться комплексно с учетом инфраструктурного развития. В настоящее время по данным Росстата отмечается увеличение общего объема инвестиций на развитие сельского хозяйства с 469,7 в 2015 году до 565,7 млрд.руб. в 2022 году, но удельный вес инвестиций за эти годы уменьшился с 3,2 до 2,6 %.

Таблица 1

Инвестиции в основной капитал,
направленные на развитие сельского хозяйства [4]

	2019	2	2021	20
Инвестиции в основной капитал (в фактически действовавших ценах), млрд руб.	469,7	4 65,6	520,9	56 5,7
В процентах от общего объема инвестиций	3,2	3 0	2,9	2,6

Без субъектов малого предпринимательства и объема инвестиций, не наблюдаемых прямыми статистическими методам.

Для решения проблем развития сельских территорий государство должно стимулировать развитие социальной инфраструктуры сельских территорий и добросовестных сельхозпроизводителей, что

сразу отразится, во-первых, на качестве сельскохозяйственной продукции, во-вторых, будет решен ряд социальных и экономических проблем села.

Задача государственной аграрной политики заключатся в их экономической поддержке, иначе они могут не выдержать конкуренции и покинут аграрный рынок, а на его место придет сельхозпроизводитель, ориентированный только на получение быстрой прибыли, без учета долгосрочных перспектив, что негативно скажется не только на сельском хозяйства, но и социальном развитии сельских поселений и районов.

Это особенно актуально с современными геополитическими и геоэкономическими трансформациями. Серьезным испытанием для аграрной сферы и решения задач продовольственной безопасности стали события 2014 года, когда Запад в связи с Крымом и Украиной ввел санкции в отношении РФ, на что Россия ответила своими санкциями. Речь зашла о полном замещении импорта из США и ЕС. Дальнейшее санкционное давление на Россию стимулировало импортозамещение прежде всего в аграрном секторе.

Таблица 2

Уровень самообеспечения основными продуктами питания [4]
(в процентах)

	2015	2018	2019	2020	2021	2022
Зерно	149,1	147,2	155,6	165,6	148,3	191,4
Мясо	88,7	95,7	97,4	100,1	99,7	101,8
Молоко	79,9	83,9	83,9	84,0	84,3	85,7
Яйца	98,2	97,7	97,1	97,4	98,2	98,0
Картофель	102,1	95,3	95,1	89,2	88,7	94,5
Овощи и продовольственные бахчевые культуры	86,8	87,2	87,7	86,3	86,5	88,5
Фрукты и ягоды	32,5	38,8	40,2	42,4	44,4	47,3
Сахар	100,6	109,5	126,8	99,9	100,5	101,6
Соль поваренная	68,5	67,3	63,8	65,7	68,5	64,2
Масло растительное	125,5	157,4	179,1	200,0	182,0	192,6
Рыба и рыбопродукты в живом весе (весе сырца)	132,8	158,5	152,8	160,7	153,7	165,3

О политики импортозамещения в аграрной сфере говорили и ранее. Это во многом связано с тем, что большую угрозу для суверенизации российского сельского хозяйства представляло вступление России в ВТО в 2012 году [5]. В первую очередь – это ограничения бюджетного финансирования аграрного сектора, подразумевающее снижение таможенных тарифов и ограничений. В целом присоединение России к ВТО порождало множество проблем, накрадывающихся на многие ранее существующие в стране проблемы, а основные векторы развития российской экономики стали определяться мировыми глобализационными процессами.

Острой проблемой российской аграрной политики до сих пор остается спрос на агропродовольственную продукцию. На текущий момент за счет активной политики импортозамещения, проводимой государством, удалось создать возможности для расширения рынка отечественной сельхозпродукции. Но на данный момент на рынке сельхозпродукции отмечается небольшая турбулентность по некоторым показателям. Например, по показателю куриные яйца, несмотря на самообеспеченность в 98 %, возник дисбаланс на продуктовых рынках, вызванный множеством причин и как следствие даже возник острый дефицит, что немедленно отразилось на их стоимости в конце 2023 года.

Одной из немаловажных проблем является слабое производственное и техническое оснащение сельскохозяйственных предприятий. Часто не хватает мощностей по хранению и транспортировке, произведенной с/х продукции. А это в результате влияет на объемы сбыта продукции, потери производителей, а значит и итоговую прибыль [6].

Таблица 3

Количество и объем складов для хранения
картофеля и плодоовощной продукции
(на конец года)

	2021	2022
Количество - всего, единиц	626	580
в том числе: оптовая торговля	295	280
розничная торговля	331	300
Объем единовременного хранения - всего, т	677 834,1	526 210,8
в том числе: оптовая торговля	540 233,4	417 686,0
розничная торговля	137 600,7	108 524,8

Таким образом, внимание следует уделить вышеназванным особенностям реализации государственной аграрной политики. Особое значение необходимо уделять региональным особенностям. Регионы России имеют различный сельскохозяйственный потенциал и, следовательно, структуру сельского хозяйства.

Государственное регулирование АПК должно преследовать цель оказать всестороннюю поддержку производителям:

– финансово-экономическое оздоровление; увеличение инвестиционной привлекательности;
– прямая финансовая поддержка из бюджета;
– развитие рынка сельскохозяйственной продукции; поощрение инноваций в АПК;
– развитие инфраструктуры, включая социальную инфраструктуру;
– повышение уровня жизни населения сельскохозяйственных территорий.

Конституционные изменения 2020 года трансформировали систему управления, где местное самоуправление вошло в единую систему публичной власти, таким образом требуется корректировка существующего политического и экономического инструментария управления аграрной сферой, сельскими территория и агропромышленным комплексом, где должна повышаться роль местного самоуправления в реализации государственной аграрной политики.

Список источников

1. Хоперская Э.А., Крицкая А.А. Проблемы продовольственной безопасности и пути их разрешения в современной России / В сб.: Институциональные трансформации общественно-политической системы России: прошлое, настоящее, будущее: Сборник трудов участников третьей международной научно-практической конференции. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления. Ростов-на-Дону, 2023. С. 214-219.
2. Абрамова И.Е. Основные парадигмы развития национальной безопасности России через призму продовольственной политики // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 3
3. Artyukhin O., Ponedelkov A., Cherkasova T., Kritskaya A., Maximov M., Chigvintsev V. Russian state agrarian policy in the context of modern globalization and glocalization processes: implementation features at the regional level / В сборнике: E3S Web of Conferences. 14th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, INTERAGROMASH 2021. Rostov-on-Don, 2021. С. 06001.
4. Сельское хозяйство в России. 2023: Стат.сб./Росстат – С 29 М., 2023. 103 с.
5. Chigvintsev V., Artyukhin O., Tereshchenko V., Ponedelkov A., Kritskaya A. Food security of Russia main approaches to ensuring it (political science analysis) // В сборнике: E3S Web of Conferences. 8. Сер. "Innovative Technologies in Science and Education, ITSE 2020" 2020. С. 03002.
6. Артюхин О.А., Понеделков А.В., Омельченко И.В. Доктринальные основы обеспечения продовольственной безопасности современной России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 4 (131). С. 140-144

References

1. Khoperskaya E.A., Kritskaya A.A. Problems of food security and ways of their solution in modern Russia. *Institutional transformations of the socio-political system of Russia: past, present, future*. a collection of works by participants of the third international scientific and practical conference. Russian Presidential Acad-

emy of National Economy and Public Administration, South Russian Institute of Management. Rostov-on-Don, 2023. pp. 214-219. (In Russ.)
2. Abramova I.E. The main paradigms of the development of Russia's national security through the prism of food policy. *Humanitarian scientific research*. 2017. No. 3 (In Russ.)
3. Artyukhin O., Ponedelkov A., Cherkasova T., Kritskaya A., Maximov M., Chigvintsev V. Russian state agrarian policy in the context of modern globalization and glocalization processes: implementation features at the regional level // В сборнике: E3S Web of Conferences. 14th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, INTERAGROMASH 2021. Rostov-on-Don, 2021. С. 06001.
4. Agriculture in Russia. 2023: Stat.sat./ Rosstat – From 29. M., 2023. (In Russ.)
5. Chigvintsev V., Artyukhin O., Tereshchenko V., Ponedelkov A., Kritskaya A. Food security of Russia main approaches to ensuring it (political science analysis). E3S Web of Conferences. 8. Сер. "Innovative Technologies in Science and Education, ITSE 2020" 2020. С. 03002.
6. Artyukhin O.A., Ponedelkov A.V., Omelchenko I.V. Doctrinal foundations of ensuring food security in modern Russia. *Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2021. No. 4 (131):140-144. (In Russ.)

Информация об авторах

С.М. Инжижоков– аспирант кафедры политологии и этнополитики
А.Ш. Самгуров – аспирант кафедры политологии и этнополитики

Information about the authors

S.M. Injizhokov – Postgraduate Student at the Department of Political Science and Ethnopolitics
A.Sh. Samgurov – Postgraduate Student at the Department of Political Science and Ethnopolitics

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 13.02.2024; одобрена после рецензирования 22.02.2024; принята к публикации 26.02.2024. The article was submitted 13.02.2024; approved after reviewing 22.02.2024; accepted for publication 26.02.2024

Научная статья
УДК 323

Институционализация системы молодежных общественных организаций через проект «Навигаторы детства» и «Движение первых»

© А.А. Крицкая, А.Г. Меликян, 2024

Крицкая Анна Александровна [1], Меликян Арнольд Гаррикович [2]
[1] Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия. enigmaann@bk.ru
[2] Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия. melikyan.arnold@mail.ru

Аннотация. Институционализация государственной молодежной политики – важный процесс для формирования устойчивого, сообщества молодых граждан, которые были бы лояльно настроены к государственной политике. Формирование патриотических и гражданских стремлений должно происходить именно через неформальные и формальные институты молодежной политики. На этом фоне возникновение новых институтов «Движение Первых» и «Навигаторы детства» может стать базой для создания единой системы целеполагания и сформировать вектор политики, который можно было бы применять на практике в сфере гражданско-патриотического, образовательного и досугового воспитания молодежи.

Ключевые слова: институционализация, движение первых, навигаторы детства, молодежная политика, гражданское общество, патриотическое воспитание

Для цитирования: Крицкая А.А, Меликян А.Г. Институционализация системы молодежных общественных организаций через проект «Навигаторы детства» и «Движение первых» // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 3 (166). С.130-135

Original article

Institutionalization of the system of youth public organizations through the project "Navigators of Childhood" and "Movement of the First"

Kritskaya Anna A.[1], Melikyan Arnold G.[2]
[1] South Russia Institute of Administration – the Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service; Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia. enigmaann@bk.ru
[2] South Russia Institute of Administration – the Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service, Rostov-on-Don, Russia. melikyan.arnold@mail.ru

Abstract. The institutionalization of state youth policy is an important process for the formation of a sustainable community of young citizens who would be loyal to state policy. The formation of patriotic and civic aspirations should occur precisely through informal and formal institutions of youth policy. Against this background, the emergence of new institutions "Movement of the First" and "Childhood Navigators" can become the basis for creating a unified system of goal-setting and forming a policy vector that could be applied in practice in the field of civic-patriotic, educational and leisure upbringing of youth.

Keywords: institutionalization, movement of the first, childhood navigators, youth policy, civic society, patriotic education

For citation: Kritskaya A.A., Melikyan A.G. Institutionalization of the system of youth public organizations through the project "Navigators of Childhood" and "Movement of the First". *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.3 (166): 130-135 (In Russ.)

В Российской Федерации существует тенденция к институционализации государственной молодежной политики и системы молодежных общественных организаций. Это связано с тем, что страна столкнулась с новыми вызовами и угрозами во внутренней и внешней политике. Развитие направлений государственной молодежной политики является залогом стабильного общественного развития и национальной безопасности страны.

Постоянно изменяющиеся запросы современной молодежи и политическая ситуация в стране приводят к постепенной модернизации институтов государственной молодежной политики. Данный процесс осуществляется непрерывно и системно, что приводит к необходимости его обоснования и институционализации через новые формы коммуникации с молодежью.

Сформированные до 2022 года молодежные организации и движения не всегда отвечали требованиям молодых граждан, по этой причине их роль в реализации государственной молодежной политики была минимальна. Институты молодежного самоуправления не отвечали требованиям государственной молодежной политики, в связи с чем часть законных интересов молодежи не была реализована в должной мере [1].

Стоит отметить, что качественная работа органов молодежного самоуправления и молодежных политических организаций могла бы улучшить работу государственных органов власти. Контроль со стороны общественных структур является одним из методов борьбы с коррупцией [2].

Для детального понимания роли молодежных организаций в вопросах институционализации системы государственной молодежной политики и их взаимосвязи с основными политическими и геополитическими процессами необходимо применять историко-сравнительный метод.

При изучении материалов с применением данного метода авторы статьи обнаружили, что развитие всей системы молодежной политики в современной России проходило в два основных этапа: первый этап – 1991-1995; второй этап – 1995-1999.

Исследователи формально разделяют эти этапы лишь по причине развала Советского Союза, что, в свою очередь, стало причиной генезиса новой формации государственной молодежной политики и экспериментов по апробированию всевозможных ее направлений [3].

В 1991-1995 начался первый этап институционализации государственной молодежной политики в России. Институты Советского Союза были упразднены, и начался процесс формирования новых институтов государственной молодежной политики Российской Федерации [4]. Демографический вопрос сыграл в этот период ключевую роль, а также установленный демократический режим стал основой для формирования нового гражданского общества. Возникла необходимость в создании новых подходов к патриотической, воспитательной и образовательной части молодежной политики. Этого требовала и демократизация общественного сознания России. Институциональные основы стали закладываться именно в данный период. Возникали федеральные и региональные органы по работе с молодежью.

Ключевую роль в вопросах регулирования взаимоотношений субъектов и федерации, молодежи и государства, а также развития политико-правовой системы государственной молодежной политики сыграл Верховый Совет Российской Федерации.

Процессы институционализации были запущены благодаря принятию Верховным Советом Российской Федерации постановления от 03.06.1993 № 50904 «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации» (утратил силу) [5], которое закрепляло молодежную политику как исключительную деятельность государства, направленную на развитие молодежных движений и инициатив.

Субъектами и непосредственными инициаторами государственной молодежной политики определялись органы государственной власти, их подведомственные учреждения и отдельные должностные лица. В систему, в том числе, были включены молодежные политические организации, объединения и сами молодые граждане.

Переход с плановой экономики на рыночную существенно сказался на самочувствии молодежи того периода. Граждане стали сталкиваться с проблемами поиска работы, относительной нестабильностью, сложностями с покупкой жилья, вопросами самоопределения в жизни, что в перспективе на десятилетия могло стать причиной протестных настроений в молодежной среде [6].

Социально-политические волнения первого периода институционализации молодежной политики и формирования нового государства могли стать проблемами национального уровня. Возникала потребность в точечном решении запросов со стороны молодежи. Осознав данную потребность, государство принимает решение о необходимости создания федеральной программы, которая была утверждена Указом Президента Российской Федерации от 15.09.1994 № 1992 «Об утверждении Федеральной программы «Молодежь России» [7].

В 1995-1999 начался второй этап институционализации государственной молодежной политики. Данный этап принято называть «политико-правовым оформлением государственной молодежной политики» [8]. На фоне возникающих проблем возникла необходимость в нормативной правовой базе.

Молодежь стала формировать собственные, независимые сообщества, неправительственные институты и организации. В этот период были разработаны и приняты ключевые законы, которые действуют ныне. К ним относятся: Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 № 82-ФЗ [9], Федеральный закон «О государственной поддержке молодежных и детских обществен-

ных объединений» от 28.06.1995 № 98-ФЗ [10], Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ [11].

Данные федеральные законы определили правовую базу государственной молодежной политики в стране и дали толчок для ее развития в регионах. Были определены термины «общественное объединение» и «государственная поддержка общественного объединения».

Важным для исследования является тот факт, что в представленных выше нормативных правовых актах закрепились основные подходы к созданию системы взаимодействия молодежных общественных организаций и государства. Началось формирование гражданского общества и институтов кадровой преемственности власти и молодежных движений [12].

С 2012 года возникла необходимость в пересмотре ранее применяемых подходов в реализации государственной молодежной политики. Термин «молодежь» начал претерпевать существенные изменения. Ранее в нормативных правовых актах «молодежью» называлась социальная группа людей в возрасте от 18 до 30 лет [13], однако позже, в связи с демографическими вопросами и с целью улучшения системы государственной молодежной политики, эти возрастные рамки были расширены до 35 лет [14], что также сказалось на основных показателях реализации государственных программ.

Такой подход позволил расширить формы государственной поддержки молодежи и сформировал базу для генезиса новых общественных движений и развития гражданского общества.

Представляется, что одним из условий, в которых молодежь самостоятельно бы создавала функционирующие общественные объединения, выстраивала бы эффективную коммуникацию с органами государственной власти, а также способствовала трудовому, экономическому и нравственному развитию общества и чувствовала себя наиболее значимо, являются социальные движения, имеющие собственную идеологию [15].

В 2020 году с целью нивелирования новых внутренних и внешних угроз, а также для формирования устойчивой системы патриотического и гражданского воспитания возникает идея создания «объединяющей силы» для современной молодежи. Этой силой выступает Российское движение детей и молодежи «Движение Первых» [16], а также проект «Навигаторы детства» [17].

Оба проекта формально инициированы Указом Президента Российской Федерации с целью консолидации молодежных движений в стране. «Движение Первых» – это общероссийское общественно-государственное движение, включающее в себя школьников и молодежные организации, действующие для них. Основной целью организации является воспитание, реализация проектов для досуга подростков и формирование мировоззрения на основе традиционных российских духовных и нравственных ценностей. Членство в организации осуществляется с 6 до 18 лет. Предшественником данной организации было «Российское движение школьников». Организация осуществляет патриотическое воспитание молодежи и организует досуг для детей и подростков. Деятельность организации построена на принципе партнерства (равный - равному).

«Движение Первых» выступает объединяющей силой для различных молодежных объединений, таких как «ЮнАрмия», «Поисковые отряды», «Мы Вместе», «Ученические самоуправления» и т.д. Через организацию реализуется государственная повестка в части патриотического воспитания подрастающих граждан, формирования гражданственности, организации досуга молодежи [18].

Проект «Навигаторы детства» реализуется в рамках федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации». Основная цель проекта заключается в воспитании молодежи через систему образования. Реализует проекта ФГБУ «Российский детско-юношеский центр». В рамках проекта в каждой образовательной организации (среднее и средне-специальное) Российской Федерации введена ставка советника директора по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями. Задача советника – работать непосредственно с детьми в вопросах патриотического воспитания и формирования гражданственности, поддерживать детские инициативы, транслировать федеральную повестку в образовательной организации и заниматься содержанием воспитательной работы, а также оказывать методическую поддержку педагогам. Советник директора оказывает содействие первичной ячейке «Движения Первых» в школе и занимается всеми бюрократическими вопросами в рамках двух проектов.

Данные проекты влияют на подрастающее поколение как в сфере образования, так и в сфере досуга, что в свою очередь формирует системный подход в работе по гражданско-патриотическому воспитанию и формированию молодых граждан.

В отличие от прочих молодежных организаций и реализуемых проектов «Движение Первых» и «Навигаторы детства» имеют четкую вертикаль управления, широкую государственную и общественную поддержку, финансирование из федерального бюджета, а также разветвленную систему представительств (филиалов) по всей Российской Федерации. В связи с этим обе структуры представляют четко сформированную и хорошо скоординированную систему, где каждое звено реализует свою собственную задачу, направленную на достижение единой цели – воспитание молодежи и реализация досуга.

Благодаря данным проектам в перспективе может быть сформирована устойчивая система, при которой молодежь имеет единый стержень руководства, собственную идею и менее бюрократизирована. Вопросами государственной политики в сфере патриотического воспитания и прямого взаимодействия с Российским движением детей и молодежи «Движение Первых» занимается проект «Навигаторы детства», который непосредственно реализует для молодежи мероприятия и продвигает государственную стратегию, определяемую Министерством просвещения Российской Федерации.

Таким образом, институционализация системы государственной молодежной политики возможна через эти структуры. Форма реализации проектов затрагивает две основные составляющие: досуг молодежи и образовательная (воспитательная) деятельность. Через неформальные институты создается общность, а через формальные внедряется государственная политика. Неформальным институтом в данном случае выступает «Движение Первых», а формальным – проект «Навигаторы детства».

По мнению авторов, подобная модель выглядит крайне эффективно и разделяет молодежь от государственного аппарата, что предоставляет молодежи возможность самореализации, самоуправления и проявления собственных инициатив без включения в операционную и бюрократическую деятельность.

В условиях актуализации множественных факторов внешних угроз для нашего государства, в том числе в формате гибридной агрессии, одним из «необходимых элементов которой является фальсификация истории Великой отечественной и Второй мировой войн» [19] существует необходимость в преобразовании молодежной политики и придании ей нового уровня общенациональной значимости, так как молодежная среда наибольшим образом подвержена влиянию ложных идеологем и установок. Государство на текущий момент движется в верном направлении, так как вопросы формирования единой политики, направленной на формирование в молодежной среде патриотических и гражданских ориентиров, является залогом внутригосударственной стабильности.

Развитие новых институтов молодежной политики, таких как Российское движение детей и молодежи «Движение Первых», а также реализация проекта «Навигаторы детства» существенно сказываются на положительных действиях молодежи и на одобрение общегосударственной политики. Новые объединения имеют собственную идеологию, о которой мы говорили ранее, и направлены на формирование единого стержня управления молодежной политикой.

Подобные изменения назрели давно. Необходимость в централизации молодежной политики и ее государственного управления возникла еще в 2005 году. Именно в этот период стали формироваться субкультуры и неформальные асоциальные движения. Отсутствие государственной идеологически направленной молодежной политики чревато возникновением экстремизма и антипатриотизма среди молодежи.

Институты молодежной политики должны быть посредниками между государством и молодым поколением. Рано или поздно сегодняшняя молодежь будет задавать векторы направления и тенденции развития всей политической и социальной сферы общества. Данный процесс должен быть систематизирован, структурирован и превращен в общественные институты, в противном случае мы рискуем либо упустить ценный ресурс (кадры), либо получить оппозиционное общество, негативно настроенных граждан (анархия). В связи с этим необходимо проанализировать процессы совершенствования уже имеющихся организаций и сформировать единое целеполагание, единый вектор политики которые можно было бы применять на практике.

Изучив основные цели и задачи проекта «Навигаторы детства» и Российского движения детей и молодежи «Движение Первых», авторы предлагают следующие возможные шаги для предотвращения представленных выше проблем:

1. Содействие созданию атмосферы сотрудничества и открытого общения между членами обеих организаций. На сегодняшний день существует проблема дифференциации подходов к реализации единой стратегии.
2. Согласование видения и миссии. Необходимо убедиться, что все члены организации придерживаются общего видения и миссии.
3. Формализация процесса стратегического планирования, чтобы определить долгосрочные цели и создать дорожную карту для их достижения. Необходимо изменить ключевые показатели реализации проектов (от количественных к качественным преобразованиям).
4. Внедрение единой системы мониторинга и оценки эффективности реализации проектов и деятельности ее членов. Необходимо регулярно анализировать прогресс в достижении целей, выявлять области для улучшения и соответствующим образом адаптировать стратегию.

Реализуя эти процессы, обе структуры могут повысить свою эффективность, единство и влияние, создавая при этом целостную постановку целей и вектор политики, которые могут быть практически применены в их работе. Данные шаги позволят сформировать устойчивую систему гражданско-патриотического воспитания и внесут существенный вклад в процесс институционализации государственной молодежной политики в Российской Федерации.

Таким образом, в молодежной политике ценностным ориентациям молодежи в современной научной литературе уделяется много внимания, но работ, посвященных анализу путей совершенствования деятельности молодежных общественных организаций в политическом пространстве России, до сих пор нет. Институционализация молодежной политики реализуется эффективно, однако необходимые процессы реализуются не системно.

Формирование и процессы развития молодежных общественных объединений в России – приоритетный вопрос, который стимулирует общество к политическому участию и отсутствию абсентеизма.

Список источников

1. Щанина Е.В., Нарбекова Л.Ш. Молодежные общественные объединения и их роль в молодежной среде (на примере Пензенской области) // Наука. Общество. Государство. 2023. № 2 (42). С. 100-110.
2. Роганов С.А., Роганова Т.Л. Общественный контроль в сфере противодействия коррупции // Ленинградский юридический журнал. 2022. № 1 (67). С. 92-101.
3. Сухова М.И., Этапы развития государственной молодежной политики в Российской Федерации // Научные записки молодых исследователей. 2020. С.60-65.
4. Андрюшина Е.В. Государственная молодежная политика в российском обществе: этапы, основные направления, показатели результативности // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 67. С.269-281.
5. Постановление от 03.06.1993 № 50904 «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации» (утратил силу) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2138/
6. Сулейманова С.Р. Проблемы правового регулирования молодежной политики в Российской Федерации и пути их решения с учетом положительного опыта ФРГ и Швейцарии // Право и государство: теория и практика. 2018. № 5 (161). С.12-20.
7. Указ Президента Российской Федерации от 15.09.1994 № 1992 «Об утверждении Федеральной программы «Молодежь России» // URL: https://base.garant.ru/6301433/
8. Айтжанова Д.Н. Основные этапы институализации государственной молодёжной политики Российской Федерации и Республики Казахстан // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 1. С.149-157.
9. Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 № 82-ФЗ // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/
10. Федеральный закон «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» от 28.06.1995 № 98-ФЗ // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7041/
11. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/
12. Чаплинска В.С. Молодежные общественные объединения как опорный институт гражданского общества // Наука и образование сегодня. 2017. № 1 (12). С.50-52.
13. Радченко А.Ф., Молодежь и ее возрастные границы // Социология власти. Москва. 2012. С. 19-29 .
14. Бирюков С.В., Сазонов И.С. Молодежная политика: современное понимание и подходы к исследованию // Развитие территорий. М. 2021. С. 85-89.
15. Коморникова, О.М., Проблемы включения молодежи в деятельность общественных организаций в современной России / Историческая и социально-образовательная мысль. М. 2018. С. 110-117.
16. Федеральный закон от 14.07.2022 № 261-ФЗ «О российском движении детей и молодежи» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421798/
17. О реализации проекта «Навигаторы детства»// URL: https://base.garant.ru/404782713/
18. Ситнова А.А. Детские общественные объединения: от пионерии к российскому движению детей и молодежи «Движение Первых». История становления и развития // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2023. № 2 (119). С. 142-151.
19. Тишкин Д.Н., Артюхин О.А., Крицкая А.А. Фальсификация истории Великой отечественной и Второй мировой войн как необходимый элемент гибридной агрессии // Восприятие итогов Великой Отечественной войны в молодежной среде современной России: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Ростов-на-Дону, 28–29 февраля 2020 года. Ростов-на-Дону: ЮРИУФ РАНХиГС, 2020. С. 176-182.

References

1. Shchanina E.V., Narbekova L.Sh. Youth public associations and their role in the youth environment (on the example of the Penza region). *Science. Society. State.* 2023. No. 2 (42): 100-110. (In Russ.)
2. Roganov S.A., Roganova T.L. Public control in the field of anti-corruption. *Leningrad Legal Journal*. 2022. No. 1 (67): 92-101. (In Russ.)

3. Sukhova M.I., Stages of development of state youth policy in the Russian Federation. *Scientific notes of young researchers*. 2020. P.60-65. (In Russ.)
4. Andryushina E.V. State youth policy in Russian society: stages, main directions, performance indicators. *Public Administration. Electronic newsletter*. 2018. No. 67:269-281. (In Russ.)
5. Resolution of 06/03/1993 No. 50904 "On the main directions of state youth policy in the Russian Federation" (lost force) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2138/
6. Suleymanova S.R. Problems of legal regulation of youth policy in the Russian Federation and ways to solve them, taking into account the positive experience of Germany and Switzerland. *Law and State: Theory and Practice.* 2018. No. 5 (161):12-20. (In Russ.)
7. Decree of the President of the Russian Federation of September 15, 1994 No. 1992 "On approval of the Federal program "Youth of Russia" // URL: https://base.garant.ru/6301433/
8. Aitzhanova D.N. The main stages of institutionalization of state youth policy of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. *Bulletin of Omsk University. Series "Historical Sciences"*. 2018. No. 1:149-157. (In Russ.)
9. Federal Law "On Public Associations" dated May 19, 1995 No. 82-FZ // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/
10. Federal Law "On state support of youth and children's public associations" dated June 28, 1995 No. 98-FZ // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7041/
11. Federal Law "On Non-Profit Organizations" dated January 12, 1996 No. 7-FZ // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/
12. Chaplinska V.S. Youth public associations as a supporting institution of civil society. *Science and education today*. 2017. No. 1 (12):50-52. (In Russ.)
13. Radchenko A.F., Youth and its age limits. *Sociology of power.* Moscow. 2012. Pp. 19-29. (In Russ.)
14. Biryukov S.V., Sazonov I.S. Youth policy: modern understanding and approaches to research. *Development of territories.* M. 2021. Pp. 85-89. (In Russ.)
15. Komornikova, O.M., Problems of including youth in the activities of public organizations in modern Russia. *Historical and social-educational thought.* M. 2018. Pp. 110-117. (In Russ.)
16. Federal Law of July 14, 2022 No. 261-FZ "On the Russian movement of children and youth" // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421798/
17. About the implementation of the project "Navigators of Childhood" // URL: https://base.garant.ru/404782713/
18. Sitnova A.A. Children's public associations: from the pioneers to the Russian movement of children and youth "Movement of the First". History of formation and development. *Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after. I. Ya. Yakovleva*. 2023. No. 2 (119): 142-151. (In Russ.)
19. Tishkin D.N., Artyukhin O.A., Kritskaya A.A. Falsification of the history of the Great Patriotic War and the Second World War as a necessary element of hybrid aggression. *Perception of the results of the Great Patriotic War among the youth of modern Russia:* materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Rostov-on-Don, February 28–29, 2020. Rostov-on-Don: YURIUF RANEPA, 2020. Pp. 176-182 (In Russ.)

Информация об авторах

А.А. Крицкая **–** кандидат политических наук
А.Г. Меликян – преподаватель кафедры политологии и этнополитики, аспирант кафедры политологии и этнополитики

Information about the authors

A.A. Kritskaya – Candidate of Political Sciences
A.G. Melikyan – Lecturer at the Department of Political Science and Ethnopolitics, Postgraduate Student at the Department of Political Science and Ethnopolitics

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 25.01.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 26.02.2024. The article was submitted 25.01.2024; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 26.02.2024